

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

Тема номера:

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА

2019/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета:

Серия: Философские науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии

Главный редактор серии:

Бондарева Я. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А. И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

Евстифеева Е. А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Кондаков А. М. — д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла — доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В. В. — д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В. Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Митио Микосиба — доктор наук, почётный профессор, Университет Чива (Япония)

Михалкин Н. В. — д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В. А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Сафонов А. Л. — д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В. Я. — д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина — доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2019. — № 4. — 178 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytitschi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philology, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2019. – № 4. – 178 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Абульханова К. А., Славская А. Н. СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ
КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ I.8

Колесниченко Ю. В. ЛИЧНОСТЬ КАК САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ
БЫТИЕ – ОСОБОЕ НЕОКАНТИАНСТВО С. Л. РУБИНШТЕЙНА24

РАЗДЕЛ II.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Зима В. Н. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНТЫ СВОБОДЫ ВОЛИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОСТИ (ОБ ОБЩИХ
ПРИНЦИПАХ КОГЕРЕНТНОЙ КОНЦЕПЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
СВОБОДЫ ВОЛИ)42

Мурейко Л. В. ИНДУСТРИЯ СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.62

РАЗДЕЛ III.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Кокорин В. В. СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПОСТАНОВКА
ПРОБЛЕМЫ.74

Леонова О. Ю. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРОБЛЕМА ЕГО НЕПРЕРЫВНОСТИ83

Мусиенц П. В. К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННОМ
ПОДХОДЕ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ95

Некрасов А. С. ИНФОРМАЦИОННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
И ДУХОВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА104

Самаке К. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ.113

Тимофеев А. В. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ АНТРОПОСФЕРЫ: ЦЕЛЕ-ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЭКЗИСТЕНЦИИ.....	121
--	-----

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ишутин А. А., Матюхин А. В., Моржедов В. Г. ТРОИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО.....	129
---	-----

Устинов О. А. СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1920-Е ГГ.	139
---	-----

РАЗДЕЛ V. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Ильин В. В., Челенко А. В., Шаура Е. К. TECHNISCHE WELT – MENSCHENWELT: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	148
---	-----

Янич М. С. ПРИМЕНЕНИЕ ВЕБ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИИ).....	158
--	-----

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ТЕКСТА УЧЕБНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ	168
--	-----

CONTENTS

SECTION I.

TO THE 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF S. RUBINSTEIN

K. Abulkhanova, A. Slavskaja. CONSCIOUSNESS OF PERSONALITY
AS A PROBLEM. PART I.8

Y. Kolesnichenko. PERSONALITY (LITCHNOST') AS SELF-ACTIVE
BEING – SPECIAL NEO-KANTIANISM IN S. RUBINSTEIN'S WORKS24

SECTION II.

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

V. Zima. METAPHYSICAL REFERENTS OF FREE WILL IN THE CONTEXT
OF THE PROBLEM OF REALITY (ON THE GENERAL PRINCIPLES OF
COHERENT METAPHYSICAL THEORY OF FREE WILL)42

L. Mureyko. INDUSTRY OF CONSCIOUSNESS: THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL ASPECTS62

SECTION III.

SOCIAL PHILOSOPHY

V. Kokorin. SOCIAL TRANSFORMATIONS: THE STATEMENT
OF THE PROBLEM74

O. Leonova. AXIOLOGICAL MODELS OF EDUCATION AND
THE PROBLEM OF ITS CONTINUITY83

P. Musiets. TO THE QUESTION OF THE SUBJECT-ORIENTED
APPROACH TO THE CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY95

A. Nekrasov. INFORMATION-ENERGY AND SPIRITUAL-ACTIVITY
ESSENCE OF CREATIVITY.....104

K. Samake. TRANSFORMATION OF SOCIAL SYSTEMS IN THE
CONDITIONS OF FORMATION OF KNOWLEDGE SOCIETY113

A. Timofeev. HUMAN AS A SUBJECT OF THE ANTHROPOSPHERE: GOAL-VALUE ASPECT OF EXISTENCE	121
---	-----

SECTION IV. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

A. Ishutin, A. Matyukhin, V. Morzheedov. TRINITY AND SOCIAL WHOLENESS IN THE worldview OF D. S. MEREZHKOVSKY	129
--	-----

O. Ustinov. THE FORMATION OF THE PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN THE SOVIET PHILOSOPHY IN 1920s	139
---	-----

РАЗДЕЛ V. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

V. Ilyin, A. Chelenko, E. Shaura. TECHNISCHEWELT – MENSCHENWELT: THE PROBLEM OF INTERACTION IN THE CONTEXT OF MODERN CIVILIZATION.....	148
---	-----

M. Janjić. THE USE OF WEB TECHNOLOGIES IN THE COGNITIVE PROCESS (ILLUSTRATED BY THE STUDY OF MORPHOLOGY).....	158
---	-----

N. Mikhalkin, A. Averushkin. THE MEANING AND MEANING OF THE TEXT OF TEXTBOOKS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL WORLDVIEW AND METHODOLOGICAL CULTURE OF THINKING AMONG STUDENTS.....	168
---	-----

РАЗДЕЛ I. К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

УДК 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23

СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА. ЧАСТЬ I

Абульханова К. А., Славская А. Н.

Институт Психологии Российской Академии Наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, кор. 1, Российская Федерация

Аннотация. С опорой на методологию философско-антропологической онтологической парадигмы Рубинштейна в данной статье представлена философско-психологическая концепция сознания как интегратора, обеспечивающего жизнедеятельность личности. Авторы предлагают пойти путём осмысления проблемы преемственности самого способа мышления, которым осуществляется познание сознания. Используются исторический, компаративистский, аксиологический и телеологический, а также комплексный и системный подходы к анализу феномена сознания. В представленном анализе находят применение исследовательские принципы соотношения биологического и социального, личностный принцип, принцип единства сознания и деятельности, потенциального и актуального (имплицитного и эксплицитного). Результирующим первой части исследования является обозначение авторской позиции по отношению к феномену сознания как особого функционального комплекса личностной самореализации. Сознание обеспечивает неперемнную уникальность самоопределения личности на своём жизненном пути.

Ключевые слова: сознание, Рубинштейн, жизненный путь, философско-психологическая методология, личность, субъект, бытие

PERSONAL CONSCIOUSNESS AS A PROBLEM. PART I

K. Abulkhanova, A. Slavskaya

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13-1, Jaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract. Methodologically based on the philosophical and anthropological ontology of Sergey Rubinstein the article presents philosophical-psychological concept of consciousness as an integrator of personal existence. The authors of the study suggest rethinking the issue of

pattern – of – thought inheritance, which brings to existence comprehension of consciousness as it is. Historical, comparative, axiological, teleological, as well as complex and systematic investigation approaches are used in the analysis of the phenomenon of consciousness. In the study, the following research principles are applied: co-relation of biological and social, principle of personality, principle of consciousness-activity unity, principle of potentiality and actuality (of implicit and explicit). The conclusive theoretical statement of the first part of the article reveals the authors' view on the phenomenon of consciousness as a specific functional complex of personality's self-realization. Consciousness ensures personality's ever-unique self-identification in his/her life path.

Keywords: *consciousness*, Rubinstein, life path, philosophical-psychological methodology, personality (litchnost'), subject, Being

Среди философско-методологических и научно-психологических категорий, понятий, концепций, пожалуй, нет равной *сознанию* по числу и разнообразию его определений, характеристик, интерпретаций. Они могут различаться разве что по мере целостности или специализированности, по уровню определённости, по числу авторов, разрабатывавших тот или другой аспект определения сознания, что и приводило к его превращению в целое направление, по историческому долголетию его существования или развития.

Среди титанов оригинальнейших философских концепций сознания общепризнанными, исключая исторические дали философского мышления, являются Гегель, Кант, Маркс, Фрейд (каждый автор в праве расширить этот список). Предельным уровнем абстрактности определений было, как известно, *соотношение сознания и субъекта, бытия и сознания*.

Независимо от того противопоставлялись ли другие многочисленные теории сознания друг другу или были вообще не сопоставимы по сущности, которую они раскрывали в сознании, общим принципом, методом их построения являлись, несколько прибли-

жённо обобщая, *два основных способа* его познания: либо они *начинали* (и в известной степени ограничивали) своё исследование с *него самого* как непосредственного предмета его определения, либо они разрабатывали *одну его*, качественно отличную от других, ипостась, один аспект, одно из проявлений.

К числу таковых относится вся область *лингвистики*, выявлявшая соотношение *языка и сознания*, плавно переходящая в область семантики, герменевтики (соотношение смыслов, значений и интерпретаций), область диалогизма сознания, его соотношения с Я-концепцией, самосознанием, его рефлексивной способностью, ценностностью, соотношения сознания и культуры и т. д.¹ К этому перечню можно добавлять аспекты соотношения индивидуального и общественно-го сознания, менталитета, обыденного и научного сознания и т. д.

Одним из философских направлений является изучение соотношения *сознания и познания*, которое, на наш взгляд, до сих пор недостаточно раскрыто.

¹ Разумеется, в этот перечень не входят проблемы антропогенеза, онтогенеза как становления, возникновения, развития сознания, и многое другое.

В каждой из перечисленных (не исчерпывающим образом) «областей» изучения и определений сознания, накоплен обширный и оригинальный опыт *знаний о сознании*, в той или иной степени подводящий к раскрытию его сущности.

Однако, обозначая тему данного эссе как *проблему* сознания, можно обсудить *альтернативу*: идти ли от перечисленных (и множества других его определений) к их *интеграции, синтезу*, или возможен путь осмысления проблемы преемственности или новизны самого *способа мышления*, которым осуществляется познание сознания.

Представляется, ограничиваясь рамками обсуждаемой темы, что главным изменением последнего времени в области познания сознания может считаться отнюдь не отказ от накопленных *знаний*, не отречение от философской мысли прошлых столетий, но его своеобразная, свойственная современной эпохе «переакцентуация» на роль *методологии* философско-психологического познания как *метода* философского мышления, на его *способ*, в новых современных условиях.

Рассматривая (в научно-философской сфере) характер этого изменения, мы связываем его с именем Сергея Леонидовича Рубинштейна, в максимальной степени владевшего философскими знаниями и отрефлексировавшего *способы* их получения, и в силу этого достигшего высочайшего уровня философского мышления [2]. *Новизна* последнего является результатом обобщения опыта философского познания и методологии психологии, а также ряда других наук, включая

математику, естествознание, физику и науки об обществе.

Ограничимся в методологическом контексте сравнением этого способа мышления только с гегелевским, поскольку последний отличался высшим уровнем диалектичности.

Обращаясь к гегелевской *парадигме* как способу *концептуализации*, т. е. тому этапу истории философской *мысли*, на котором она, достигнув своей вершины, *остановилась*, мы находим в ней, во-первых, казалось бы, *те же* «составляющие», которые, на первый взгляд, в качестве претендующем на *новые*, вводит С. Л. Рубинштейн в своём первом философском проспекте «Принцип творческой самостоятельности»¹ – программе труда «Человек и мир» (опубликованном через 50 лет!)².

Отвлекаясь от критической оценки гегелевского подхода к сознанию как *начальной* отправной философской позиции, можно сказать, мы действительно находим общее: и деятельное *движение* его сознания; «саморазвёртывание» в «качестве живого субъекта», субъективность которого носит в себе свойство действовать и вообще двигаться, быть деятельной»³.

«Идеальная субъективность» (т. е. сознание – *Авт.*) должна выявить и

¹ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики) // Учёные записки высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир – проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–385.

³ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкниг, 1938. С. 181–183.

осуществить то, что в ней заключено»: «общее состояние мира» и «субстанциональную самостоятельность», а также противоречие между «субъектом, взятым в его конкретной действительности, и субъектом как мыслящим»¹. С этой целью в парадигму «Человека и мира» С. Л. Рубинштейном вводится понятие *Мира*². Иными словами мы находим здесь и единство сознания и деятельности, и способность субъекта к деятельности и самоосуществлению – по выражению С. Л. Рубинштейна – «самодетельности»; т. е. все те же «составляющие», образовавшие в своё время его замечательную концепцию 1922 г. [5]. В концепции Гегеля нет «Человека», он существует лишь как эмпирический субъект, индивид или «современный человек», и нет *жизни* – не в её эмпирическом понимании, а в философском – как жизнедеятельности Человека (по С. Л. Рубинштейну). В силу их «совпадений» нельзя ли сказать, что С. Л. Рубинштейн «по-своему прочёл» Гегеля и воспроизвёл его парадигму?

Однако диалектика философского мышления Рубинштейна проявляется не только в способности раскрыть *самодвижение* сущностей, обозначаемых теми или иными понятиями, и, в его случае, категориями, а также не только в выявлении противоречий этих сущностей «в себе» или с другими сущностями, что удаётся Гегелю. Рубинштейн не ограничивается диалектическим способом определения «составляющих» категорий, но, что и

свойственно его парадигме, применяет такой способ обобщающей их интеграции, при котором они в своём объяснительном качестве имманентны друг другу. Онтологическая роль сознания в жизни Человека у Гегеля отсутствует.

Можно сказать, что все «составляющие» парадигмы С. Л. Рубинштейна раскрываются им в своей *функциональной роли* по отношению друг к другу, что их *одновременно и объединяет*, и дифференцирует. Нельзя и Гегелю «отказать» во внутреннем единстве при противоречивости объяснения, но *именно и только сознания, не его роли в жизни человека*. Кроме того, Рубинштейн *другим, чем Гегель*, способом, связывает объяснительные категории (а не понятия, в гегелевской интерпретации) на высшем уровне философских абстракций. И начинает он не с сознания, а с *Человека, обладающего сознанием и «деятельностью»* в Мире. И сознание, и деятельность, имея разный онтологический «статус» как разные способы взаимодействия Человека с Миром, раскрывают возможности осуществления человеком жизнедеятельности в Мире. Рубинштейновская парадигма отправляется в познании сознания с контекста, в котором исследуется роль сознания. Сознание для него «не первично» и «не вторично», а определено в его *функциональной роли* в сущностном бытии Человека.

Становление человека, как известно, изначально предполагает иной, чем адаптация к среде, способ существования, т. е. осуществление взаимодействия с миром, жизнедеятельности в нём. Уже в статье 1922 г. Рубинштейн поставил акцент на связи сознания с деятельностью, подразу-

¹ Гегель Г. Ф. В. Лекции по эстетике. Книга Первая. Т. XII. М.: Полиграфкнига, 1938. С. 184.

² Там же. С. 182.

мевая её субъекта (в категории *самодетельности*). В 1935 г. в «Основах психологии»¹ он закрепил эту позицию. Рубинштейновская парадигма является более высоким уровнем философского обобщения, включающего и жизнедеятельность Человека в Мире, и его сознание [9; 10].

Можно ли сегодня рассматривать возникновение сознания через утверждение противоположности субъекта и объекта, по субъект-объектному основанию? Ответ на этот вопрос является проблемой...

Сложившаяся к настоящему времени общепсихологическая концепция сознания, своего рода *совокупное* знание о сознании, включает его следующие определения:

- как *способности* личности, обеспечивающей её идентичность, подлинность самовыражения, самореализации в жизненном пути и его осуществление в соответствии с её «хочу, могу», «я сам» и «надо» (С. Л. Рубинштейн);

- как *включающего* на сознательном, осознанном и неосознанном уровнях общечеловеческие, общественные и коренные ценности (своего менталитета);

- как *осуществляющего*, регулирующего *взаимодействие* личности с обществом, содействующего её *включённости* в него (в качестве принадлежности к определённой социальной страте, занимаемого места, «позиции», в социально-психологической общности, обществе);

- как *определяющего* отношение личности к условиям, требованиям, нормам общественной жизни (в качестве её современника и участника) и способ позиционирования в нём личности, степень её самоопределения, опосредования воздействий общества, личностное дистанцирование от социальной действительности (при необходимости участия в ней);

- как разрешающего противоречия во внутреннем мире личности, противоречия личности и её жизни, противоречия последней, противоречия индивидуальных и социальных ценностей, противоречия личности и общества и т. д;

- как механизма саморегуляции личности, при реализации её своих действий, поступков, взаимоотношений с другими посредством её мышления, познания, чувств и в организации её своей жизни;

- как операционально преобразующего научные, общественные и личностные знания в способы осмысления, переосмысления – интерпретации действительности, в личностные ценности, идеалы;

- как *одновременно* обеспечивающего *определённость*, *устойчивость*, *самобытность* личности и её *изменчивость* в зависимости/независимости от успешности организации и как осуществления своего жизненного пути: как её *развитие* в процессе самореализации в жизни, как побудителя её жизненного движения, ресурса преодоления трудностей и достижений;

- как процесса, образования, механизма и способности к обобщению своей жизни в индивидуальных и социальных категориях, нравственных

¹ Рубинштейн С. Л. Основы психологии: пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Учпедгиз. 1935. 496 с.

принципах и ценностях, а также личностных жизненных смыслах;

– как *интегратора* экзистенциальной, сущностно онтологической и идеальной форм жизни личности, содействующего оптимальности её осуществления для её становления *подлинной* личностью;

– как содействующего достижению ей высшего уровня, полноты самореализации посредством *стратегии* жизни – становлению личности *субъектом* жизни.

Обращение к *методологическому* способу определения сознания стало возможным потому, что С. Л. Рубинштейн представил *контекст*, в котором оно может исследоваться. Этот контекст – Человек в Мире, его жизнь в Мире в качестве Субъекта, личности, индивидуальности, индивида. В этом контексте осуществляются *функциональные связи* Человека, обладающего сознанием и деятельностью, и его жизнедеятельности в Мире [1].

Авторами уже предпринимались попытки определить сознание как жизненную *способность личности*. Однако такому определению функции сознания должно предшествовать выявление его истоков. По-видимому, сознание возникает в жизни личности как своеобразный «орган», механизм функционирования, обслуживающий реализацию её *потребностей*. Согласно философскому определению, само становление человека «сопровождается» возникновением у него труда и сознания. Но если антропогенетический подход *постулирует* это, то методолого-психологический – проблемный – ставит вопрос «для чего и почему оно возникает»?

Человек и сам способ человеческой жизни порождает, предполагает возникновение всё более усложняющихся *потребностей*. Потребности, как известно, удовлетворяются деятельностью человека. Но осуществление деятельности предполагает «наличие» сознания. Следовательно, *потребности* «нуждаются» в сознании для их обеспечения деятельностью. Человек выступает не только в качестве субъекта – связующего звена – в принципе единства сознания и деятельности. Изначально человек обладает потребностью жизни, в неё же включается и потребность в сознании.

Даже если исключить базовую потребность человека в деятельности, то по мере его развития у него возникают новые духовные потребности, которые предполагают их удовлетворение, опосредованное *сознанием*.

Определение сознания, по-видимому, необходимо искать в контексте *побудителей жизни*, её движущих сил.

Обращаясь к способу применения методологического принципа единства сознания и деятельности в психологии, можно сказать, что «метафизичность», т. е. *ещё присущая* нашему мышлению концентрированность на «*определённых*» сознания и деятельности, не принимала к рассуждению, в чём же состоит их единство.

Деятельность невозможна без сознания, последнее – без человека. Упущение понятия потребности в известной мере блокировалось общепринятым «признанием» исходности мотива и акценте на роли последнего – в действии, в деятельности [4].

Если даже «традиционная» философская формула деятельности вклю-

чала «цель», то почему же философско-психологическая «идея» «упустила», «прошла мимо» *источника* возникновения, постановки и способа определения этой цели – сознания человека?

Если придерживаться уровневой концепции сознания, то хотя бы неосознанно человек должен испытывать *потребность в деятельности*. Чем же, как не сознанием осуществляется «поиск» условий, способов, характера, даже «пространства» деятельности? Посредством сознания Человек определяет тот контекст действительности, который должен быть *преобразован его деятельностью*, и ставит вопрос, как его целесообразнее (соответственно потребностям) преобразовать.

Сознание возникает/не возникает в тех границах, которые определяются им соответственно его потребностям. Повидимому, абстрактно характеризовать границы сознания невозможно. В свою очередь, сознание влияет на развитие потребностей. Первоначально обеспечивая потребность в деятельности, необходимой только для выживания, сознание содействует её превращению в *созидательную*. В этом качестве сознание уже выступает как *способность личности*.

Под созидательностью мы подразумеваем не только творческую деятельность личности, но тот *способ осуществления ею своей жизни*, при котором жизнь становится полнотой её *самовыражения*, самобытностью *самоосуществления*. Это не означает, что жизнь «беспроблемна», лишена необходимости. Но всё внешнее, всё случайное, всё «вопреки», препятствующее её всё более развивающимся потребностям, *преодолевается* личностью благодаря способности её сознания *решать проблемы*. Однако

именно эта способность обеспечива-ет не только зависимость сознания от личности, но и обратную (в частности – предотвращение от совершения личностью поступков, удержание от высказывания мнения, в целом – даже изменение направления жизни).

Личность и как научное понятие, и в качестве интегратора различных своих способностей в своё время не являлась «сердцевиной» психологической науки, кроме как в концепции Рубинштейна. Соединение, т. е. высшая способность личности к *интеграции* своих «жизненных сил» (включая и силу воли, и силу мотивации достижения, ответственность и т. д.) приводит к удовлетворению *высшей потребности личности в жизни, соответствующей её притязаниям, желаниям, способностью её сознания*.

И когда личность начинает *использовать* сознание как свою способность, предположительно можно говорить о зарождении её качества как *субъекта*. Тогда сознанием жизнь интерпретируется как ценность. Сознанием личности осуществляется *обообщение* бесчисленного разнообразия *экзистенциальности*¹ жизни. Последняя определяет жизнь как особые проявления личностных *выборов, свобод* и т. д., не связывая её со специфической онтологией жизненных обстоятельств, кризисов, не учитывая *меры соотношения* необходимости и свободы.

При определении *роли личности и её сознания* в жизни мы не используем *событийный* подход к жизненному пути (Ш. Бюлер и др.), а также понятия

¹ Прим.: Понятие «экзистенциальность» мы используем в другом значении, чем оно употребляется в философии экзистенциализма.

матриц, сценариев, репертуаров (хотя они и удобны для эмпирического исследования или консультирования), поскольку они не раскрывают жизненного пути личности во всей его диалектичности, изменчивости.

К сожалению, не может быть использован и богатый исследовательский материал, накопленный в отечественной *детской* психологии, поскольку он ограничивается проблемой становления сознания у ребёнка лишь на пороге жизни. Трудно обобщить с точки зрения психологии биографический, дневниковый и автобиографический разделы художественной литературы (хотя в них, как раз просвечивает «экзистенциальность» жизни). Обобщение этих данных под углом зрения поставленной проблемы требует специального исследования.

Однако есть образцы обобщённого, философски и психологически осмысленного определения роли сознания личности в жизни, одно из которых осуществил Н. Бердяев в своём «Самопознании»¹. Он сумел избежать исповеди о личном, но смог раскрыть свою личность в её внутреннем мире, жизненной позиции, мировоззрении, в жизненных противоречивых соотношениях с людьми, в динамике участия в разных общностях и движениях, в своих отношениях к *изменяющимся* жизненным контекстам. Он представил способ познания внутренних противоречий своей личности, собственной жизни и судьбы.

Это философски-автобиографическое произведение обнаруживает,

как выдающийся русский философ *осуществляет способ самопознания*, могущий быть образцом *искусства сознания* и эталоном научного познания, потому что в нём раскрывается роль сознания как способа решения личностью проблем жизни.

К этому можно добавить, что сам способ познания оказался в высшей мере адекватным его личности и жизни, поскольку Бердяев был философом, широкообразованным и глубокомыслящим. Он был личностью, философски относящейся к жизни, и живущий именно в соответствии с исповедуемыми им философскими ценностями. И прежде всего в этом произведении мы находим концепцию *свободы* (отличающуюся от экзистенциалистского принципа свободы) как реальной, реализуемой в способе жизни ценности, поскольку личность живёт с такой степенью свободы и самоопределённости, что ситуации «или – или» (выбора) для неё просто не существует.

Для конкретизации, подтверждения и своего рода доказательства предлагаемого (в статье) *методологического* подхода к сознанию очень существенна работа *современного* философа Ю. В. Колесниченко [8]. Она представляет в своём историческом труде множество ещё известных, но уже не упоминаемых русских философов *революционного* периода, которые являлись авторами оригинальных *концепций личности*. Последние трудно поддаются даже сравнению, не то что обобщению. И тем не менее, она сумела найти *глубокие* и оригинальные категории и для концепции философии жизни того времени, и, главное, *одну из важнейших*, в данном контексте, раскрывающую способ *самопознания личности*.

¹ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.

Не имея возможности остановиться на множестве других, назовём категорию «*самопортретирования*», которая является философским портретом личности самого философа, способом *самопознания* авторов *разных* теорий личности, в оригинальнейшем подзаголовке книги, обозначенном автором как *биография*, но не личностей, не авторов теорий личности, а их *идей*! Здесь, прежде всего, открывается способность философского сознания самого *автора монографии*, проявляющаяся в интерпретациях [12], в которых соединяются не употребляемые в обыденной речи словосочетания, а также появляются *новые*, в новом контексте.

Здесь выявляется сложнейший философско-психологический конструкт, состоящий из авторского *способа исследования* и обобщения, которые представлены оригинальной *интерпретацией* как способом презентации результатов авторского исследования, воплощающих интеграл самопознания как *самопортретирования* авторов личностных концепций, и *биографию* как историко-смысловую логику их *идей*.

Эти два произведения – давнее и современное – открывают разные философско-методологические пути, раскрывающие способы изучения сознания и его возможностей в жизни, в которых объединяются *два (или даже три) субъекта* – «автор познающий», с оригинальным подходом к своему «объекту», которым является его собственная жизнь, а также «субъект исследующий» (свой «предмет»¹, т. е.

личности разных авторов, в свою очередь, воссоздавших в своих концепциях возможности сознания субъекта в жизни).

Кратко и выборочно излагая сложившиеся способы познания сознания, можно, резюмируя это обобщение на самом предельном уровне абстрактности, выделить два основных. Первый является достигнутой на данном этапе *концептуализацией* его сущности, его разных проявлений, функций, качеств, особенностей и т. д. Таких концепций множество и их преимущество состоит в наличии в каждой «*своей*» логики, делающей её, в известном смысле, *закрытой*. Таковы в современной отечественной философии оригинальные концепции М. К. Мамардашвили, В. М. Аллахвердова, А. Н. и Д. Н. Леонтьевых, А. В. Карпова, В. Ф. Петренко и др [7].

Второй является философски-методологическим, который, с одной стороны, также опирается на определённую философскую парадигму, но являющуюся *контекстом познания сознания, акцентирующим сам способ познания, исследования и определения сознания*, с другой, имеет тенденцию к раскрытию *функциональных возможностей* сознания личности в жизни (в отличие от его определений как «закрытой» системы, структуры и т. д.).

В первом приближении, в качестве гипотезы, последний подход к *сознанию* может быть выражен в своём кратком определении: сознание *обеспечивает способность* личности жить в обществе соответственно масштабу *своей личности и индивидуальности*,

¹ Понятие субъекта употребляется здесь в смысле, отличающимся от философской категории, но обозначающим автора в качестве обладающего высшим уровнем философского мышления. Понятие «предмета»

употребляется в науковедческом смысле – как «предмета» познания.

т. е. является способом осуществления личности в жизни, побуждаемым *потребностями* разного уровня, прежде всего, в самореализации.

Это – определение познавательного подхода к выявлению *разных направлений функциональных возможностей* сознания, которыми обладает личность, используя/не используя их в своей жизни в зависимости от *потребностей её «Я» и её жизни*.

Сознание по своей онтологической сущности принадлежит к классу *функциональных механизмов* (наличных, развивающихся и возможных) человека, объясняемых с позиций *теории вероятности*, в философии – её методологией, в психологии – *проблемностью*.

Как отмечалось выше, потребности в основном рассматривались в отечественной психологии как побудители деятельности (мотив–деятельность), в зарубежной – как мотивация достижения, уровень притязаний личности.

Поэтому есть смысл обратиться к *потребностям*, побуждающим способность личности их осознавать и осуществлять в жизни, соотносительно с её обстоятельствами, противоречиями, возможностями и необходимостью.

Потребности, «ускользающие» от их осознания, но *переживаемые* личностью (в той или иной мере), актуализируются сознанием лишь в критические моменты жизни общества. Другие потребности – «корни» личности своего народа, проявляются в её ментальности как глубинном **неосознаваемом общественном, общинном** (у русского народа). Эти потребности проявляются и как *предрасположенность* личности к определённому укладу, образу

и традициям жизни, иногда, напротив, они проявляются в идеологии, *общественном сознании*, но в этом качестве не всегда принимаются личностью. Патриотизм как выражение осознания высшей ценности своего народа, Отечества, может проявляться на высшем уровне мировоззрения личности, а может быть глубоко укоренён в чувстве любви к ней.

Высшие потребности представлены в *духовности* личности, в духовном складе её сознания или непосредственно – в *духовных потребностях*. Последние побуждают развитие и воплощаются в культурных потребностях и удовлетворяются посредством сознательного приобщения личности к культуре. Но они могут проявляться в *духовной жизни личности*, выражаясь не только в её насыщенности высшими ценностями, но в побуждении личности к жизни *возвышенной*, абстрагирующейся от житейских потребностей и их удовлетворения, к жизни *свободы духа* для решения задач человечества, «Вселенной» [3]. Духовные потребности воплощаются в сознании в единстве с переживаниями. Они представлены «мировоззренческими чувствами», в которых сознание личности обобщает своё ценностное отношение к жизни в целом¹.

Душевные потребности связаны с *взаимоотношениями* между людьми, с отношениями к близким, к природе. Они проявляются в неосознаваемых чувствах или многократно опосредованы сознанием. Их «корни» – в вос-

¹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир – проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–385.

приимчивости и отзывчивости личности.

Одной из ведущих в составе способностей сознания является её роль, образно говоря, как «переводчика» необходимых, актуальных или пережитых самой личностью жизненных впечатлений, потрясений, ситуаций, задач и т. д. на внутренний субъективный «язык» для раскрытия их личностного смысла. Эта «работа» необходима для их «ранжирования» личностью, их переработки, с целью определения (в широком смысле слова) того, как она должна, может, хочет к ним *отнестись*, в них включиться: осуществить ли некоторые действия или проигнорировать, нивелировать, распределить их по значимости, а не по последовательности их реализации, не по их осуществлению во времени, но по *способу и силе* «отклика» на них.

Сознание является таким же переводчиком в момент преобразования, переинтерпретации своих внутренних интенций – намерений, желаний, мотивов, в которых содержатся в разной степени значимости личностные смыслы: смыслы разного масштаба, разной актуальности в данный момент, разной модальности (положительной, утверждающей, отвергающей, пресекающей и т. д.). Сознание как «теоретик» осуществляет взаимодействие личности с жизнью, не парциально, функционирует не по принципу «стимул – реакция», а по своей внутренней композиции, «схеме», в которой выстраивается ценностно-смысловая иерархия, временная последовательность, и, главное, определение способов самовыражения и самореализации, в которой уже присутствует (или предполагается) архитектоника жиз-

ненных обстоятельств, условий и т. д., в которой личность будет объективировать свою внутреннюю направленность. Это не исключает жизненных «случаев», когда личность предпринимает нечто «внезапно», улавливая «подходящий момент».

В своё время мы ввели в определение личности понятие *активности*, которое разрабатывалось А. В. Петровским [11], но в ином ключе. Активность личности является «*посредником*» между описанной выше теоретизацией, концептуализацией своих существенностей для их реализации во времени – пространстве жизненного «хронотопа» (А. А. Ухтомский [13; 14]), в ней представлена предварительная операционализация, «подготовительная» переходная стадия к осуществлению теоретических или практических деятельностей, реализующих внутреннюю жизнь в реальности.

Сознание включается в «пространство» активности, в котором личность соотносит свои притязания со своими способами-возможностями самого разного рода, силами (настойчивостью, требовательностью), как говорилось в нашей старой доброй психологии, «умениями», а в современной – «ресурсами», в широком смысле, в побудительно-исполнительски-регуляторный «узел», «замысел» активности, а также с определением желаемых результатов (достижений), или нежелательных последствий (а потому их упреждения ещё на стадии неосуществлённого). Здесь сознанием решается иная задача, чем выше описанная, но решается способом, который можно обозначить не как теоретизацию, не концептуализацию, а своеобразное

«проигрывание» предстоящей самореализации.

Предлагаемый способ описания разных проблем и «задач», решаемых сознанием как отдельных, самостоятельных звеньев «перехода от внутреннего к внешнему», является не более чем авторской попыткой раскрыть функциональные «акции» сознания личности на подготовительной стадии её объективации в жизни. Однако, в действительности, сложность обеспечения сознанием взаимодействия личности с жизнью такова, что ряд своих задач сознание «решает» в самом моменте взаимодействия личности с жизнью, в самом моменте осуществления ею того или иного поступка, «высказывания», обнаружения своего истинного отношения к происходящему (как говорится, «по ходу дела»). Ряд «встреч» (как называл Рубинштейн взаимодействие личности с жизненными обстоятельствами) личности с людьми (не в обыденном смысле, а в смысле «взаимоотношений»), с жизненными проблемами происходит *внезапно* и иногда неожиданно для личности. Она не имела времени подготовиться к ним. И здесь «на помощь» и проходит её сознание, обеспечившее ранее приобретённый опыт, её «закалку» к фактору *внезапности*, тем, что уже сложилось в её характере (в его функциональности: устойчивость, уравновешенность = «хладнокровность», твёрдость, а также быстрота самомобилизации и т. д.). Само сознание проявляется в быстроте сообразительности, как надо/не надо осуществлять *отреагирование* (наступательно, выжидательно, уклончиво, дистанцированно и т. д.); в жизненно-личностных категориях: иронично, «обдать» холодом, презрением,

высмеять, возмутиться, «дать сдачи» и т. д. Все это, конечно, уже «заряжено» личностными смыслами, принципами, отношениями.

Принципы справедливости и любви к ближнему, всепрощения, голоса совести, принятия решений и т. д. – все эти нравственные «судьи» личности находятся на разных уровнях сознания (сознательном, неосознанном, интуитивном), обладая разной степенью участия в способе осуществления регуляций: одно реализуя, другое задерживая (оставляя при себе), на третьем настаивая, добиваясь и т. д.

Регуляторная способность сознания связана с *фундаментальной временной сущностью* жизни. Здесь она обеспечивает соответствие личностных деяний и реальных обстоятельств («сензитивность») изменениям жизненного пути. Жизнь во всех её измерениях, качествах, сущностных или несущественных проявлениях, имеет *неотъемлемую настоящую направленность* во времени и онтологическую *необратимость* (мы не можем вернуться во вчерашний день, в своё детство, в молодость, т. е. в своё прошлое). Мир, в который она вовлечена и включается личностью, *изменяется*, но в *своих* масштабах, измерениях, которые, в свою очередь, связаны с *историческим временем* бытия и *развития* человечества и того общества, в которое включены личности разных поколений.

Это введение необходимо, чтобы ярче высветить *свободу* сознания как *онтологической способности личности*, противоположную относительно *однонаправленности* времени её жизни. Это известно в ряде наук, от астрономии до физики, но мало инте-

грировано в психологии. В последней представлена психическая способность *памяти* как идеального способа «перенесения» в прошлое для его воссоздания в настоящем. Известна избирательность памяти и произвольность её оперирования (перестановок во времени, не соответствующих реальному времени осуществления того или иного явления, события, изменения). *Память движется в прошлое в направлении обратном направлению времени жизнедеятельности личности.*

В значительно большей степени эта же способность присуща сознанию. Если память направлена в прошлое *против* хода жизни (и только!), то сознание способно «двигаться» и в прошлое из настоящего, и из прошлого к настоящему, а последнее – проецировать в будущее. Сознание (осознание более избирательно) более *произвольно* в своих «остановках» во времени, в его «перестановках». Но при этом существенно, что если прошлое имеет достоинство «онтологически» *реально произошедшего*, уже свершившегося, состоявшегося, и в этом смысле завершённого, то обращение личности своим сознанием к будущему имеет онтологически идеальный характер не только в смысле определённости/неопределённости планов, прогнозов, предвидений, предсказаний и т. д., но и в смысле ещё не состоявшегося, реально не осуществлённого человеком. Можно отметить ещё одну особенность свободы сознания личности: она вольна думать о будущем, которое наступит после её смерти, т. е. выходить за пределы своей жизни¹.

¹ Интереснейшее археологическое исследование, связанное с раскопками памятников

В философской антропологии принято рассматривать сознание как духовную и душевную его ипостаси, не применяя к ним уровневого подхода. Можно также признать, что понятие идеального, использованное С. Л. Рубинштейном для определения природы психического, в этом смысле «занято» и дивергентно по отношению к сознанию как идеальному, т. к. духовное онтологически, в известной степени, существует как идеальная реальность (в отличие от субъективной реальности). Духовное не редко связывается с нравственным, но включая, «исповедуя» нравственные ценности, оно не сводится к нему [6].

Не рассматривая сложности методологического перехода *от* философской категории *человека* к философско-психологической личности, мы подошли к *духовности* личности как к её достижению посредством сознания и воли *общечеловеческого пространства*, т. е. уровня высших человеческих ценностей, на котором они исповедуются и утверждаются как в принципе *самочетные*. Это способность личности к *всеохватности* её сознанием всей трагичности и счастья быть человеком, с принятием на себя всей полноты долга, призвания и ответственности.

Духовное возвышается над личной жизнью, над житейским и ответственным

жизни египтян тысячелетней давности, обнаружил, что они свою настоящую жизнь превратили во всестороннее обеспечение загробной жизни, создав своеобразную материальную индустрию смерти. Эта социально-психологическая, национальная «интроверсия» облегчила жизнь настоящую радостной подготовкой к смерти (термины «интроверсия» или «перверсия» употреблены здесь для обозначения переворота во времени).

ным, обретая *высшую степень свободы*. Здесь личность как человек не борется за ценности, она испытывает их собственную силу, обретая сама силу Духа, способность жить духовной жизнью.

Душевное, на первый взгляд, не является проявлением сознания, скорее чувств. Но, тем не менее, их осознание придаёт последним особую ценность, самооценку, чистоту и искренность подлинной личности. Душевность является либо качеством самой личности, либо связанным с ней отношением к людям. Но в отличие от житейского

представления о душе, как сущности психического, пытавшегося «поместить» её в центр, начало начал, Душа «неподвластна» прагматическим определениям. Личность остаётся человеком, пока жива её Душа. Если она остаётся жить после смерти своего тела, то убить душу человека при жизни, может быть, есть ещё больший грех, чем убить его самого. Она дана свыше каждому, чтобы он был человеком...

*Статья поступила
в редакцию 11.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии, 2006. № 2. С. 80–94.
2. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
3. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблема креативности // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения / отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 245–277.
4. Брушлинский А. В. С. Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 119–164.
5. Брушлинский А. В. Субъектно-деятельностная концепция С. Л. Рубинштейна (20–30-е годы) // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 323–339.
6. Зинченко В. П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 73–84.
7. Зинченко В. П. Сергей Леонидович Рубинштейн: Превратности судьбы учёного // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 305–322.
8. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
9. Лекторский В. А. Немецкое неокантианство в контексте российской гуманитарной мысли: С.Л. Рубинштейн // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 197–208.
10. Лекторский В. А. Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет // Философия психологии / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2016. С. 340–358.
11. Общая психология: уч. / под ред. А. В. Петровского. М., 1976. 479 с.
12. Славская А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна. Философские основания развития. М.: Институт психологии РАН, 2015. 344 с.
13. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

14. Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. 528 с.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. [The abilities of consciousness of the individual as a subject of life]. In: *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2006, no. 2, pp. 80–94.
2. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Preface]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. P. 6–33.
3. Batishchev G. S. [Philosophical heritage of S. L. Rubinstein and the problem of creativity]. In: Lomov B. F., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Ocherki, vospominaniya, materialy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Essays, Memoirs, Materials. To the 100th Anniversary of the Birth]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 245–277.
4. Brushlinsky A. V. [S. L. Rubinshtein – the founder of activity approach in psychological science]. In: Abulkhanova K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinstein* [Sergey Leonidovich Rubenstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 119–164.
5. Brushlinsky A. V. [Subjective-Activity Concept of S. L. Rubinstein (20–30 years)]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 323–339.
6. Zinchenko V. P. [Philosophical Origins of the Psychology of Action]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 3, pp. 73–84.
7. Zinchenko V. P. [Sergey Leonidovich Rubinstein: the vicissitudes of the academic]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 305–322.
8. Kolesnichenko Y. V. *Lichnost v russkoi filosofii 1920–1930 godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of 1920–1930s: Biography of the Idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
9. Lektorsky V. A. [German neo-Kantianism in the context of Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein]. In: Griftsova I. N., Dmitrieva N. A., ed. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kultury* [German and Russian Neo-Kantianism: between the Theory of Knowledge and the Critique of Culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 197–208.
10. Lektorsky V. A. [German philosophy and the Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein and G. G. Spet]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of psychology]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016. P. 340–358.
11. Petrovsky A. V. *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Moscow, 1976. 479 p.
12. Slavskaya A. N. *Osnovy psikhologii S. L. Rubinshteina. Filosofskie osnovaniya razvitiya* [S. L. Rubinstein's Fundamentals of Psychology. Philosophical Foundations of Development]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Science Publ., 2015. 344 p.
13. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [The Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p.
14. Ukhtomsky A. A. *Intuitsiya sovesti: Pisma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Notes in the Margin]. St. Petersburg, 1996. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук; e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Славская Александра Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской Академии Наук;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya A. Abulkhanova – Doctor of Philosophy, professor, Academician of the Russian Academy of Education, chief researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: abulkhanova@ipras.ru

Alexandra N. Slavskaya – PhD in Psychology, senior researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: dirpsy@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Абульханова К. А., Славская А. Н. Сознание личности как проблема. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 8–23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23

FOR CITATION

Abulkhanova K. A., Slavskaja A. N. Consciousness of personality as a problem. Part I. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 8–23.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-8-23

УДК 1(091), 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41

ЛИЧНОСТЬ КАК САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ БЫТИЕ – ОСОБОЕ НЕОКАНТИАНСТВО С. Л. РУБИНШТЕЙНА

Колесниченко Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является стремление показать единую мета-парадигмальную сущность философско-психологического творчества С. Л. Рубинштейна. Процедура обнаружения центрального концепта творчества мыслителя включает в себя авторскую методику выявления философского затекста, а также применение приёма герменевтического согласования этого затекста с узловыми концентрациями соответствующей исторической эпохи. Диахронический и синхронический методы анализа приведены здесь к общему знаменателю исследования парадигмальной сущности авторской мысли. На обширном текстуальном материале показано, что данное качество есть философская парадигма интенциональности бытия (принцип единства сознания и деятельности), понятого как бытие активной личности (личностный принцип).

Ключевые слова: С. Л. Рубинштейн, мета-парадигма, неокантианство, личность, субъект, интенциональность, затекст

PERSONALITY (LITCHNOST') AS SELF-ACTIVE BEING – SPECIAL NEO-KANTIANISM IN S. RUBINSTEIN'S WORKS

Y. Kolesnichenko

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article aims to prove the consistency of the meta-paradigmatic core of S. Rubinstein's philosophical and psychological works. Central-concept-reveal procedure is based on the authentic technique, which is related to the philosophical off-text discovery as well as to the hermeneutic method of harmonization of the off-text with key-concentrations of the respective historical epoch. In the study, diachronic and synchronic analytical methods are used to determine the paradigmatic core of the author's thought. Based on vast textual material it is shown that the mentioned quality is to be the philosophical paradigm of intentionality of Being (principal of consciousness-activity unity) taken as Being of active Personality (personal principle).

Keywords: *S. Rubinstein*, meta-paradigm, Neo-Kantianism, personality, subject, intentionality, off-text

Тема неокантианской составляющей философского творчества великого отечественного мыслителя С. Л. Рубинштейна продолжает небезосновательно волновать современную гуманитарную мысль. Вопрос остаётся открытым в силу недостаточной разработанности темы, что, в свою очередь, связано со сложностью самого предмета исследования, а также со скудной архивной базой. Единственным источником знания по данному вопросу долгие годы служила известная статья академика В. А. Лекторского «Немецкая философия и русская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет», опубликованная в 2001 г. «Вопросах философии» [17]. В последнее время ситуация начинает меняться в лучшую сторону: в научный оборот включены некоторые до недавнего времени недоступные исследователю материалы, например, докторская диссертация С. Л. Рубинштейна по философии (университет г. Марбурга, Германия). Несмотря на то, что за последние годы в России было опубликовано несколько обстоятельных исследований по русскому неокантианству [10; 19], творчество С. Л. Рубинштейна не было подвергнуто детальному изучению. Данная статья призвана внести посильный вклад в разработку этого междисциплинарного (на стыке философии и психологии) вопроса.

Говоря о системе Германа Когена, Сергей Леонидович Рубинштейн призвал взять её не в её результатах, но в истоках, поскольку «вполне понять философскую систему можно, только вскрывая творческие мотивы, те действующие силы, соотношением кото-

рых определяется её конфигурация»¹. В предлагаемой вниманию читателя статье мы воспользуемся данным исследовательским приёмом, погружаясь в неокантианские истоки философско-психологического творчества самого Рубинштейна.

Главный исследовательский вектор нашего исследования будет лежать в плоскости *теории творческой самодетельности* С. Л. Рубинштейна, главного исходного постулата его ранней (1920-е гг.) философской концепции. В 1922 г. в статье «Основы творческой самодетельности. К философским основам современной педагогики» (Гл. 1 «Идея знания» утерянной рукописи «О законах логики и основах теории знания» [10, с. 129]) молодой автор прямо заявил о том, что «лишь в созидании из тех обломков и осколков человечества, которые одни нам даны, этического, социального целого созидается нравственная личность... Личность тем значительнее, чем больше её сфера действия, тот мир, в котором она живёт... Одним лишь актом творческой самодетельности создавая и его, и себя, личность создаётся и определяет-ся лишь в объемлющее целое»².

Имеющая здесь место отчётливая субстанциализация, на первый взгляд, исключает мысль о «неокантианском бессознательном» философской концепции С. Л. Рубинштейна. Но это

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230.

² Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодетельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 154.

лишь на первый взгляд¹. Ответ на этот вопрос следует, по нашему мнению, искать в исходных теоретических предпосылках философской системы основателя неокантианской марбургской школы (а также научного руководителя С. Л. Рубинштейна) Г. Когена. Именно философия Когена (творчески переработанная Рубинштейном на иной субстанциональной основе) делает возможным предположение о том, что «принцип творческой самодеятельности» в философской психологии, также в социальной философии, есть переложенная на язык новой (субстанциальной-личностной) «метафизики» неокантианская квази-интенциональность бытия². В отличие от кантовской «статики», когеновское «сознание» становится динамичным, получает некий импульс движения, приобретает свойства феномена действующего, поступающего. Безусловно, это лишь самое начало исхода из кантовской парадигмы в направлении парадигмы «деятельностной», но

именно в этом моменте, как нам представляется, намечается качественное изменение самого методологического подхода к анализу вопросов бытия, значимое для Рубинштейна. Данная точка зрения высказывается также известным исследователем неокантианства и переводчиком «Теории опыта Канта» Г. Когена В. Н. Беловым, который отмечает, что «русские неокантианцы делают очевидным и внятным интенциональное содержание целого ряда неокантианских идей» [9, с. 183].

Сам Г. Коген начинает процесс отмежевания философии кантовского толка от идеи философии как чистого метода, объявляя *бытие трансцендентное внутренне динамичным началом*. «Его не устраивает кантовское представление о *пассивном* характере чувственности, ... будто именно благодаря моменту пассивности... субъект контактирует с предметом познания...» [22, с. 48]. В философии Когена, таким образом, нет объективного бытия как такого, в его классическом, метафизическом, смысле, в ней нет и не может быть классической («объектной») онтологии, но есть субъектность, представленная как сознание, как трансцендентность. Имманентность же есть главное качество, принцип организации, сама основа существования этой субъектности, как существования активного. Речь идёт об активном расширении «границ» трансцендентального бытия, его вторжение в ареалы бытия трансцендентного. Неокантианский принцип Г. Когена говорит именно об этой «творческой самодеятельности» *сознания/бытия*. Когеновское неокантианство эволюционирует у Рубинштейна в идею творческой самодеятельности

¹ «Логическая острота мысли» (И. Лапшин), свойственная, как правило, сочинениям более позднего периода творчества того или иного мыслителя, и в случае с ранними работами Рубинштейна намечает логический переход в своё иное, от неокантианской самоактуализации трансцендентального бытия – к импульсу бытия личностного, составляющего суть самой субъектности, а именно творческую самодеятельность личности.

² Здесь и далее мы пользуемся термином «интенциональность» как операционным понятием, положенным к применению в различных областях философского знания. Представляется, что этот термин может быть использован и для обозначения глубинной характеристики неокантианской эвристики. Безотносительно к его авторству, это понятие означает направленность сознания на предмет, своего рода активность сознания.

как главного качества активного *бытия/сознания*, то есть сознания не как философской категории объективного онтологического свойства, но как элемента человеческой, личностной ипостаси, категории по-новому понятого бытия. Сам Рубинштейн называет это в своей диссертации «новым трансцендентализмом»¹.

Рубинштейн, отдавая дань «Гегелю, схватившему суть бытия как Субъекта»², подчёркивает, что *неокантианство позволило трансцендентному бытию стать единственным*. «Понятие субъекта (по Рубинштейну) самоопределяется» в связи с его имманентной творческой активностью вовне. Здесь и далее Рубинштейн – Гегельянец, предполагавший новую субстанциальность (субъекта, личность) основой неокантианской трансцендентной реальности. Это – чрезвычайно значимый факт творческой биографии учёного (к слову, в самом названии докторской диссертации С. Л. Рубинштейна, в подзаголовке «К проблеме метода» обозначен «Абсолютный рационализм» Гегеля). Гегельянство у Рубинштейна позволяет философии неокантианства найти своё субстанциальное «бессознательное», преодолеть «методологическую» ограниченность в пользу полноценного философского знания, *фундированного новой субстанциальностью*. Гегелевский субъект перекидывает мост от «чистой трансценденции» к

«трансценденции» нового – личностного – типа.

Далее Рубинштейн идёт уже своим философским путём. Как верно отмечает Абульханова К. А., Рубинштейн «опирается на категорию субъекта, трактуемого не просто как источник активности (согласно Гегелю), но как источник «причинения»³ всего бытия» [4]. Так, в обозначенной выше диссертации Сергей Леонидович пишет, что «Subjekt und Objekt, Denken und Sein sind eins». То есть, Субъект и Объект, мышление и бытие – есть одно⁴. Базируясь на гегелевских, не на кантовских, фундаментальных философских категориях (прежде всего, на категории Субъекта), учёный настаивает на новом типе Абсолюта, отвергая старое определение субстанции как неизменной сущности вещей. Акциденция как свойство субстанции, по Рубинштейну, есть имманентное свойство по-новому понятого Абсолюта, Абсолюта, который и есть Субъект (активное личностное начало): «То, что абсолютное должно быть «субъектом» – а никак не «веществом» – если опосредованное, то только через себя даже опосредованное, если установленное, так только собой установленное: *абсолютное само должно быть тем, что его положения устанавливает*»⁵.

¹ Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode. I. Absoluter Rationalismus (Hegel) Teildruck: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg. 1914. 70 p.

² Там же.

³ Прим. автора: причинения не-креационистского, не причинного обусловливания.

⁴ Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode / I. Absoluter Rationalismus (Hegel) Teildruck / Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg. 1914. P. 47.

⁵ Там же: С. 50. *нем.*: «Das Sein, das Absolute soll als „Subjekt“ – und nicht als „Substanz“ – wenn ein Vermitteltes, so nur durch sich selbst

Происходит субстанциализация неокантианской философии в философской психологии, проинтерпретированная в социально-философских и впоследствии в философско-психологических терминах *творческая самодеятельность*, понятая как принцип организации бытия. Личность, таким образом, становится трансцендентностью, транслитерацией бытия трансцендентального в новой системе философских координат. «*Der Begriff des Subjektes ist Selbstbestimmung*» и есть, по Рубинштейну, понятие «Субъекта-самоопределения». Таким образом, если интенциональность бытия как его главное, родовое качество, составляло основу когеновского новаторского видения кантовского трансцендентного, то идея имманентности, как само-построения бытия, преобразуется у Рубинштейна впоследствии в идею творческой самодеятельности (личности), поскольку творящее бытие отныне есть бытие не объективное, не трансцендентальное творящее, но трансцендентное личностное, активное.

Важнейшей составляющей философии Рубинштейна является основополагающая этическая компонента, выраженная Когеном в книге «Теория опыта Канта», где моральному закону придаётся значение аксиоматическое (по аналогии с математикой). «Хотя нет такой науки о моральных проблемах, которая была бы равнозначна факту математического естествознания, – пишет Г. Коген, – но методологическая аналогия состоит всё-таки в том, что этику не полагается верить в возмож-

ность порождения нравственного закона в его содержании, он в состоянии определить только формулу закона»¹. Рубинштейн есть ученик Когена, прежде всего, в своём этическом видении бытия, сквозь понимание ответственного личностного существования.

В рукописи раннего периода (при жизни не опубликованной) «О философской системе Германа Когена» Рубинштейн проявляет себя как принципиальный критик Декарта и Канта, настаивая на том, что бытие *per se* в обосновании мыслью не нуждается. Рубинштейн экстраполирует субстанциональное понимание бытия на себя, на личность, резко отвергая мысль о том, чтобы «получив обоснование и оправдавшись в своём праве на бытие, превратиться в производную функцию обосновывающей мысли»². Автор негативно относится к «отрицанию всякой данности», уже в первых своих самостоятельных трудах по философии утверждая принципиальность субстанциального начала в философии. Философия Рубинштейна есть метафизический поиск основы по-новому понятого бытия. Он находит его в личности.

Несовпадение с самой собой как главная сущностная характеристика личности, есть основа новой субстанциальности, основа *новой метафизики* (а не её отрицание, на чём настаивал Коген, не посчитавший возможным наполнение старых понятий бытия, онтологии, новым содержанием, (онтологического, не-трансцендентного,

Vermitteltes, wenn Gesetztes, so nur durch sich selbst Gesetztes sein: das Absolute selbst soll es sein, welches seine Bestimmungen setzt».

¹ Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. С. 232.

² Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 233.

а-трансцендентного свойства)). Именно в моменте несовпадения с самой собой личность становится носителем метафизического – трансцендентного – нравственного закона, совпадающего с границами трансцендентального бытия («*das moralische Gesetz in mir*»¹ – И. Кант). Тем не менее, полагая возможным расширительное толкование кантовской философии, именно Коген открыто говорит о том, что «это², вероятно, могло бы быть воспринято и как психология...»³. Для его ученика, С. Л. Рубинштейна, это оказалось поистине судьбоносным исследовательским выбором. «Решение задачи построения философской антропологии и онтологии он начал с разработки методологических проблем конкретной науки – психологии. Обращение к психологии было не только вынужденным, но и внутренне обоснованным: Рубинштейн предполагал найти доказательства этого единства в конкретной науке, которую он, знавший множество наук (начиная от истории, социологии, включая такие области философского знания как этика и эстетика, кончая естествознанием, физикой и математикой), выбрал как ключевую для данного доказательства» [4].

Категорический императив Канта, в случае с раннесоветским восприятием человека, работает не как противопоставление или внутреннее противоречие, но как *амбивалентность* (в том смысле, в котором её понимали, например, П. А. Флоренский

и академик Т. И. Ойзерман). Трансцендентальность *наступала* на трансцендентность, с неотвратимой силой движимая марксистской логикой безусловно активного субъекта как творческой личности⁴. Человек выступает для советской философской идеологии равно как средство и как цель. Отражённое знание о своём поступке, ответственное рефлексирование по поводу события в бытии, вызванного собственной деятельностью, и составляет качество личности. По Рубинштейну, имеет место некая личностная *проективность*, её деятельность, взятая как *творческая самодеятельность*, а также рефлексия вокруг этого действия/деяния. Категорический императив (постулат превращается здесь в категорический императив) – деяние, статика императива – в динамику социального поступательного движения субъекта (личности). Только так, по мнению Рубинштейна, может быть «раскрыта его (субъекта) специфическая онтология»⁵.

Психологическая призма неокантианского трансцендентного бытия выражалась у Рубинштейна следующим образом: «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические

¹ Пер. с нем.: нравственный закон во мне.

² Комм. автора: т. е. кантовская критика чистого разума.

³ Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. С. 572.

⁴ К слову, современная философия продолжает эту линию снижения уровня абстрактности и онтологичности в бытии. Субстанциальность *вымывается* из объективного бытия – в субстанциальность бытия личностного, затем – в субстанциальность атрибутивных свойств личности (философия поступка, субстанциализация поступка), впоследствии – в нивелирование субстанциальности как родового свойства любой законченной философской системы.

⁵ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. С. 74.

компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется их регуляция»¹. Совершенно точно отражает суть дела приводимое здесь замечание К. А. Абульхановой-Славской о том, что «принцип единства сознания и деятельности *содержал* в аккумулярованном виде *систему всех остальных методологических принципов психологии*» [1, с. 28]. Дополнением к высказыванию Ксении Александровны, как нам представляется, послужило бы замечание о том, что принцип единства сознания и деятельности как атрибутивных свойств личностного бытия, являлся базисом всех остальных принципов неокантианской философской психологии Рубинштейна.

Говоря о неокантианстве Рубинштейна, нельзя не отразить тот факт, что он является продолжателем идей Наторпа (ещё одного великого неокантианца марбургской школы, учителя Сергея Леонидовича) о личности как о «великом лозунге времени», как обобщающего понятия направленной свободной воли, как объекта и субъекта долженствования. Наторп ставит личность во главу угла новой онтологии, настаивая на атрибутивности её основных свойств (воли, свободы, долженствования), подчёркивая бесплотную, «жалкую теоретичность» философствования о свойствах вне соотнесения их с носителем. Наторп считает, что всякая атрибутивность великого лозунга нового времени должна быть *оличина*, обязана «приобрести личное значение»². Голые свойства

вне их соотнесения с субстанциальной (по онтологической значимости) Личностью остаются для Наторпа «абстракцией». Рубинштейн, вслед за Наторпом, призывает к практическому познанию. Простая (обобщающая) теория, по Наторпу, безлична, а потому менее ценна. *Личностность* ставится во главу угла гуманитарной истинности [15; 16].

В произведении «Основы творческой самодеятельности» Рубинштейн вырабатывает новые принципы эманулирующего трансцендентного бытия, понятого как бытие поступающей личности. Субъект есть, таким образом, модус, атрибут новой субстанциальности, субстанциальности познаваемой, активной. Трансцендентное, т. е. субъектное бытие («эпицентральный принцип» [12, с. 58]), по Рубинштейну, формируется под воздействием векторного (в терминологии К. А. Абульхановой-Славской, «направленного») действия внешних стимулов, трансформирующихся в явленное бытие посредством внутренних условий. Внутренние условия (личностное психическое) есть основа явленного бытия, есть «основание развития явлений»³. Таким образом, внешние причины в развитии психического выступают в данной тандеме как обстоятельства, а внутренние условия – как причины. Представляется, что, по Рубинштейну, именно в этом аксиоматическом моменте неокантианская философия, взятая, как метод, подлежала трансформации в принцип творческой самодеятельности субъек-

¹ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 253.

² Наторп П. Развитие народа и развитие личности. СПб., 1912. С. 135.

³ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

та как атрибутивности личностного бытия.

Психологическая теория Рубинштейна (по самосвидетельству автора) в её главных методологических принципах и основаниях не принадлежит области психологической науки в чистом виде [5, с. 24]. Представляется, что это – аксиоматический набор понятий и принципов, находящихся в методологическом и понятийном плане между собственной философской и психологической формами познания. Принцип творческой самостоятельности личностного бытия, а также принцип единства сознания и деятельности (личности) есть неокантианские философские основания психического, когда субстанция искомого философского знания с целью поиска своей подлинности и научной фундированности прибегает к использованию форм познания конкретной эмпирической науки, возвышая её теоретические основания до соответствующего уровня методологической абстракции, формируя, таким образом, её методологическое ядро. По Рубинштейну, «проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития как его внутренние причины»¹, есть корреляция неокантианского принципа активности трансцендентального («посюстороннего», познаваемого) бытия. Недаром Шевцов (правда, несколько категорично) пишет о том, что лишь С. Рубинштейн, защитивший в 1914 г степень по философии в Германии, хранил какой-то философский дух, благодаря чему, собственно говоря, и

смог осуществить поворот от реактологии к психологии сознания в середине тридцатых годов XX столетия [23, с. 9–10]. Действительно, комментируя труды Н. Н. Ланге, Рубинштейн восторженно отмечает то веское дополнение, что сделал отечественный учёный «к картине жизни сознания, которую даёт феноменологическая и логическая концепция Гегеля»². А *a priori* базируя свои научные взгляды на гегелевской методологии, Рубинштейн открыто выступает против эмпиризма и позитивизма (на лицо – «конфронтация с эмпирической психологией» [2, с. 25]), подчёркивая их философско-методологическую ограниченность, где объективное бытие принципиально и максимально удалено от субъективного, противопоставлено последнему, где оно пассивно. Рубинштейн против «кантовского негативного понятия объективности»³.

Здесь необходимо отметить, что для уяснения сути Рубинштейновского понимания объективности принципиально важным является понятие *завершённости*. Объективность, по Рубинштейну, не есть независимость от субъективного, но внутренняя завершённость сущности, её целостная самодостаточность и, таким образом, абсолютная сущностная самоопределённость, деятельная самость, «то, что не имеет предпосылок вне себя... Независимость – негативное выра-

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230–259.

² Рубинштейн С. Л. Н. Н. Ланге // Народное просвещение. 1922. № 6–10. С. 69.

³ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 69.

жение самостоятельности»¹. Самость, сущность, таким образом, не определяется через соотношение с внешним, но как определение внутреннего качества, определение через самое себя. Объективность определяется завершённостью собственного его содержания. Автор манифестно заявляет здесь о собственном понимании объективности. Замыкание в завершённое, т. е. целостное (*самостоятельное* целое) есть главный критерий объективности.

Объективность включает в себя, таким образом, элемент эманации, переходящей в обязательную творческую самодеятельность. «Объективное бытие необходимо включает в себя элемент *творческой* (т. е. активной, направленной) конструктивности». Философ настаивает на том, что «система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов ... бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – творческая самодеятельность»² (для сравнения, у современника Рубинштейна М. М. Бахтина – ответственного поступка).

Следует отметить, что большинство (за исключением разве что Л. Карсавина) гуманитариев того времени предпочитало вводить понятие личности в текст своего произведения *катафатически*, т. е. не через его название/определение, но через определение его атрибутивных свойств. Так,

без каких-либо логических переходов, предполагаемо выходящий на авансцену философский *затекст* Рубинштейн «говорит» здесь с читателем о личности как об объективном бытии, об одном внутренне связанном целом³. Напомним, что если сам текст носит линейный характер явленной смысловой очевидности, то затекст есть связь самого текста с так называемыми фоновыми знаниями, которые существуют вне данного текста и являются частью культуры. Применительно к специальной области философии, затекст есть, таким образом, реальность философского бытия, описанного автором средствами выбранного им философского анализа. Затекст присутствует в авторском тексте в неявленной форме и требует для своего обнаружения пошагового герменевтического снятия явленных смыслов текста, «затекстность – непокрываемость текстом идейного богатства дум» [14, с. 142], ведёт к «подразумеваниям – дополнительным ... уточняющим смыслозначимостям»⁴. Базируясь на

³ Там же: С. 153.

⁴ С целью выявления философского затекста необходимо произвести процедуру биолингвистической редукции. Не свести, но, наоборот, *вывести* текст из постоянно присутствующего в нём некритически вводимого центрального термина, вокруг которого, по отношению к которому выстраивается спонтанная логика самого произведения. Периодически случающиеся в тексте *прорывы* ткани конвенционального повествования логикой иной мыслительной конструкции необходимо отнести не к случайностям и недоработкам текста (в особенности, в случае с авторами – признанными классиками мысли), но к разряду событий биолингвистического плана, а именно феномену *затекстуальности*, требующему тщательной дешифровки, соответствующе-

¹ Там же: С. 148.

² Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 148–152.

биолингвистической теории затекста, можно сделать вывод, что очевидный последователь западноевропейских философских традиций, С. Л. Рубинштейн тем не менее литофанически предполагал необходимым условием своей *положительной* философии (термин Шпета Г. Г.) концепт личности, обеспечивающий уникальную целостность живого социального бытия¹ [21].

Но вернёмся непосредственно к предмету нашего исследования.

го герменевтического усилия. Адекватность выбранных исследовательских средств авторской стратегии мысли, а также её тактике на каждом отдельном участке, сегменте текста, есть залог эффективной дешифровки главного качества, а также иных сущностных философских моментов произведения. В связи с этим, представляется, что здесь у Рубинштейна (равно как, например, у М. М. Бахтина, подразумевавшего носителем онтического бытия личность), «затекстовая», интенциональная тема личности прорывается сквозь ткань философских и герменевтических, эстетических, семиотических текстов, перескакивая через несколько ступеней собственной аккуратно выстроенной системы философской доказательности. Аксиоматическое, внекритическое введение понятия личности в систему новой феноменальности на страницах статьи «Принцип творческой самостоятельности» доказывает вышеуказанное в должной мере. Представляется, что те же исследовательские приёмы уместны к применению при герменевтической процедуре прочтения работы С. Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии» (М, 1973).

¹ Об этом феномене, используя, однако, иной определенческий подход, говорит Славская А. Н., подчёркивая «имплицитность» (вне развёрнутого доказательства) методологических принципов, применяемых Рубинштейном в его трактовке соотношения сознания и личности, называя «затекст» *интерпретацией* [45, С. 12–13].

Итак, по мнению Рубинштейна, теория Канта действует разрушающе на единство личности, на новое объективное бытие – на бытие *сОбъективное* [16]. Рубинштейн говорит здесь о необходимости установления соотношения деяний и субъекта, взятых в их собственном содержании. Но это может означать, с философской категориальной точки зрения, также единство субстанциональности и атрибутивности его свойств. «Катафатически» относясь к новой субстанциальности в своих ранних философских трудах, Рубинштейн, тем не менее, совершенно отчётливо говорит о ней в работах философско-психологических, называя её впрямую «личностью», по отношению к которой и субъект, и его деяния есть свойства её субстанционального качества [3, с. 335, 340]. Таким образом, обеспечивается само-конструирование феноменологически понятого бытия, «субстанциальной» феноменологии на русской почве. Уникальное понятие русской философии – понятие личности – в силу своей предельной понятийной полноты субстанционального свойства, есть центральный идентификатор не только эпистемологического, но онто-гносеологического модуса русской философии в целом. Неприемлемая дихотомия субъекта и объекта растворяется в философии творческой самостоятельности, субстанциальным «деянием» снимается извечное противопоставление, более нет субъекта и объекта, но есть личность в её единой сОбъектной сущности.

В. Л. Махлин (говоря, правда, о М. М. Бахтине), в сопоставлении его идей философии неокантианства, обращается к «решающему в XX в. со-

бытию *поворота от традиционной гносеологии к новой онтологии*» [18, с. 22]. Не углубляясь здесь в спор об основных философских понятиях и категориях «традиционной гносеологии», отметим лишь, что нам представляется не вполне корректным (с методологической т. зр. как раз) подобная редукция гносеологии к пусть и новой, но онтологии. По нашему мнению, точнее было бы сказать, что онтология традиционного толка утрачивает свой субстрат, свою привычную объективную субстанциальность как некое трансцендентальное бытие, положенное к познанию субъектом. Сам субъект, в его *личностном* качественном определении, становится основой, субстанциальностью той самой новой онтологии (*сОбъективного* теперь бытия), в которой поступок есть его главная атрибутивность, определение его как *субъекта деятельности*. Введение в философское поле категории поступка в качестве субстанции нового типа (тем более формирование вокруг него новой онтологии) является, таким образом, как мы говорили ранее, неверным эвристическим ходом при попытке решить вопрос онтогносеологических особенностей отечественной философии 1920–1930-х гг., в том числе философских оснований раннего творчества С. Л. Рубинштейна. При подобной трактовке Субстанция (бытие) становится производной функцией атрибута, акциденции, т. е. объективное трансцендентное побеждено трансцендентальным, трансцендентальность захватывает, поглощает объективное бытие, неизбежно превращая последнее в меон. Объективное бытие приобретает в новой системе координат меональное определение, мео-

нальный статус чистой, невопощенной потенции (в том смысле, который вкладывал в это понятие Н. Минский).

Итак, Личность – это трансцендентность бытия, трансцендентность как качество феноменального бытия субъекта, транслитерация бытия трансцендентального в пред-авангардном парадигмальном поле. Русская философия, плотно сращенная в своих главных метафизических чаяниях с психологией – это трепет метафизически устремлённой души. К её объекту нельзя, в связи с этим, относиться, как к средству исполнения мысли. Онтологизирование философских сущностей, принципиальная субстанциализированность есть родовое свойство русской философии, её главное качество. Ограничение философии «методом» (Кант, неокантианство) требует разрешения «тесноты её души» в традициях отечественного любомудрия. Метод призван обслуживать субстанциальность, не наоборот. С. Л. Рубинштейн «преодолевают гносеологизацию философского знания» [4], являясь прямым наследником двух традиций философского знания – немецкой и российской. Сделав поиск Бога «делом своей души, своей жизни, своей судьбы»¹, он фундирует «своё» неокантианство (через гегелевского *субъекта*) субстанцией личности, обеспечивая таким образом переход к новой парадигме гуманитарного

¹ Рубинштейн С. Л. Строки, написанные сердцем. Краткие выдержки из дневника учёного. О философии и философе (Автобиографический портрет учёного) // Рубинштейн Сергей Леонидович. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 460.

знания в области онтологии, философской психологии, а также самой научной психологии. Онтичность личности выражается в её субъектности, субъектность есть родовое качество личности, сущность, определение её качества. Личность есть синоним бытия, *Личность и есть бытие*, бытие активное, где имманентная активность, интенциональность есть суть его определения, есть личность как таковая. С. Л. Рубинштейн акцентирует внимание на разработке методологического аппарата, способного непротиворечиво обслуживать «новую метафизику», «новую онтологическую интерпретацию человека и его бытия как субъекта в мире» [21, с. 11]. Ту метафизику личности, которая была призвана непротиворечиво соединить философский дискурс с прикладными гуманитарными дисциплинами, и прежде всего психологией, но без разрушения целостности исследуемого духовного субъекта, без лишения его своей уникальной специфики, без превращения личности в исследуемый пассивный объект. В 20-х гг. вызревает, а в 30-х получает своё фундаментальное развитие *принцип субъектности как личностной функциональности в бытии*. [6; 11].

Важно отметить, что данный теоретический концепт явился одним из наиболее продуктивных концептов фундаментального научного значения, по достоинству оценённых отечественной психологической наукой. Современник С. Л. Рубинштейна «диалектик-марксист» А. М. Деборин считал, что «субъект есть деятельность, свободное творчество» [11, с. 204]. Применение этому принципу мы находим также и в современ-

ной политической психологии. Так Н. М. Ракитянский утверждает, что «атрибутом субъекта деятельности также признаётся его способность к рефлексии, суть которой в широком смысле во многом совпадает с осмыслением феномена самосознания. Субъектность определяется не только пониманием человека как основанием самого себя, но и самопричинностью – *самодетерминацией*. В онтогенетическом плане субъект – это человек, являющийся основанием собственного становления и развития – личностного *самосотворения*» [20, с. 408]. Структура теории Рубинштейна предполагает поступающую, активную личность («этический субъект»¹) к самоопределению и как следствие – самоосуществлению. Психология стремится перейти здесь из области значений в область смыслов. («Смысловая сторона жизни принадлежит ... личности» [13, с. 77]).

Успешно разрешая проблему принципиального различия материального и объективного, Рубинштейн настаивал на объективном характере знания, тем не менее, по мнению философа, объективность знанию предаёт именно познавательная активность личности. Объективное знание «является конструктивным, т. е. конструируется, создаётся, формируется в ходе творческой самодеятельности». В статье 1934 г. «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» философ подчёркивал неразрывность ментально-деятельного комплекса субъекта, говоря о том, что сознание просвечивает через «де-

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 252–253.

тельность, в которой формируется и раскрывается»¹. В. А. Лекторский подчёркивает, что для Рубинштейна бытие «не существует вне творческой самодетельности» [17, с. 133]. Согласно же терминологии К. А. Абульхановой-Славской, субъект у Рубинштейна есть «разрешающая возможность» личности. Личность и есть эта социальная активность.

Таким образом, философия Рубинштейна есть философско-психологическая теория поступающей личности, что есть субъектность как главное онтологическое свойство бытия (*сОбъективный* макро-косм), а также психологическое качество личности (*сОбъективный* микро-косм), в своей сущностной основе. Поступающая личность (субъект) осуществляет свою деятельность как проявление своего главного качества – субстрата конкретного, наличного человеческого бытия. В отношении к другому, в процессе поступательного взаимодействия субъектов, личность осуществляет *деяние*, т. е. всегда нравственный поступок, определяющийся этическими нормами. «Каждое действие жизни есть суждение о природе сущего и правде Божией»², – полагает С. Л. Рубинштейн. Субъект, осуществляющий «деяние»³, становится эти-

ческим субъектом, т. е. личностью, ответственной за свой поступок, за свою деятельность, поскольку «задача всякого деяния есть созидание этического субъекта»⁴. Деяние, явленное в ответственном поступке, – творческая диалоговость, в современной интерпретации есть интерсубъективная (коммуникативная) реальность. Личность – собирательный принцип психологии *vs* принцип функционализма, «раздроблявшего личность».

Долгое время «замалчиваемая», в связи с известными историческими событиями, тема личности в творчестве С. Л. Рубинштейна вновь приобретает своё звучание на поздних порах философско-психологического творчества учёного. Советская философская психология основывается на системных построениях, изложенных, прежде всего, в таких трудах, как «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973). Здесь приобретают своё глубокое «философско-методологическое содержание идеи, имеющие парадигмальное философское значение для психологии» [7, с. 6]. Оформленное в концептуальных рамках философии и психологии, в рамках определения предмета последней, философское завещание С. Рубинштейна связано, прежде всего, с его идеями личности, её роли и места в мире. В указанных трудах решаются вопросы «онтологии-бытия»

¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1. С. 8.

² Рубинштейн С. Л. Строки, написанные сердцем. Краткие выдержки из дневника учёного. О философии и философе (Автобиографический портрет учёного) // Рубинштейн Сергей Леонидович. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 460.

³ «Деяние – это, собственно говоря, произ-

ведённое изменение и произведённое определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим» (Гегель Г. Ф. В. Работы разных лет: в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1971. с. 9.).

⁴ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 155.

и «субъекта-человека в мире» [7, с. 8], исходя из той философской парадигмы, которую он выстраивал ещё до непосредственного обращения к наследию К. Маркса, и основы которой сложились в 1920-е гг. Начав с идеи творческой самодетельности как основании личностного бытия, на последнем этапе своего философского творчества автор приходит к манифестирующему выводу о «*онтологическом статусе*» субъективного [7, с. 12]. Здесь, наделяя субъектностью само бытие, мыслитель определяет субъект как сущность и субстанцию (в терминах Рубинштейна – личностный принцип [4]). Таким образом, расширительное употребление понятия субъекта описательно охватывает не только область психических значений, но, прежде всего, область онтологического, бытие как таковое. Личность равно как для раннего, так и для позднего С. Рубинштейна, есть ответственность в бытии. Если для раннего Рубинштейна важна индивидуальная личность-субъект, то на более позднем этапе его творчества дихотомия коллективного–индивидуального снимается у него в «единстве Человечества» – в диалектическом тождестве этического субъекта. «Человек есть в максимальной мере личность, когда в нём минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум «партийности» (*комментарий мой* – Ю. К.) (идейное «не-алиби в бытии) по отношению ко всему общественно значимому»¹.

С. Л. Рубинштейн – философ мира, философ жизни, не Универсума, не объективного, запредельного познанию трансцендентного бытия. Весь его исследовательский пафос направлен на изучение человеческого, субъектного бытия (с позиций психологической теоретической науки) и личностной субстанциальности, по-новому понятой онтологии, заменившей собой «уходящую натуру» неокантианства («логику субстанциональной безликости» [8, с. 249]). В поздних трудах автора философия личности Рубинштейна обретает твёрдую почву онтологической однозначности, выступает в качестве нового онтологического принципа, отвергая подмену субстанции онтологизацией её атрибутивных свойств (событий, поступков и т. п.). Идея *активности бытия*, пришедшая из неокантианства, является узловой концентрацией, своего рода *идейной* основой философского (и психологического) творчества мыслителя, спаивающей воедино все периоды развития философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна, противоречивого в своей явленной исторической форме (неокантианство vs марксизм), но внутренне (парадигмально) абсолютно целостного научного знания.

Статья поступила
в редакцию 30.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Проблемы жизни и творчества С. Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 5. С. 25–36.
2. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989. 248 с.

3. Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века. В 2-х кн. / под ред. В. А. Лекторского. Кн. II. М.: РОССПЭН, 1998. С. 328–352.
4. Абульханова К. А. С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива [Электронный ресурс] // Научное психологическое общество им. С. Л. Рубинштейна [сайт]. URL: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboti-k-a-abulh/ff.html>
5. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
6. Абульханова К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РОССПЭН, 2010. С. 76–118.
7. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
8. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблема креативности // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: Наука, 1989. С. 245–277.
9. Белов В. Н., Н. А. Дмитриева. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки (рецензия) // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 181–184.
10. Дмитриева Н. А. Новые штрихи к портретам философов. Два письма Э. Кассирера к С. Л. Рубинштейну // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 127–136.
11. Деборин А. М. Введение в философию диалектического материализма. М.: Либроком, 2017. 384 с.
12. Ждан А. Н., Щекотихина И. В. Возвращаясь к Рубинштейну: эволюция в трактовке методологических принципов психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. С. 50–60.
13. Зинченко В. П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 73–84.
14. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
15. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
16. Колесниченко Ю. В. Личность как бытие: концепция личности в ранних философских работах М. М. Бахтина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 4 (36). С. 65–79.
17. Лекторский В. А. Немецкая философия и русская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 129–139.
18. Махлин В. Л. Г. Коген и М. Бахтин: к истории рецепции // Герман Коген в истории русской философии: тезисы докладов. М., 2018. с. 22.
19. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. 567 с.
20. Ракитянский Н. М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях [Электронный ресурс] // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. М., 2014. URL: https://www.academia.edu/34754141/концепт_и_

принцип субъектности в политико-психологических исследованиях

21. Славская А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Институт психологии РАН, 2015. 344 с.
22. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М: Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
23. Шевцов А. Философская антропология Серафима Автократова // Автократов С. П. Учебник психологии. Иваново: Роща, 2017. С. 3–28.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. [Problems of the life and work of S. L. Rubinstein]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 1989, vol. 10, no. 5, pp. 25–36.
2. Abulkhanova-Slavskaya K. A., Brushlinsky A. V. *Filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya S. L. Rubinshteina: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [The philosophical and psychological concept of S. L. Rubinstein: the 100th anniversary of the birth]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 248 p.
3. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Problems of methodology of science and philosophical anthropology in the context of the paradigm of the subject of S. L. Rubinstein]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoi filosofii XX v. V 2-kh kn.* [Philosophy never ends... From the history of Russian philosophy of the twentieth century. In 2 vol.]. Vol. II. Moscow, POSSPEN Publ., 1998. P. 328–352
4. Abulkhanova K. A. [S. L. Rubinstein – retrospect and prospect]. In: *Nauchnoe psikhologicheskoe obshchestvo im. S. L. Rubinshteina* [Scientific psychological society. S. L. Rubinstein]. Available at: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboti-k-a-abulh/ff.html>
5. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [The subject of philosophical anthropology and ontological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein* [Sergey Leonidovich Rubinstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 23–76.
6. Abulkhanova K. A. [The principle of the subject in the philosophical-psychological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein* [Sergey Leonidovich Rubinstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 76–118.
7. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Preface]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. S. Petersburg, Piter Publ., 2017. P. 6–33.
8. Batishchev G. S. [Philosophical heritage of S. L. Rubinstein and the problem of creativity]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein Ocherki. Vospominaniya. Materialy* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Essays. Memories. Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 245–277.
9. Belov V. N. [N. A. Dmitrieva. Russian neo-Kantianism: «Marburg» in Russia. Historical and philosophical essays (review)]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2008, no. 4, pp. 181–184.
10. Dmitrieva N. A. [New touches to the portraits of philosophers. Two letters of Ernst Cassirer to S. L. Rubinstein]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2016, no. 2, pp. 127–136.
11. Deborin A. M. *Vvedenie v filosofiyu dialekticheskogo materializma* [Introduction to the philosophy of dialectical materialism]. Moscow, Librokom Publ., 2017. 384 p.
12. Zhdan A. N., Shchekotikhina I. V. [Getting back to Rubinstein: evolution in the interpretation of the methodological principles of psychology]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, pp. 50–60.

13. Zinchenko V. P. [Philosophical origins of psychology in humanitarian action]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2014, no. 3, pp. 73–84.
14. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya* [The theory of knowledge. Hermeneutic methodology. The architecture of understanding]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 184 p.
15. Kolesnichenko Y. V. *Lichnos v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian philosophy of the 1920–1930th years: a biography of the idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
16. Kolesnichenko Y. V. [Personality as being: the concept of personality in early philosophical works by M. M. Bakhtin]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tihon Humanitarian University. Series 1: Divinity. Philosophy], 2011, no. 4 (36), pp. 65–79.
17. Lektorsky V. A. [German philosophy and Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein and G. G. Shpet]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2001, no. 10, pp. 129–139.
18. Makhlin V. L. [G. Cohen and M. Bakhtin: towards a history of the reception]. In: *German Kogen v istorii russkoi filosofii* [Hermann Cohen in the history of Russian philosophy]. Moscow, 2018, p. 22.
19. Griftsova I. N., Dmitrieva N. A., ed. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdu teorii poznaniya i kritiki kultury* [Neo-Kantianism German and Russian: between theory of knowledge and the critique of culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 567 p.
20. Rakityansky N. M. [The concept and principle of subjectivity in political and psychological research]. In: *Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy* [The Russian political science: origins, traditions and perspectives]. Moscow, 2014. Available at: https://www.academia.edu/34754141/КОНЦЕПТ_И_ПРИНЦИП_СУБЪЕКТНОСТИ_В_ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ_ИССЛЕДОВАНИЯХ
21. Slavskaya A. N. *Osnovy psikhologii S. L. Rubinshteina: Filosofskoe obosnovanie razvitiya* [Fundamentals of psychology S. L. Rubinstein: a Philosophical study of development]. Moscow, Institute of psychology of RAS Publ., 2015. 344 p.
22. Sokuler Z. A. *German Kogen i filosofiya dialoga* [Hermann Cohen and the philosophy of dialogue]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2008. 312 p.
23. Shevtsov A. [Philosophical anthropology Seraphim Avtokratova]. In: Avtokratov S. P. *Uchebnik psikhologii* [A Textbook of psychology]. Ivanovo, Roshcha Publ., 2017. P. 3–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Doctor of Philosophical science, professor, Moscow Region State University;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Колесниченко Ю. В. Личность как самодеятельное бытие – особое неокантианство С. Л. Рубинштейна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 24–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41

FOR CITATION

Kolesnichenko Y. Personality (litchnost') as self-active being – special neo-kantianism in S. Rubinstein's works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 24–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41

РАЗДЕЛ II. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 123

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-42-61

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ РЕФЕРЕНТЫ СВОБОДЫ ВОЛИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОСТИ (ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ КОГЕРЕНТНОЙ КОНЦЕПЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ВОЛИ)

Зима В. Н.

Московский политехнический университет

107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ современных и поиск перспективных подходов к решению проблемы онтологического статуса субъекта и свободы воли. Проблема онтологического статуса субъекта рассматривается в контексте вопроса о метафизических референтах свободы воли. Продемонстрировано значение категорий индивидуальной субстанции и объективного времени для решения данного вопроса. Проанализированы основные аргументы против тезисов об онтологической самостоятельности субъекта и существовании метафизической свободы воли, используемые в современной философии. Предложена онтологическая схема, которая позволяет сохранить представление о субъекте, обладающим свободой воли, и которая свободна от трудностей, с которыми сталкиваются субстанциальный дуализм. Показано, каким образом представление о метафизических референтах свободы воли может быть использовано для сравнительного анализа и оценки альтернативных теорий свободы воли, созданных в истории философии.

Ключевые слова: свобода воли, субъект, субстанциальный дуализм, индивидуальная субстанция, объективное время, метафизические референты, объективная реальность

METAPHYSICAL REFERENTS AND THE PROBLEM OF THE ONTOLOGICAL STATUS OF FREE WILL

V. Zima

Moscow Polytechnic University

38, Bolshaya Semenovskaya st., Moscow, 107023, Russian Federation

© СС BY Зима В. Н., 2019.

Abstract. The article is devoted to the problem of the ontological status and metaphysical referents of the subject and free will. The importance of the categories of individual substance and real time for solving this problem is demonstrated. The main arguments against the theses about the ontological independence of the subject and the existence of metaphysical freedom of will, proposed in modern philosophy, are analyzed. The ontological scheme within which it is possible to keep representation about the subject possessing freedom of will and which is free from difficulties which are faced by substance dualism is proposed. It is shown how the notion of metaphysical references of free will can be used for comparative analysis and evaluation of alternative theories of free will created in the history of philosophy.

Keywords: free will, subject, substantial dualism, individual substance, real time, metaphysical referents, objective reality.

Среди вопросов, составляющих проблему свободы воли, одно из важнейших мест принадлежит вопросу, каков онтологический статус свободы воли и существует ли метафизическая свобода воли. Решение данного вопроса непосредственно связано с определением онтологического статуса субъектов (субстанциальных агентов) в качестве носителей свободы воли [9; 16].

Представление о том, что в объективном мире существуют субъекты (мы сами и другие люди), т. е. существа, обладающие определёнными характеристиками и особенностями в плане онтологии, принадлежит к числу наших фундаментальных интуиций. Человек рассматривается в качестве субъекта (а не просто живого организма) постольку, поскольку он обладает следующими особенностями:

– во-первых, он является существом, у которого имеются как физические, так и ментальные свойства;

– во-вторых, он является существом, в «составе» которого обнаруживаются не только клетки, ткани, органы, но такие сущности как желания, намерения, убеждения, решения, ценности, смыслы, которые существуют в форме ментального;

– в-третьих, он является существом, которое осознаёт, чувствует, имеет желания, убеждения, рассуждает, принимает решения, т. е. существом, которое не тождественно своей структуре и свойствам, а является чем-то большим, существом, которое обладает этими характеристиками;

– в-четвёртых, поскольку такие сущности, как убеждения, желания, намерения, решения по своей природе являются интенциями (своего рода особыми энергиями, которыми обладает ум человека) и в этом качестве могут рассматриваться в качестве самостоятельной причины мыслей и физических реакций субъекта, то это позволяет говорить о существовании особого феномена ментальной каузальности и рассматривать обладание такого рода каузальными возможностями в качестве важнейшей отличительной особенности человеческой природы. Наличие интенций в качестве непосредственных причин мыслей и физических реакций, кроме того, можно рассматривать в качестве критерия, позволяющего различать события и действия. Поскольку в качестве причины последних выступают принадлежащие субъекту интенции, постольку к числу характеристик

субъекта следует отнести способность к действию. Именно наличие данной характеристики позволяет считать человека агентом, а также является основанием для предположения, что он обладает свободой воли [9, с. 75–77; 20, с. 196; 21; 22].

На первый взгляд, если руководствоваться описанным положением вещей, имеются все основания для того, чтобы считать субъект онтологически самостоятельной категорией, а вместе с тем говорить и о существовании метафизической свободы воли. С другой стороны, ментальные и физические характеристики настолько различаются между собой по способу данности (первые доступны в так называемой перспективе от первого лица, тогда как вторые – в перспективе от третьего лица), что практически сразу возникает фундаментальный вопрос: являются ли сам субъект и его ментальные характеристики фундаментальными онтологическими характеристиками объективной реальности (хотя и доступными для нас только в форме феномена субъективности), либо эти характеристики всего лишь субъективны в том смысле, что хотя они и выявляются в форме феномена субъективности, но не являются характеристиками объективной реальности и представляют собой всего лишь нечто производное от иных фундаментальных сущностей. И опять-таки, именно наличие у субъекта характеристик, существующих в форме ментального, в силу ряда особенностей, присущих последнему в эпистемическом и онтологическом отношении, во многом является причиной того, что феномен субъективности оказывается весьма нетривиальным и сложным для по-

нимания, в т. ч. и в плане решения вопроса об онтологическом статусе субъекта¹, а следовательно, и вопроса о статусе метафизической свободы воли. Помимо этого, поскольку вопрос об онтологическом статусе субъекта это одновременно и вопрос об онтологии объективной реальности, то это означает, что представление о субъекте, обладающим определёнными онтологическими характеристиками, должно быть совместимо с онтологией объективной реальности. Практически это означает, что для включения субъекта в онтологию объективной реальности требуется выполнение ещё ряда условий. Во-первых, ментальное должно обладать онтологической самостоятельностью, т. е. быть субстанциально отличным от физического. Во-вторых, поскольку представление о субъекте в плане онтологии практически неразрывно связано с представлениями о моих ментальных состояниях и моем теле как чем-то отличным от чужого тела и чужих ментальных состояниях, это подразумевает, что речь идёт о конкретной единичной сущности (индивидуальной субстанции, единичной вещи, ипостаси), сохраняющей свою самотождественность во времени, и что таких сущностей в реальности много. В-третьих, поскольку субъект

¹ Ментальные состояния, в частности, обладают качественными характеристиками. Кроме того они выявляются в так называемой перспективе от первого лица, способ данности и особенности которой отличны от способа данности и особенностей физического. Как известно, вопросы о статусе качества и перспективы от первого лица в настоящее время не имеют общепринятого решения, следовательно, вопрос об онтологическом статусе ментального следует считать открытым.

обладает не только ментальными, но и физическими характеристиками, требуется когерентная концепция субъекта-агента, в рамках которой должны быть даны ответы на вопросы, как вообще возможно взаимодействие между тем, что субстанциально отлично друг от друга, и как и в каком смысле эти две могут быть чем-то одним.

Несмотря на то, что вопрос о статусе квалиа и перспективы от первого лица остаётся открытым, тем не менее представление об онтологической самостоятельности субъекта, обладающего свойством агентности, а вместе с тем и представление о существовании метафизической свободы воли не пользуются популярностью среди современных исследователей [2, с. 334; 9; 13, с. 30; 16, с. 89–90]. Основная причина в том, что сохранить представление о субъекте, обладающем метафизической свободой воли, можно только при условии принятия тезиса о том, что ментальное действительно обладает собственной каузальной силой, являясь чем-то онтологически самостоятельным, т. е. имеющим особую природу, сравнительно с физическим. Считается, что это возможно только при условии допущения существования души в качестве своего рода субстанции ментального и, соответственно, принятия субстанциального дуализма в качестве метафизической теории реальности [15]. Именно представление о существовании души и, соответственно, субстанциальный дуализм вызывают наиболее сильное неприятие и возражения среди современных исследователей¹ [1; 4; 8; 13,

с. 30–31; 14; 18, с. 183]². Среди предлагаемых ими способов аргументации наибольшее значение имеют следующие два³. Первый может быть представлен таким образом: в отличие от физических и ментальных феноменов, а также физических тел, в частности тела и мозга человека, о существовании которых нам известно, что называется, по факту, о существовании такой сущности, как душа, нам непосредственно ничего не известно. Следовательно, вполне возможно, в т. ч. руководствуясь соображением онтологической простоты, отказаться от того, чтобы объяснять природу и свойства ментального, прибегая к представлениям о душе в качестве субстанции ментального [1, с. 162–164]. Вместе с тем существование ментального, обладающего особыми характеристиками, в любом случае как-то нужно объяснять. Считается, что одно из возможных объяснений – натуралистическое

рые рассматривают проблему сознания и свободы воли в традициях современной аналитической философии.

² Несмотря на то, что «интуиция о самом себе толкает человека к естественному дуализму (мозг – это одно, а сознание – совершенно другое), т. е. к картезианству здравого смысла» [18, с. 183].

³ Часто, впрочем, речь идёт не столько о способах аргументации, сколько о том, что представление о существовании субъектов, обладающих метафизической свободой воли (метафизически свободных субъектов) в принципе несовместимо с физикалистской онтологией, которая «получила господствующий статус в современной философии и естествознании» [9, с. 68]. Последнее не исключает возможности попытаться каким-то образом включить представление о субъекте в данную онтологию, но это уже не будет метафизически свободным субъектом и метафизической свободой воли.

¹ Практически речь идёт именно о позиции, которую занимают те исследователи, кото-

и физикалистское. В его основе лежат следующие идеи: во-первых, используется представление об одной субстанции, в качестве которой предлагается понимать либо природу [1, с. 164], либо мозг [21], во-вторых, вводится тезис о минимальной супервентности сознания [14, с. 152], в-третьих, ментальные свойства рассматриваются как высокоуровневые свойства физического субстрата, которые супервентны, но не редуцируемы к его базовым свойствам [2, с. 122]. В рамках такого подхода субъект оказывается фикцией [2, с. 334], онтологически несамостоятельной категорией¹. В рамках второго способа аргументации акцент делается на том, что представление о метафизически свободном субъекте при сохранении тезиса о субстанциальной самостоятельности ментального (и существовании души) сравнительно с телом сталкивается с практически непреодолимыми трудностями в плане создания когерентной онтологической схемы субъекта в рамках субстанциального дуализма. В качестве основной трудности обычно указывают на проблему интеракционизма, поскольку представление о субстанциональной самостоятельности ментального и физического (души и тела) даже чисто логически несовместимо с представлением о том, что одна субстанция может взаимодействовать с другой или воздействовать на другую. Таким образом, под угрозой оказывается

ключевое для концепции субъекта представление о существовании ментальной каузальности. Одновременно возникает проблема сопряжения, связанная с необходимостью ответа на вопрос, почему взаимодействие между субстанциями таково, что конкретная душа соединена и может взаимодействовать только с конкретным телом. Среди других трудностей, с которыми сталкивается субстанциальный дуализм, указывают на проблему согласования дуализма с законом сохранения энергии, принципом каузальной замкнутости физического, теориями биологического развития и даже на то, что «общим возражением против дуализма... будет простое неприятие его с т. зр. тех истин, к которым мы привыкли, и к которым склоняет нас научный способ мысли» [4], т. е. опять-таки апеллируя к тем принципам, которые побуждают современных исследователей руководствоваться натуралистическими и физикалистскими предпосылками².

При этом особого внимания заслуживает тот факт, что исследователи в данном случае находятся в плену своего рода дилеммы: либо приемлемое решение проблемы ментальной каузальности возможно только в рамках субстанциального монизма (т. е. за счёт отрицания субстанциальной самостоятельности ментального), либо в рамках субстанциального дуализма. О том, что философия может предложить какие-либо достойные в теоретико-методологическом отношении альтернативы в плане возможного по-

¹ Как указывает М. А. Секацкая, «субъект есть определённая структура, складывающаяся в ходе развития конкретного человеческого организма, коренящаяся в биологии и формирующаяся в результате воздействия языка и социальной реальности в целом» [16, с. 89–90].

² Таким образом, в теоретико-методологическом отношении эти трудности не имеют универсального значения.

ложительного когерентного решения проблемы субстанциального агента при сохранении тезиса субстанциальной самостоятельности ментального, речь практически не идёт, и это часто рассматривается исследователями в качестве аргумента как в пользу необходимости поиска физикалистского решения, так и в пользу необходимости решать психофизическую проблему в рамках субстанциального монизма¹.

Таким образом, с учётом указанного положения вещей можно прийти к выводу, что для решения вопроса о существовании метафизической свободы воли, преимущественное значение имеют два вопроса: об оценке статусности объяснения природы ментального, предложенного в рамках физикализма и натурализма, и о возможности создания когерентной онтологической схемы субъекта.

На наш взгляд, оба способа аргументации, направленных на элиминацию субъекта, обладающего метафизической свободой воли, из онтологии, не достигают своей цели. Что касается первого, то он сталкивается с двумя трудностями. Одна из них связана с тем, что предлагаемый в рамках физикализма способ решения вопроса об онтологическом статусе ментального и объяснения ментальных свойств основывается на принятии исследователями натуралистических и физикалистских предпосылок, среди которых

главное место принадлежит тезису об онтологическом авторитете физики, который выглядит весьма проблематично в теоретико-методологическом отношении с учётом современного уровня рецепции проблемы реальности в философии науки и, в частности, вопроса о статусе научных теорий². Однако есть и вторая трудность, которой, как правило, сторонниками физикалистского подхода к решению проблемы онтологического статуса субъекта не уделяется должного внимания. Вместе с тем она практически парадигмальна для физикализма и обусловлена тем, что использование тезиса о супервентности при объяснении сознания, как и попытки включить категорию субъекта в физикалистскую онтологию, неразрывно связаны с использованием представлений о сущностях такого рода (человеке, мозге, нейронах, физическом субстрате и просто физических объектах в пространстве и времени) [2, с. 50; 9, с. 77; 18, с. 9], которые с т. зр. онтологии (в т. ч. и современной в рамках аналитической метафизики) следует отнести к особому классу сущностей, которые принято обозначать термином индивидуальные субстанции (единичные вещи). В свою очередь, это означает, что физикалистская онтология должна быть в принципе совместима с представлением о существовании такого рода сущностей и обладать необходимым ресурсом для их включения

¹ Примером может служить работа Д. В. Иванова, который прямо пишет: «Если мы опровергаем дуализм субстанций, то в поисках решения психофизической проблемы мы должны занять монистическую позицию, которая предполагает наличие одной субстанции» [8, с. 39].

² Этот вопрос был рассмотрен в работе Зима В. Н. Натуралистическая предпосылка и проблема онтологического статуса свободы воли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 8–23.

в свою онтологию¹. Тем не менее при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не так. Во-первых, использование представления об индивидуальных субстанциях в качестве минимального требования предполагает, что в реальности вообще имеется некоторая субстанция (поскольку существуют и несубстанциальные онтологии, совместимые с данными науки). Вместе с тем представление о существовании субстанций не вытекает из физической теории в принципе. На этот момент, в частности, обращает внимание Д. Чалмерс, для которого данное положение вещей стало своего рода отправной точкой для того, чтобы ввести представление о внутренних свойствах и считать в качестве таковых именно феноменальные свойства как непосредственно доступные субъекту [17, с. 198–199]. Во-вторых, такие индивидуальные субстанции, как человек и мозг, являются макроскопическими объектами. Если рассматривать вопрос об их статусе в контексте дихотомии фолк-физика *versus* научная физика [18, с. 248], то очевидно, что перед нами именно объекты фолк-физики. Но тогда не менее очевидно и то, что для сторонников физикализма возможность апеллировать к существованию данных объектов сталкивается с трудностью, обусловленной тем, что вопрос о совместимости онтологий фолк-физики и научной физики остаётся открытым. В-третьих, обращение к современным дискуссиям

в аналитической метафизике позволяет увидеть, что вопрос о статусе единичных вещей, в частности о том, являются ли они чем-то большим, чем просто связкой свойств или элементом нашей концептуальной схемы, остаётся открытым [23]. В-четвёртых, вопрос о правомерности включения в онтологию любых других сущностей (так называемых композитов, в т. ч. макрообъектов, т. е. индивидуальных субстанций) помимо простых (предположительно субатомных частиц) также является остро дискуссионным в современной аналитической метафизике [19, с. 193–195; 20, с. 59–60, 66–68]. При этом особенно заслуживает внимания то обстоятельство, что трудности, причём фундаментального порядка, остаются даже в том случае, если принимается онтология, которая включает в себя только субатомные частицы, поскольку данные объекты являются теоретическими сущностями, вопрос о статусе которых открыт, а не объектами фолк-физики, и кроме того наиболее распространённая среди современных исследователей интерпретация квантовой механики, копенгагенская, по существу является инструменталистской, и в её рамках «объектное описание недостижимо» [10, с. 141–145; 11, с. 23]. В-пятых, насколько исследователи считают возможным вообще вести речь об одной субстанции и рассматривать материалистический монизм в качестве возможного варианта решения метафизической проблемы онтологического статуса субъекта, настолько, очевидно, этот монизм должен быть совместим с представлением о множестве субстанций (например, мозгов) в принципе, т. е. иметь свой вариант когерентного

¹ Очевидно, что данное требование относится к любой онтологии объективной реальности, которая претендует быть совместимой с представлением о субъекте, поскольку последний в любом случае является индивидуальной субстанцией.

решения фундаментальной философской проблемы множественности в виде ответа на вопрос, почему в объективной реальности вообще имеют место индивидуальные субстанции в качестве некоторых базовых сущностей. Но также очевидно и то, что в материалистическом монизме мы не найдём приемлемого варианта ответа на этот вопрос, и, кроме того, представление об одной субстанции просто логически несовместимо с представлением о множестве субстанций¹.

Таким образом, с учётом указанных моментов, можно сделать вывод, что поскольку физикалистская онтология не совместима с представлением о существовании индивидуальных субстанций, тезис о супервентности ментального на физическом, а равно и попытки включить категорию субъекта в физикалистскую онтологию² не могут считаться когерентными в теоретико-методологическом отношении. Трудности включения представления об индивидуальных субстанциях в физикалистскую онтологию практически нивелируют значение аргументов, выдвигаемых физикалистами против представления о существовании души, поскольку истинность принципов, которыми они руководствуются (принципы полноты физического, физической замкнутости, запрета сверхдетерминации), так или иначе связана с указанным представлением.

¹ Субстанциальный дуализм, впрочем, также сталкивается с аналогичной трудностью.

² В частности, нейронные корреляты не могут рассматриваться в качестве субстанциальных референтов интенций и сознательных переживаний субъекта, как это предлагает С.М. Левин [9, с. 77].

Что касается аргументов, направленных против субстанциального дуализма, то их значение не выходит за рамки последнего. Можно согласиться с тем, что отсутствие когерентной онтологической схемы субъекта, совместимой с представлением об онтологической самостоятельности ментального, следует рассматривать в качестве серьёзного препятствия для представления о существовании в реальности онтологически самостоятельных субъектов, обладающих метафизической свободой воли. Тем не менее, ниоткуда не следует с необходимостью, что искомая когерентная схема возможна только в рамках субстанциального дуализма, в связи с чем отсутствие таковой в его рамках должно рассматриваться скорее в качестве указания на то, что эту схему нужно искать где-то ещё. При этом принципиальная возможность такой схемы не вызывает сомнений, поскольку использование представлений об индивидуальных субстанциях в истории философии, начиная с Аристотеля, традиционно является востребованной точкой зрения, и современная философия в данном отношении не является исключением. Если такая схема будет найдена, то учитывая трудности, с которыми сталкивается физикалистское решение проблемы онтологического статуса субъекта, с одной стороны, а также то, что знание о сущностях, относящиеся к перспективе от первого лица, может быть интерпретировано в качестве объектного знания, с другой стороны, то это позволит утверждать, что субъект является онтологически самостоятельной категорией [6, с. 18].

Ниже предлагается подход, который позволяет получить искомое когерент-

ное решение, свободное от трудностей, с которыми сталкивается субстанциальный дуализм, и сохранить представление о субъекте в онтологии.

Поскольку вопрос об онтологическом статусе субъекта, это вопрос о существовании референта для субъекта в объективной реальности [9, с. 72–77], это, прежде всего, означает необходимость учитывать, что в теоретико-методологическом отношении вопрос об онтологическом статусе субъекта – это вопрос об онтологии и онтологических обязательствах объективной реальности, т. е. типичный метафизический вопрос и, следовательно, требует решения с учётом этой его особенности. Несмотря на то, что задача получения ответов на такие вопросы традиционно относится к числу наиболее трудных, тем не менее она вполне решаемая.

Основные принципы стратегии, позволяющей получить такое решение, были сформулированы автором ранее [5; 6, 7]. Если применить данную стратегию к проблеме свободы воли и онтологического статуса субъекта, то общая схема решения будет выглядеть следующим образом. При решении проблемы существования референтов свободы воли в реальности (далее *метафизические референты*)¹, следует учитывать, что вопрос о метафизических референтах не может быть решён лишь в общей логико-теоретической форме и предполагает также и решение вопроса о том, по каким критериям происходит выбор метафизической теории объективной (последней)

реальности. В свою очередь, вопрос о критериях может быть решён следующим образом. Поскольку в реальности обнаруживаются такого рода сущности (в их числе объективное время и человек), которые, с одной стороны, не допускают интерпретации в качестве конструкций, а с другой – могут быть соотнесены друг с другом таким образом, что это позволяет уточнить их онтологию, то это, в свою очередь, даёт возможность выявить онтологические обязательства когерентной теории объективной реальности в объёме, достаточном для ответа на вопрос об онтологическом статусе метафизически свободного субъекта. С учётом сформулированных выше условий для включения субъекта в онтологию объективной реальности практически речь идёт о необходимости ответить на два вопроса:

1. совместима ли онтология объективной реальности с представлением о существовании индивидуальных субстанций (которые, таким образом, должны, наряду с сущностями, принадлежать перспективе от первого лица, рассматриваться в качестве метафизических референтов субъекта);

2. возможна ли когерентная онтологическая схема субъекта-агента, совместимая с представлением о существовании индивидуальных субстанций.

Что касается уточнения онтологических обязательств теории объективной реальности, то практически это можно сделать следующим образом. Одним из фундаментальных представлений человека о мире и о себе самом является представление о начале и конце своего телесного существования, о рождении и смерти человека. В контексте данного представления важнейшим изме-

¹ По существу речь идёт именно о референтах субъекта в качестве предполагаемого субстанциального носителя свободы воли.

рением человеческого бытия оказывается смерть – конец существования тела. Знание об этом и одновременно незнание о том, что представляет собой человек (только тело или же совокупность души и тела), и что ждёт человека после смерти тела, является основным источником смысловых вопросов и побудительной причиной поиска ответов на них. Вместе с тем нетрудно заметить, что при определённых условиях представление о рождении и смерти может быть поставлено под сомнение. Это возможно, например, если допустить, что такой фундаментальной сущности как объективное время либо вообще не существует, либо оно существует, но его онтология такова, какой её представляют сторонники статической концепции времени, согласно которой время – это своего рода блок, а между событиями прошлого, настоящего и будущего нет никаких различий. Таким образом, выясняется, что истинность нашей фундаментальной интуиции, что человек рождается и умирает, находится в прямой зависимости от истинности представления об объективности времени и вполне определённых онтологических обязательствах теории объективного времени. Аналогичная зависимость имеет место и в случае с вопросами о существовании метафизической свободы воли, моральной ответственности, возможности загробного воздаяния. Следовательно, можно прийти к выводу, что между онтологическими характеристиками человека, с одной стороны, и объективного времени, с другой, существует непосредственная взаимосвязь.

Установление данной взаимосвязи позволяет наметить дальнейший

ход рассуждений. Уточняя онтологические обязательства когерентной метафизической теории человека в качестве базового элемента реальности, можно уточнить онтологические обязательства метафизической теории объективной реальности. Сделать это можно в два этапа. На первом уточнить онтологические обязательства теории объективного времени. При этом представление о том, что человек рождается и умирает, разумно взять в качестве точки отсчёта, не подвергая сомнению данную интуицию¹. Отсюда следует два важных вывода. Во-первых, объективное время существует². Во-вторых, предпочтение следует отдать такой его трактовке из числа возможных, которая совместима с данным представлением о человеке. На втором, отталкиваясь от выявленных онтологических обязательств теории объективного времени, можно уточнить онтологические обязательства теории объективной реальности³.

¹ Можно, например, апеллировать к принципу доверия субъекту, который играет важную роль в современной эпистемологии [12, с. 159], а в качестве критерия, использование которого позволяет решить вопрос о предпосылках и пределах такого доверия, предложить вариант решения вопроса о статусе перспективы от первого лица, согласно которому она может рассматриваться в качестве источника объектного знания [6, с. 18].

² Строго говоря, представление об объективности времени, как и точка зрения, согласно которой когерентную онтологию времени нужно искать именно в рамках презентизма, являются настолько распространёнными позициями в онтологии, что позволяют апеллировать к ним даже без отсылки к онтологии человека.

³ Замечу, что когерентная теория объективного времени обладает практически неисчерпаемым потенциалом в данном отношении [7].

Поскольку, как было показано автором, одним из онтологических обязательств теории объективного времени является существование единичных вещей, обладающих строго определёнными характеристиками, которые могут рассматриваться в качестве метафизических референтов объективного времени¹ [7], это означает, что на вопрос, совместима ли онтология объективной реальности с представлением о существовании индивидуальных субстанций, может быть дан положительный ответ. Практически речь идёт о том, что онтология объективной реальности² не просто потенциально совместима с существованием субъектов, поскольку допускает существование индивидуальных субстанций, но совместима в гораздо более сильном смысле, поскольку указывает на необ-

ходимость их существования в качестве фундаментальных сущностей³.

На вопрос, возможна ли когерентная онтологическая схема субъекта-агента, которая была бы совместима с представлением об индивидуальных субстанциях, также может быть дан удовлетворительный ответ. Обращение к истории философии показывает, что имеется альтернативный подход к ре-

¹ Что, следует заметить, вовсе не означает того, что речь идёт о субстанции в её традиционном понимании в качестве некоторой неделимой, простой сущности, которую нельзя отнести к композитам, а, скорее, о такой сущности, в которой имеет действительное, а не концептуальное единство диахронической тождественности и инаковости. По существу речь идёт о времени как о некоторой интегральной характеристике имманентной реальности, которая оказывается реальностью, в онтологии которой индивидуальные субстанции, обладающие диахронической тождественностью, предстают как базовые сущности, а не просто как элементы концептуальной схемы.

² Т. е. онтология, в которой выполняются все необходимые условия, в силу которых становится возможным говорить о том, что индивидуальные субстанции являются метафизическими референтами времени. В этом её отличие от физикалистской онтологии, в рамках которой невозможно обосновать необходимость существования индивидуальных субстанций.

³ Как отмечалось выше, вопрос о статусе и онтологии индивидуальных субстанций – один из дебатруемых в современной англоязычной метафизике. Использование представления о единичных вещах в качестве онтологических обязательств теории объективного времени позволяет уточнить ответ на данный вопрос и отдать предпочтение точке зрения, согласно которой их следует считать самостоятельными сущностями, а не просто элементами концептуальной схемы, а также позволяет понять, в чём состоит принципиальное отличие между предлагаемым в данной статье подходом, с одной стороны, и теми подходами, которые имеют место в современной англоязычной метафизике. В рамках последней устойчивость вещей во времени хотя и рассматривается в качестве их важнейшей характеристики [24, р. 17], тем не менее речь вовсе не идёт о том, что вещи являются условием времени, поскольку отрицание фундаментального характера единичных вещей практически означало бы, что объективного времени не существует. В любом случае представление, согласно которому в онтологии должно быть место для единичных вещей в качестве фундаментальных сущностей постольку, поскольку существует объективное время, на мой взгляд, является более обоснованным в теоретико-методологическом отношении, чем попытки обосновать особый статус индивидуальных субстанций в рамках современного гилеморфизма вне зависимости от того, какие именно из них (обычно речь идёт о частицах, постулируемых современной физикой и живых организмах – точке зрения, основоположником которой является ван Инваген [24, р. 98–114]) этим статусом обладают.

шению вопроса о соотношении души и тела в составе человека, который тем не менее ранее не применялся при решении проблемы онтологического статуса свободы воли в отличие от декартовского подхода и субстанциального дуализма. Между тем можно утверждать, что данный подход, не будучи непосредственно связанным с постановкой и решением проблемы свободы воли в контексте онтологической схемы субстанциального дуализма, обладает необходимым логико-теоретическим и метафизическим ресурсом для того, чтобы его можно было использовать для создания альтернативной, с т. зр. онтологических обязательств, сравнительно с концепцией субстанциального дуализма, когерентной теории субъекта, обладающего метафизической свободой воли. Речь идёт о подходе, согласно которому в категориальном плане человека следует рассматривать в качестве *сложной ипостаси*, состоящей из двух *природ* – души и тела¹; при этом тело и душа понимаются как части целого, в качестве которого выступает человек. Особенностью данного подхода является представление о том, что актуально существует только единичное (*ипостаси* или *индивидуумы*), но не природы, формы или субстанции. Что касается онтологического статуса души и тела, то сами они не являются ипостасями, и получают своё существование не в собственной ипостаси, а в ипостаси конкретного человека (будучи не просто душой и телом, но телом человека и душой человека), образуя ипостасное соединение, по-

нимаемое как взаимопроникновение частей без уничтожения в том смысле, что природы души и тела хотя и соединяются в одной ипостаси, но при этом сами они сохраняются неслитно и неизменно, равно как и их различия и присущие им естественные свойства.

Аргументы в пользу того, чтобы предпочесть данную схему и рассматривать её в качестве искомой когерентной схемы субъекта могут выглядеть следующим образом. При выборе когерентной схемы субъекта прежде всего следует учитывать несколько дополнительных моментов. Во-первых, в различных традициях категория субстанции может использоваться во многих значениях. Во-вторых, категории души и тела в определённом отношении являются совершенно особыми категориями. Теперь сопоставим альтернативные схемы с учётом данных моментов. Так, Декарт определяет субстанцию как вещь, «которая может существовать сама по себе, без помощи какой-либо иной субстанции»². Аналогичное определение даёт преп. Иоанн Дамаскин (Философские главы, IV)³. На первый взгляд может показаться, что речь идёт об одном и том же значении. Тем не менее это не так. Декарт, как это следует из его объяснения, понимает субстанцию (в частности ум в качестве таковой, который он практически отождествляет с душой) как отдельную вещь, которая реально существует, а не абстракцию, тогда как преп. Иоанн Дамаскин, напротив, в русле святоотеческой традиции про-

¹ Иоанн Дамаскин, прп. Философские главы, XLII-XLV, LXV, LXVII.

² Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2015. С. 269.

³ Иоанн Дамаскин, прп. Источник знания. М.: Индрик, 2002. 416 с.

водит чёткое различие между категорией субстанции, понимаемой как общее, и единичным (лицом, ипостасью, индивидуумом)¹, отказывая субстанции в актуальном существовании и поясняя, что реально существуют только индивидуумы, и что действительное существование субстанции получает только в индивидууме, который «обозначает основывающуюся на субстанции ипостась»². Это различие в понимании субстанции принципиально как для выяснения специфики используемого Декартом подхода и его недостатков, так и для поиска альтернативного подхода. Поскольку для онтологических построений Декарта, в частности для обоснования ума в качестве субстанции и отдельно существующей вещи, как известно, принципиальное значение имеет тезис, согласно которому «все, мыслимое мной ясно и отчётливо, может быть создано Богом таким, как я это мыслю»³, на первый взгляд может показаться, что декартовского понимания субстанции вполне достаточно и в различении общего и единичного нет никакой необходимости. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что это не так. Декарт не учитывает того принципиального момента, что не все сущности, которые на первый взгляд обладают вполне самостоятельной природой, могут быть последовательно мыслимы в качестве таких, которые получают существование в собственной ипостаси. Душа и тело как раз и относятся к чис-

лу таковых. Поэтому в рассуждениях Декарта, посвящённых обоснованию ума как реально существующей вещи, можно обнаружить ошибку⁴, суть которой становится понятна, если обратиться к аргументам преп. Максима Исповедника, направленных против представления о том, что душа и тело человека приходят в существование не одновременно⁵. Рассуждение преп. Максима начинается с указания на то, что душа и тело являются частями человека. Быть частью – значит быть частью целого, т. е. не просто частью, а частью чего-то. При этом очевидно, что части могут быть отделены друг от друга только мысленно, «для распознавания того, чем каждое [из них является] по существу». Следовательно, хотя соединение частей образует целостный вид, каковым является человек, но это ни в коем случае не означает, что душа и тело по отдельности от начала своего существования получили своё бытие в каком-то особом виде, отличном от человека, и только потом соединяются. Таким образом, принципиальная мысль преп. Максима заключается в том, что не существует (и невозможно назвать) ни души, ни тела самих по себе в качестве самостоятельных вещей; но есть душа человека и тело человека. Таковыми они остаются и после смерти, причём душа и после смерти «имеет в качестве своего вида

¹ Иоанн Дамаскин, прп. Философские главы, XXXI.

² Там же: XI, XLIII

³ Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2015. С. 178.

⁴ На которую современные исследователи обычно не обращают должного внимания, в отличие от самого аргумента от мыслимости, который оказывается едва ли не основным объектом критики.

⁵ Максим Исповедник, прп. О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия (Амбигвы). М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 83–85.

все вообще человеческое, определяемое посредством отношения части к целому». Хотя по своей природе душа существует вечно, а тело после смерти распадается на исходные элементы, душа не приобретает иного вида, чем то, в котором она получила своё бытие.

Таким образом, рассуждения преп. Максима позволяют понять в чём состоит специфика души и тела как в *концептуальном*, так и в *онтологическом* отношении. В концептуальном, т. е. с т. зр. их мыслимой сущности, это сущности, которые не должны мыслиться сами в себе, но только в отношении другой (тело человека, душа человека). Последнее означает, что в определение сущности души в качестве души человека с необходимостью должно входить указание на то, что к числу сущностных свойств души должны быть отнесены и такие, которые определяют её связь с телом¹. В онтологическом специфика состоит в том, что душа и тело получают своё бытие не в собственном виде, а в человеке.

В то же время ход рассуждений Декарта оказывается принципиально иным. Несмотря на то, что и он пишет о душе и теле как о составных частях человека, однако у него они не только постигаются, но именно являются реально существующими вещами². Таким образом, они являются частями не только в качестве того, что можно различать мысленно, но и в качестве того, что самостоятельно существует,

что и фиксируется при помощи усвоения им статуса субстанций в декартовском её понимании. Однако совершенно непонятно, каким образом между умом и телом может возникать субстанциальное единство, о котором говорит Декарт, поскольку в подтверждение своих рассуждений о статусе ума он практически настаивает на том, что «связь с телом не принадлежит к сущности ума»³. Данное рассуждение вполне определённо можно интерпретировать в качестве серьёзной логической ошибки: ведь, действительно, совершенно непонятно, как можно быть просто умом, а не умом человека.

Таким образом, если соотнести рассуждения преп. Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина в терминах с представлением о метафизических референтах свободы воли и субъекта, то в рамках их онтологии именно сложная ипостась (человек), а не природы, либо субстанции (души и тела) оказывается метафизическим референтом субъекта, и это позволяет наглядно увидеть, что предположение о субстанциальной самостоятельности души вовсе не тождественно утверждению, что онтологически душа должна рассматриваться в качестве субстанции, получающей самостоятельное существование в собственной ипостаси. Душа и тело могут рассматриваться в качестве логических референтов ментального и физического, но это не означает, что они являются одновременно и метафизическими референтами. Тупик онтологической схемы субстанциального дуализма именно в отсутствии необходимого категориального аппарата для

¹ Как указывает преп. Иоанн Дамаскин, свойства каждой природы (души и тела), «нисколько не обособляют душу от тела, а, напротив, соединяют и связывают её с ним (Философские главы, LXVII).

² Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2015. С. 267–271.

³ Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2015. С. 265.

представления субъекта, но, как это можно увидеть на рассмотренном примере, этот тупик не распространяется на заведомо любую дуалистическую схему.

Нетрудно также заметить, что используемая преп. Иоанном Дамаскиным онтология субъекта не только является когерентной в логико-теоретическом отношении, но и свободна от тех трудностей, с которыми сталкивается субстанциальный дуализм. Прежде всего она не испытывает трудностей в плане соответствия требованию онтологической простоты и её невозможно обвинить в том, что она является неэкономной доктриной, как субстанциальный дуализм. Кроме того, в её рамках в принципе не возникает проблем интеракции и сопряжения, а также проблема ментальной каузальности. Это объясняется двумя моментами. Во-первых, об интеракции можно говорить только в том случае, если речь идёт о субстанциях, получающих существование в собственной ипостаси. Во-вторых, указание на существование необходимой связи входит, как было отмечено выше, в само логическое понятие природы души и тела (как души человека и тела человека), но не ментального и физического (поскольку это свойства, а не природы), и, таким образом, связь не является чем-то внешним и контингентным¹ даже несмотря на то, что тело по природе имеет свои свойства, а душа свои.

¹ При этом не следует упускать из виду, что душа и тело не *соединяются*, образуя ипостась, а *получают* своё существование в ипостаси, поэтому любая аналогия, например, магнита и железных опилок, либо атомов, образующих молекулу, является неправильной.

В то же время возможно возражение, связанное с возникающим при этом вопросом о том, как именно (в виде какого механизма) проявляется данная взаимосвязь и апелляцией к тому, что эта связь не может быть показана. Само требование показать такую взаимосвязь является ошибочным по ряду причин. Во-первых, представления о существовании души и тела не могут быть отнесены к онтологии научной теории и не могут быть интерпретированы в качестве конструкций, в отличие от представлений о существовании нейронов, мозгов и т. п. Поэтому данные представления и онтологии не могут быть соотнесены друг с другом. Во-вторых, природы души и тела следует идентифицировать в онтологическом отношении скорее как формы (в традиционном аристотелевском понимании). Однако, как известно, физикалистская онтология несовместима с представлением о формах и испытывает трудности с включением форм в свою онтологию, о чём наглядно свидетельствуют трудности, с которыми сталкивается современный гилеморфизм при попытках сохранить в онтологии представление об индивидуальных субстанциях, к которым пытаются отнести человека и живые организмы. Поэтому, возможно, единственное, что остаётся, если мы хотим избежать опасности редукционизма в онтологии, связанной с тем, что элиминация объектов фолк-физики неизбежно оборачивается элиминацией объективного времени, это признать, что данная взаимосвязь принадлежит уровню целостности, и, следовательно, мы можем показать данную взаимосвязь исключительно концептуально. Вместе с тем, поскольку представле-

ние об индивидуальных субстанциях в онтологии вытекает из когерентной теории объективного времени, с одной стороны, а с другой, физикалистская онтология испытывает трудности с включением данного представления, можно утверждать, что в качестве своего рода «бонуса» при использовании онтологии ипостасей мы получаем довольно простое решение проблемы субстанциальных референтов личности, тогда как с т. зр. физикализма «поиски простой и неделимой сущности», каковой является личность, «кажутся обречёнными» [2, с. 242]. Это объясняется тем, что индивидуальная субстанция, каковой является личность, хотя и должна рассматриваться в качестве простой и неделимой сущности, тем не менее, будучи сущностью во времени и одновременно фундаментальной онтологической сущностью, является в темпоральном отношении тем, что представляет собой единство тождественности и инаковости, т. е. субъектом свойств, приобретающим их и теряющим, но сохраняющим устойчивость во времени и продолжающим оставаться самим собой. Что касается возможного аргумента суть которого в том, что клетки в организме регулярно обновляются и со временем обновляется весь организм, то возразить на него можно так: язык, на котором этот аргумент формулируется в рамках физикалистской онтологии, имплицитно апеллирует к понятию индивидуальных субстанций, которое, как было показано выше, несовместимо с физикалистской онтологией. На мой взгляд, ситуация, скорее всего, аналогична той, которая имеет место в современной философии сознания: философы довольно успешно пытаются отстаи-

вать т. зр., согласно которой концептуальный уровень обсуждения проблемы имеет самостоятельное значение и не может быть заменён апелляцией к онтологиям и представлениям, разрабатываемым в естественных науках, например, нейрофизиологии.

В заключение следует отметить, что с учётом выявленной взаимосвязи между категориями субъекта, индивидуальной субстанции и объективного времени появляется возможность не только для обоснования тезиса о существовании референтов для субъекта и метафизической свободы воли в реальности, но и для сопоставления, сравнительного анализа, оценки релевантности, теоретического и эвристического потенциала основных метафизических теорий свободы воли, созданных в истории философии, каковых немало. Значение этой задачи определяется тем, что это вопрос об онтологии объективной реальности и месте человека в мироздании, имеющий чрезвычайное мировоззренческое значение. В частности, можно указать, каковы должны быть минимальные требования к когерентной теории метафизической свободы воли. Помимо возможности обеспечить когерентную схему субъекта, свободную от трудностей субстанциального дуализма, она должна быть совместима с представлением о существовании индивидуальных субстанций, обладать необходимым ресурсом для ответа на вопрос, откуда в онтологии объективной реальности появляются индивидуальные субстанции, т. е. иметь решение проблемы обоснования множественности, и, наконец, обладать собственной когерентной концепцией объективного времени, совместимой

с представлением о том, что человек рождается и умирает¹. С учётом указанных требований, можно утверждать, что представление о свободе, разработанное Кантом, не может считаться когерентным решением, поскольку в его онтологии отсутствуют такие сущности как объективное время и субстанция. В целом, учитывая тесную связь между категориями объективного времени и субстанции [3, с. 291–293], речь идёт о том, что трудности будут испытывать

практически любые несубстанциальные онтологии. Таким образом, можно утверждать, что для исследований онтологии свободы воли и субъекта именно использование представления об объективности времени имеет важнейшее значение в теоретико-методологическом отношении и представляется весьма перспективным.

*Статья поступила
в редакцию 11.10.2019*

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00751 А «Теоретико-методологические принципы решения проблемы онтологического статуса свободы воли».

ACKNOWLEDGMENT

The work was supported by Russian Foundation for Fundamental Research within the framework of scientific project No. 18-011-00751 A «Theoretical and methodological principles for solving the problem of ontological status of freedom of will».

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М., 2014. 240 с.
2. Волков Д. Б. Проблема свободы воли и моральной ответственности в аналитической философии конца XX – начала XXI вв.: дис. ... док. филос. наук. М., 2017. 386 с.
3. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
4. Гаспарян Д. Э. Позиции дуализма в современных антифизикалистских стратегиях аналитической философии сознания // Vox. Философский журнал. 2013. № 15. С. 142–170.
5. Зима В. Н. Метафизика объективного времени в современном философском познании: проблемы и перспективы // Философия и культура. 2016. № 6. С. 797–804.
6. Зима В. Н. Натуралистическая предпосылка и проблема онтологического статуса свободы воли // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 8–23.
7. Зима В. Н. Проблема объективности времени в философии. М.: Прометей, 2019. 432 с.
8. Иванов Д. В. Природа феноменального сознания. М., 2013. 240 с.
9. Левин С. М. Физикализм, субъект и метафизическая свобода воли // Вестник

¹ Строго говоря, из всех предложенных решений в плане соответствия указанным требованиям вполне когерентным может считаться только то, которое было предложено в Восточной патристике.

- Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 2. С. 67–77.
10. Мамчур Е. А. Интерпретация квантовой механики в свете проблем реализма // Проблема реальности в современном естествознании / отв. ред. С. Н. Жаров, В. Д. Эрекаев. М., 2015. С. 141–162.
 11. Мамчур Е. А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М., 2004. 242 с.
 12. Микешина Л. А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 622 с.
 13. Мишура А. С. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26. № 5 (114). С. 19–58.
 14. Секацкая М. А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161.
 15. Секацкая М. А. Физический детерминизм и свобода воли: картезианское решение // Философские науки. 2010. № 10. С. 65–80.
 16. Секацкая М. А. Этические идеалы, логические ограничения и проблема свободы // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 81–91.
 17. Чалмерс Д. Сознający ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2015. 512 с.
 18. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. М., 2015. 408 с.
 19. Carrol J. W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics. N.Y., Cambridge University Press, 2010. 268 p.
 20. Lowe E. J. A Survey of Metaphysics. N.Y., Oxford University Press, 2002. 402 p.
 21. Robb D., Heil J. Mental Causation [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [сайт]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/mental-causation/> (дата обращения: 17.08.2019).
 22. Robinson H. Dualism [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [сайт]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/dualism/> (дата обращения: 17.08.2019).
 23. Robinson H. Substance [Электронный ресурс] // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [сайт]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/substance/> (дата обращения: 17.08.2019).
 24. van Inwagen P. Material Beings. Ithaca and London. Cornell University Press, 1990. 299 p.

REFERENCES

1. Vasilyev V. V. *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoi ontologii* [Consciousness and Things: an Essay in Phenomenological Ontology]. Moscow, 2014. 240 p.
2. Volkov D. B. *Problema svobody voli i moralnoj otvetstvennosti v analiticheskoy filosofii konca XX – nachala XXI vv.: dis. ... dok. filos. nauk* [The problem of free will and moral responsibility in the analytical philosophy of the late 20th – early 21st centuries: Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 386 p.
3. Gaidenko P. P. *Vremya. Dlitelnost. Vechnost. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The Problem of Time in European Philosophy and Science]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2006. 464 p.
4. Gasparyan D. E. [The position of dualism in the modern anti-physicalist strategies of analytical philosophy of mind]. In: *Vox. Filosofskii zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 2013, no. 15, pp. 142–170.
5. Zima V. N. [Objective metaphysics of time in modern philosophy: problems and prospects]. In: *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2016, no. 6, pp. 797–804.
6. Zima V. N. [Naturalistic presupposition and the problem of the ontological status of free

- will]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 3, pp. 8–23.
7. Zima V. N. *Problema obektivnosti vremeni v filosofii* [The Problem of Time Objectivity in Philosophy]. Moscow, *Prometei* Publ., 2019. 432 p.
 8. Ivanov D. V. *Priroda fenomenalnogo soznaniya* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow, 2013. 240 p.
 9. Levin S. M. [Physicalism, the subject and metaphysical freedom of will]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2013, vol. 2, no. 2, pp. 67–77.
 10. Mamchur E. A. [Interpretation of quantum mechanics in the light of the problems of realism]. In: Zharov S. N., Erekeyev V. D., ed. *Problema realnosti v sovremenном estestvoznaniі* [The Problem of Reality in Modern Science]. Moscow, 2015. P. 141–162.
 11. Mamchur E. A. *Obektivnost nauki i relyativizm (K diskussiyam v sovremennoі epistemologii)* [The Objectivity of Science and Relativism (to the Discussions in Contemporary Epistemology)]. Moscow, 2004. 242 p.
 12. Mikesheva L. A. *Filosofiya poznaniya: polemicheskie glavy* [Philosophy of Knowledge: a Polemical Chapter]. Moscow, *Progress-Traditsiya* Publ., 2002. 622 p.
 13. Mishura A. S. [Battlefield: Free Will]. In: *Logos*, 2016, vol. 26, no. 5 (114), pp. 19–58.
 14. Sekatskaya M. A. [Moral responsibility without free will. The argument in favor of naturalistic ethics]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2014, no. 10, pp. 151–161.
 15. Sekatskaya M. A. [Physical determinism and free will: the Cartesian solution]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2010, no. 10, pp. 65–80.
 16. Sekatskaya M. A. [Ethical ideals, logical constraints, and the problem of freedom]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2012, no. 2, pp. 81–91.
 17. Chalmers D. *Soznayushchii um: V poiskakh fundamentalnoi teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow, 2015. 512 p.
 18. Yulina N. S. *Ocherki po sovremennoі filosofii soznaniya* [Essays in Contemporary Philosophy of Mind]. Moscow, 2015. 408 p.
 19. Carrol J. W., Markosian N. *An Introduction to Metaphysics*. N.Y., Cambridge University Press, 2010. 268 p.
 20. Lowe E. J. *A Survey of Metaphysics*. N.Y., Oxford University Press, 2002. 402 p.
 21. Robb D., Heil J. Mental Causation. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/mental-causation/> (accessed: 17.08.2019).
 22. Robinson H. Dualism. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/dualism/> (accessed: 17.08.2019).
 23. Robinson H. Substance. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/substance/> (accessed: 17.08.2019).
 24. Van Inwagen P. *Material Beings*. Ithaca and London. Cornell University Press, 1990. 299 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зима Вадим Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Московского политехнического университета;
e-mail: vadim-zima@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim N. Zima – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Humanities, Moscow Polytechnic University;

e-mail: vadim-zima@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Зима В. Н. Метафизические референты свободы воли в контексте проблемы реальности (об общих принципах когерентной концепции метафизической свободы воли) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 42–61.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-42-61

FOR CITATION

Zima V. N. Metaphysical Referents and the Problem of the Ontological Status of Free Will. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4., pp. 42–61.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-42-61

УДК 1:165.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-62-73

ИНДУСТРИЯ СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мурейко Л. В.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I

190033, г. Санкт-Петербург, Московский просп., д. 9, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена уточнению возможностей познания природы сознания, рассматриваемого в свете современных медиа. В задачи исследования входило: выявить проблемный момент в исследовании медийной функции сознания, важный для понимания индустрии сознания и связанный с определением его структуры; уточнить возможность рассмотрения понятия современного сознания на модели понятия «массовое сознание». В работе используются методы системно-функционального, междисциплинарного анализа, понятийного моделирования. Важный момент в исследовании проблемы индустрии сознания – тенденция к неправомерному сведению содержательно-смысловой и эмоционально-ментальной сторон действий сознания к функционально выверенной, действующей по машинному типу. Именно на последней из них базируется индустрия сознания. Автором предлагаются новые перспективы в методологии исследования сознания, находящегося в сфере цифровых медиа: фрактальный подход и концептуальный инжиниринг. Практическая значимость этого исследования заключается в конкретизации механизмов действия сознания и управления им.

Ключевые слова: сознание, индустрия сознания, массовое сознание, массовая коммуникация, моделирование сознания

THE INDUSTRY OF CONSCIOUSNESS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

L. Mureyko

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

9, Moskovskiy prosp., St. Petersburg, 190033, Russian Federation

Abstract. The purpose of this study is to clarify the nature of consciousness considered in the light of modern media. The objectives of the study are: 1) to identify a problematic moment in the study of the media function of consciousness, important for understanding the industry of consciousness and associated with the definition of its structure; 3) to clarify the possibility of considering the concept of modern consciousness on the model of the concept of «mass consciousness». Methods of system-functional, interdisciplinary analysis, conceptual modeling are used. General conclusion: an important point in the study of the problem of the industry of consciousness is the tendency to improper note of the content-semantic and emotional-mental sides of the actions of consciousness to the functionally verified, acting on the machine type. It

is on the latter that the industry of consciousness is based. For a more detailed understanding of this trend, it is necessary to analyze consciousness taking into account its structural levels. New perspectives in the methodology of consciousness research in the sphere of digital media are proposed. The practical significance of this research is in the concretization of the mechanisms of action of consciousness and its control.

Keywords: consciousness, industry of consciousness, mass consciousness, mass communication, modeling of consciousness

Актуальность понимания природы сознания (особенно в связи с практикой применения знаний о нём в сфере современных медиа по аналогу промышленного производства) не вызывает сомнений. Необходимость исследования сознания в этом ракурсе усиливается с учётом набирающей мощь тенденции к слиянию социальной и массовой коммуникации.

Список современных работ по проблематике сознания достаточно обширен. Библиографические данные об основных источниках соответствующей литературы присутствуют в ряде работ таких известных специалистов в этой области, как В. А. Лекторский; Д. И. Дубровский, Б. М. Величковский, Г. Райл, С. Прист, Д. Деннет, В. Bridgeman, L. Liu, Perry и др.

В Институте философии РАН в марте 2012 г. на всероссийской научной конференции «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» эта проблема обсуждалась с привлечением новейших данных из области нейробиологии, нейролингвистики, психологии, когнитивных наук, исследований искусственного интеллекта [3].

В последнее время активно разрабатывается гиперсетевая теория сознания с позиции структурной аналогии сети нейронов мозга и социальной сети с использованием принципов коммуникативного и прагматического функционализма [6].

Трансформации типов рациональности в связи с ростом потоков информации, как и влиянием новых информационно-коммуникативных технологий на сознание людей, включая учёных, рассматриваются в работах М. Кастельса, Ж.-Ф. Лиотара, Г. Дебора, Ж. Бодрийяра, Ф. Джеймсона, Л. Мамфорда, В. С. Степина, Б. В. Маркова, В. Поруса и др.

И всё же при важности коммуникативного аспекта в функционировании сознания, эта сфера ещё недостаточно исследована, причём как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Остро проблематичным остаётся факт опережения исследований той стороны сознания, которая действует по принципу «машин» по отношению к содержательно-смысловой стороне, что неправомерно усиливает неконтролируемость коммерческих и идеологических интенций и снижает возможность свободного выбора действий человека. Как должна меняться методология изучения трансформирующихся ценностно-смысловых, интенциональных, волевых структур сознания, функционирующих в пространстве всепроникающих масс-медиа? Можно ли изменить эти структуры? Это весьма актуальные проблемы современности, способы решения которых пока ещё недостаточно осмыслены.

Говоря об индустрии современного сознания, будем иметь в виду по-

зицию М. Кастельса, отмечающего, что основополагающее звено современного информационного общества (компьютерные коммуникации, информационные технологии) следует рассматривать не в качестве самостоятельной производственной единицы, а в качестве продукта специфической индустрии.

Также примем во внимание идеи Ж. Бодрийяра. Отмечая мощную тенденцию к переплетению материально-экономической и ментальной сфер современного общества через слияние производства и кода масс-медиа, различие первого и второго он видит в следующем. Производство сводит всё к факторам с целью вывести уравнения и получить расчёты. Для кода масс-медиа важно свести всё к переменным ради создания «алеаторно-подвижных» комплексов, задача которых *присвоить себе* любые изменения. Благодаря этому можно неявно усилить рост технизации, механизации не только труда, но и мышления, обозначений под видом многообразия инноваций.

Тенденция слияния функций производства и кода масс-медиа такова, что вместо живой производительной силы «остаётся всеобщая машинерия, ... сама коллективная машинерия начинает непосредственно производить себе общественную цель, она сама производит производство» [2, с. 64]. Тем самым человека встраивают в социальную машину «вместе с детством, ... привычками, знакомствами, бессознательными влечениями и даже вместе с ... нежеланием работать» [2, с. 62].

Индустриализация сознания, находящегося в среде масс-медиа, по-

нимается автором данной работы как производство предельно формализованного потока разнообразной информационной продукции, предназначенной для широкого распространения на основе технического тиражирования и усваиваемой автоматически в виде готового продукта. Проблема заключается в том, что механизм производства и формализации воспринимаемых сведений обычно скрыт завесой их многообразия и динамичного изменения, являясь основанием программирования и манипуляции сознанием. Важным моментом, сопровождающим концепт «индустриализация сознания», является *технический, технологический* способ обработки информации, связанный не только с широким тиражированием, но и с влиянием на характер восприятия мира и ориентиров в образе жизни. Здесь следует иметь в виду всегда существующее *переплетение* техник, ориентированных на материальные и духовные артефакты. Как существа, имеющие сознание, мы вписаны в техническую среду. Невозможно, по словам Т. Адорно, сделать верное заключение о сущности машины или фабрики, если смотреть на них из того места, «которое далеко отстоит от чертёжных досок инженеров и от фабричных цехов». Мы должны находиться в данном месте и в то же время дистанцироваться от него [1].

Однако особенность современной эпохи, связанной с совершенствованием информационных технологий, состоит в том, что процесс трансформации производственного процесса характеризуется также как процесс исчезновения фабрики в строгом смысле слова. Фабрика исчезает в том плане, что «на фабрику становится похоже

всё общество в целом» [2, с. 69]. Тем самым неявно усиливается господство капитала. Коммерческий дух, техническая одержимость совершенствования мира становятся всепроникающими.

Для анализа понимания специфики сознания человека в современном информационном обществе также весьма актуальна мысль Т. Адорно и М. Хоркхаймера, использовавших термин «культуриндустрия», о том, что в обществе, в котором значительную роль играют масс-медиа, функцию схематизма в кантовском понимании *вместо субъекта исполняет индустрия*. В философии Канта речь идёт о схематизме как «функции предваряющего приведения» чувственного многообразия в соответствии с фундаментальными понятиями. Благодаря масс-медиа и массовой культуре именно индустрия «практикует схематизм в качестве самой первой услуги клиенту» [10]. Это значит, что у самих потребителей уже нет необходимости классифицировать что-либо, поскольку всё проявляет себя как предвосхищённое схематизмом процесса производства.

Говоря о необходимости привлечения понятия массового сознания в анализе функционирования сознания в обществе, в котором весьма значимую роль играют масс-медиа, отметим неоднозначность концептуального понимания представителя масс и масс-медиа. Э. Тоффлер и З. Бауман, например, полагают, что понятия масс и масс-медиа применимы только к эпохе модерна (эпохи индустриализма), а современное информационное общество – это общество «рассыпанных» индивидов, связь которых осуществляется посредством современных высокотехнологичных медиа. Напротив,

Ж. Бодрийяр считает, что индивидуализация сегодня – это лишь видимость, иллюзия, а роль масс и масс-медиа только увеличивается, неявно сливаясь якобы с требованиями самой реальности.

С позиции автора этой работы в современном обществе массы, массовое сознание и масс-медиа не исчезают, меняются лишь формы их существования. Стоит согласиться с дифференциацией современных масс-медиа, осуществляемой социологом В. П. Коломийцевым, который (вслед за М. Кастельсом) выделяет формы (1) централизованного, (2) децентрализованного и (3) общедоступного распространения смыслопопрождающих сообщений [4].

При выявлении этих форм следует иметь в виду мощную тенденцию стирания границ между разными видами коммуникации (групповой, межличностной, массовой), всё большее их проникновение в повседневность в связи с изменением коммуникационных технологий. Из этого следует, что современное массовое сознание, находящееся под влиянием масс-медиа, сочетает в себе и общезначимые алгоритмы, и спонтанность в объяснении мира.

Обращение к понятию «массовое сознание» может способствовать уточнению понимания функционирования сознания современного человека. Первое может быть даже моделью исследования второго. Рассмотрение природы массового сознания в качестве модели сознания как такового возможно в связи с тем, что расширяется тенденция к предельному напряжению противоречия между схематизацией сознания, с одной стороны, и

стихийным его проявлением, с другой. Предельное состояние отношения этих противоположностей, приводящее к эффекту рекурсии и неопределённости (диффузии смыслов сообщений), как раз и является одной из важнейших характеристик современного массового сознания. Возможна и такая ситуация, когда изучение природы сознания как такового, особенно проводимое в русле исследований искусственного интеллекта, может быть использовано в качестве модели массового сознания.

Такой подход к анализу массового сознания соответствует, на наш взгляд концепции Ж. Бодрийяра, утверждающего, что продуцирование смысловой неопределённости в современной цифровой коммуникации – это существенная черта современных масс-медиа, стремящихся тем самым «приватизировать» неопределённость, фрактальность, чтобы *замаскировать* свою функцию программирования сознания посредством общезначимого медийного кода.

Правомерность проведения некоторой аналогии массового сознания и сознания как такового в цифровой среде, формируемой медиа, связана и с тем, что меняется сам характер *субъектности* рационально действующего человека, приобретая сходные черты с субъектностью представителя масс [7].

Стремление потребительского общества «очаровать» объектом, внести высокую степень относительности в логику стоимости, поток разнообразной отрывочной информации разрушают привычные меры причинности, времени, пространства, целеполагания, необходимые для идентификации субъекта. «Другой» как принцип различения, став знаком-товаром на

рынке, все больше оказывается «тем же самым, ... на теле которого паразитируют машины» (Ж. Бодрийяр).

Обращение к понятию «массовое сознание» проблематизирует ту сторону сознания как такового, которую ещё Р. Декарт выделял как зачастую неконтролируемую самосознанием, т. е. действующую механически. Т. Гоббс в работе «О теле», исследуя условия оперативной разумности человека, эту сторону сознания соотносил с рациональным вычислением.

В современных исследованиях сознания по модели искусственного интеллекта детально разрабатывается структура сознания, включающая в себя, например, систему «двухуровневой интроспекции», основание которой видится в его вычислительной функции [20].

Другой вариант рассмотрения структуры сознания по тому же основанию, в котором особую значимость приобретает механизм, действующий по машинному типу, предлагает американский философ Д. Дэннет. Он считает такого рода механизм важнейшим в функционировании сознания, поскольку внутренний наблюдатель событий на сцене «картезианского театра», гомункулус – искусственная конструкция социального характера, ограничивающая восприятие мира [15].

С этой позиции необходимо разностороннее критическое наблюдение мыслительной работы извне, с т. зр. «гетерофеноменолога», чтобы нейтрализовать в ней всё, кроме функционально обусловленного движения знаков. Сама структура сознания, согласно Деннету, представляет собой (1) множество потенциальных «проектов»

развития событий (облако вероятностей всех возможных восприятий) и (2) акт осознания как выбор одного из них. Причём, определённая выбор и акт осознания по аналогии с параметрами элементарных частиц в квантовой физике – не известны до момента измерения. Заметим: гипотеза о том, что нейронная основа сознания связана с квантовыми эффектами функционирования белка тубулина в микротрубочках нейронов, пока не прошла экспериментальную проверку [17].

Другой философ Д. Чалмерс (Австралия) также примеряющий модель искусственного интеллекта к исследованию сознания как такового выделяет в структуре сознания два основных его элемента: психологический и феноменальный [14]. Первый из них характеризуется им как имеющий ментальное, но не контролируемое свойство. Его действие сродни действию машины. Второй – источник контролируемого сознанием ментального опыта (самопереживания, самосознания). Австралийский философ предложил мысленный эксперимент по сравнению человека, имеющего ментальный опыт, но ещё не осознающего его, а также человека, имеющего самосознание, с искусственным феноменом (умной машиной в виде биоробота), подобным человеку, не осознающим себя, а также не имеющим ментального опыта. При этом Чалмерс обращается к термину «зомби», популярному в массовой культуре. Естественный человек и искусственный человек похожи не только внешне физически, но и по устройству мозга: нейроны мозга человека последовательно заменены на силиконовые аналоги. Не имеющий ментальности и самосознания биоробот

обладает широкой «осведомлённостью» и в высокой степени каузальной эффективностью в выстраивании суждений. И всё же он уступает человеку, имеющему ментальность и самосознание, в творческих способностях, поскольку эти способности определяются не только физическими и нейронными условиями.

Отметим: всё же нейронная, телесная организация человека выполняет немаловажную роль в продуцировании его ментальности, в том числе такого социально значимого феномена, как интерсубъективность. Об этом свидетельствуют исследования «социального мозга» [13; 21], социальных когний [11], зеркальных клеток, создающих нейробиологическую основу эмпатии [18]. При этом заметим, вполне правомерно возникает вопрос об адекватности воспоминаний в механизме воспроизведения самосознанием изначально неосознаваемого ментального опыта в качестве объекта анализа. В русле этого вопроса проводятся интересные экспериментальные исследования по проверке сенсорных качеств воспоминаний [19], что, на наш взгляд, чрезвычайно важно при анализе такого вида технологий изменения интенций сознания, как *прайминг*, искусно корректирующий представления человека о прошлом опыте и активно сегодня используемый в среде масс-медиа.

В некоторых опирающихся на данные нейробиологии психиатрических экспериментальных исследованиях «*theory of mind*» («модели психического»), понимаемой как способность человека выявить свою ментальность, представив себе психическое состояние другого человека, отмечается

следующий факт. В случае дефицита такой способности происходит изменение речи, дезорганизация памяти, внимания, мышления в целом. Также дефицит «модели психического» скажется на *приписывании себе и другому человеку определённых намерений, мыслей*. Кроме того, возможны искажения каузальной атрибуции социальных ситуаций, непонимание метафоры, иронии, шуток, негласных, не поддающихся формализации коммуникативных правил [8].

Заметим, что дефицит «модели психического» может быть создан искусственно. Например, дискурс-анализ PR-коммуникации, анализируя разнообразные формы высказываний людей в среде интернет и опираясь на многофакторный анализ мотивов, предпочтений, используя комплексный анализ разных уровней взаимодействия с адресатами, типы и характер их оценок, аргументов, реализуемых в выражении своей позиции по конкретному вопросу, даёт вполне эффективные рекомендации заинтересованным лицам и компаниям по изменению представлений человека, находящегося в сети, о том, что говорят другие. Языковые структуры правды и лжи, иронии и серьёзности, прямой и косвенной речи доводятся до предельной степени относительности, вызывая эффект рекурсии противоположностей. Всё это (а также цитирование человека, искусное критическое и сочувственное толкование его высказываний и поступков) используется для вторжения в его ментальную сферу и изменения формы представленности другого.

Если сравнивать биоробота (в описании Чалмерса) и представителя масс как объекта программирования и ма-

нипуляции, их сходство обнаруживается в наличии в обоих случаях лишь имитации самосознания, а также предельной актуализации автоматизма, действующего в виде функциональной многомерности предпринимаемых действий, формальной в своём основании. При этом в отличие от искусственного интеллекта сознание представителя масс не лишено неконтролируемой ментальности, которая содержит возможность быть осознанной и творчески развитой.

Зададимся вопросом о наиболее адекватной методологии исследования общих свойств массового сознания и сознания как такового в условиях размывания границ межиндивидуального, группового и массового видов коммуникации, что необходимо для контроля расширяющейся тенденции индустрии сознания. Выделим, как минимум, два перспективных направления таких исследований.

1. Следует зафиксировать ограниченность инструментально-рассудочной технократической рациональности, стремящейся ликвидировать любую неопределённость, в которой усматривается проблема для решения утилитарно ориентированных задач. В этом случае рациональность сводится к информационно-технологическому способу функционирования по типу операционной системы компьютера. В современной лингвистике применительно к анализу принципа организации информации в языке эффективно используется термин «диффузность» («недискретность системы языка») [9]. Этот термин хорошо коррелирует с неосознаваемой ментальностью. Интересно, что предположение о том, что зеркальные системы мозга, ответ-

ственные за имитационное обучение и процессы интерсубъективности, имеют нейронную локализацию в левом полушарии мозга, ответственном за речь, не нашли достаточного экспериментального подтверждения. Выясняется, что максимальная активность нейронов в экспериментах на имитацию действий другого человека проявляется в височно-теменной области *правого* полушария мозга [12].

Для анализа такой ситуации и с учётом специфики неосознаваемой ментальности, рассматриваемой в коммуникативном аспекте, вполне подходит фрактальный подход. Термин «фрактал», заимствованный из математики, обозначает «сильно изрезанный геометрический объект, занимающий промежуточное положение между точкой и линией... Это нечто среднее между объектом с нулевой размерностью и одномерным объектом...» [5, с. 94]. Кроме того, фракталу присуще свойство самоподобия. Это значит, что любой мелкий фрагмент, извлечённый из фрактала, подобен всему фракталу и обладает теми же свойствами» [5, с. 94]. С учётом этих свойств фрактала, он вполне может служить исследовательским инструментом для анализа фрагментированного (и в то же время неявно сцементированного) поля масс-медиа и специфики функционирующего в нём сознания. Свойство самоподобия фрактала особенно важно при анализе механизмов изменения путём прайминга исходного ментального материала при его воспроизведении в воспоминании. Следует иметь в виду, что не только оригинал самоподобия, но и сам его механизм может быть сконструированным.

Понятие фрактала при исследовании сознания, действующего в среде

масс-медиа, также может быть применено в анализе соотношения целого и части, системы и элемента в этой среде, *особенно их промежуточной среды, где устанавливается характер связи*. Речь идёт о том, что масс-медиа, стремясь завуалировать свою механизацию, доминанту целого, системы, создаёт иллюзию эмансипации детали (части, элемента) как выразителя не обузданной стихии, экспрессии, якобы протестно выступающей против предвзятой готовой целостности, устойчивой системы, стереотипного взгляда на мир. Но эта технически значимая деталь посредством создаваемых ярких эффектов воздействует на сознание так, что целое и часть, не будучи связанными, имеют поразительное сходство. Им заранее гарантировано единство. В действительности их единство – иллюзия. Дело в том, что целое и часть изначально оказываются безотносительными друг к другу. Подробности здесь во всём своём множестве призваны играть роль иллюстраций, *жизненных и документальных свидетельств*, тогда как целостность подменяется их формальной скрепой, аналогичной канцелярской папке, собирающей документы в одно место, но не обеспечивающей им связность. Это удобное условие для конструирования различных вариантов их связи под чьи-то утилитарные цели. При этом симулируется аналог части и целого с тем, как они соотносятся в ДНК, когда каждая отдельная клетка содержит в себе информацию обо всём организме.

2. Методы естествознания, социально-гуманитарных, технических наук, теории коммуникации в исследовании сознания требуют осмысления их связи. Фундаментальный способ по-

иска такой связи можно найти в философии. Речь идёт о концептуальном инжиниринге, социально-эпистемологическом анализе, категориальном анализе фундаментальных понятий, философской экспликации, рационализации и др.

Концептуальный инжиниринг как междисциплинарный метод систематизации информации, представленный в области философии, базируется на формулировании познавательных стратегий и традиций [16]. Развиваемый Л. Флориди концептуальный инжиниринг – методология, использующая принципы инженерного проектирования в моделировании новых способов междисциплинарного объяснения сложных объектов и процессов через анализ уже имеющихся концепций. Это предполагает нацеленность на конструирование целостной проекции из исходно разных частей с контролем самого процесса конструирования, в т. ч. того факта, что целостность может быть сконструирована с недостаточным учётом множества факторов или в виде качественной имитации. Главный вопрос здесь – что понимается в качестве основания в той или иной концепции, претендующей на обеспечение междисциплинарной связи, и как конструируется его обособление?

Именно позиция методологического инжиниринга, на наш взгляд, наи-

более соответствует исследованию таких объектов, как массмедиа и формируемое ими сознание. Это связано с тем, что в методологии исследования современного сознания необходимо учитывать важнейшую функцию массмедиа – *конструирование* новой реальности через влияние на способ восприятия человеком мира.

Какие выводы следуют из вышеизложенного?

1) В структуре сознания, включённого в современную сферу коммуникации, особое место занимает такой его элемент, который действует по машинному типу, составляя важное условие индустриализации значений среды обитания.

2) Уточнение свойств сознания с учётом его коммуникативной функции предполагает его исследование на модели массового сознания. Корректность этой модели оправдана тем, что она соответствует трём условиям моделирования: аналогии, репрезентации и экстраполяции.

3) В методологии исследования механизма индустрии сознания перспективным направлением является разработка понятия «фрактал» и метода концептуального инжиниринга.

*Статья поступила
в редакцию 22.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 364–371.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
3. Канаев И. А Проблема сознания в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 171–175.
4. Коломиец В. П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационно-го изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.

5. Корчажкина О. М. Фрактальная модель процесса познания // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 94–103.
6. Михайлов И. Ф. К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 87–98.
7. Мурейко Л. В. Массовое сознание: о специфике субъекта mass-media // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 83–93.
8. Рычкова О. В., Сильчук Е. П. Нарушения социального интеллекта у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 2. С. 5–15.
9. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. 335 с.
10. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Культуриндустрия. Просвещение как обман масс (Фрагмент) // Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.- СПб., 1997. С. 149–209.
11. Adolphs R. The neurobiology of social cognition // Curr Opin Neurobiol. 2001. Vol. 11. P. 231–239.
12. Aziz-Zadeh L., Koski L., Zaidel E., Mazziotta J., Iakoboni M. Lateralization of the Human Mirror Neuron System // Journal of Neuroscience. 2006. Vol. 26. № 11b. P. 2964–2970.
13. Brothers L. The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain // Concepts Neurosci. 1990. Vol. 1. P. 27–51.
14. Chalmers D. J. The Conscious Mind. NY: Oxford University Press, 1996. 432 с.
15. Dennett D. Freedom Evolves. London: Penguin Books, 2003. 368 p.
16. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity // Minds and Machines. 2011. № 21. P. 549–566.
17. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the Universe // Physics of Life Reviews. 2014. Vol. 11 (1). P. 39–78.
18. Iacoboni M. Imitation, Empathy and Mirror Neurons // Annual Review of Psychology. 2009. № 60. P. 653–670.
19. Rosenthal D. M. Consciousness and Confidence [Электронный ресурс] // Neuropsychologia, 2018. URL: [at: https://www.researchgate.net/publication/322662610_Consciousness_and_confidence](https://www.researchgate.net/publication/322662610_Consciousness_and_confidence) (дата обращения: 07.10.2019).
20. Valitutti A., Trautteur G. Providing Self-aware Systems with Reflexivity // Lecture Notes in Computer Science. 2017. July. P. 418–427
21. Vogeley K. Two Social Brains: Neural Mechanisms of Intersubjectivity. URL: <http://rstb.royalsocietypublishing.org/content/royptb/372/1727/20160245.full.pdf> (дата обращения: 07.10.2019).

REFERENCES

1. Adorno T. [About technology and humanism]. In: *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany]. Moscow, 1989. P. 364–371.
2. Bodriiyar Z. *Simvolicheskii obmen i smert* [Symbolic exchange and death] Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 389 p.
3. Kanaev I. [The Problem of Consciousness in an Interdisciplinary Perspective]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2012, no. 10, pp. 171–175.
4. Kolomiets V. P. [Sociology of mass communication in society communication abundance]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2017, no. 6, pp. 3–14.
5. Korchazhkina O. M. [The fractal model of the process of cognition]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2016, no. 5, pp. 94–103.
6. Mikhailov I. F. [To the hypernetwork theory of consciousness]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2015, no. 11, pp. 87–98.

7. Mureiko L. V. [Mass consciousness: the specificity of the subject mass-media]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [News of The Herzen State Pedagogical University of Russia], 2009, no. 111, pp. 83–93.
8. Rychkova O. V., Silchuk E. P. [Violations of social intelligence in patients with schizophrenia]. In: *Socialnaya i klinicheskaya psikiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2010, vol. 20, no. 2, pp. 5–15.
9. Stepanov Y. S. *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In three-dimensional space of language]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 335 p.
10. Horkheimer M., Adorno T. V. [Industry of culture. Enlightenment as deception of the masses (Excerpt)]. In: Horkheimer M., Adorno T. V. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, S. Petersburg, 1997. P. 149–209.
11. Adolphs R. The neurobiology of social cognition. In: *Curr Opin Neurobiol*, 2001, vol. 11, pp. 231–239.
12. Aziz-Zadeh L., Koski L., Zaidel E., Mazziotta J., Iacoboni M. Lateralization of the Human Mirror Neuron System. In: *Journal of Neuroscience*, 2006, vol. 26, no. 11b, pp. 2964–2970.
13. Brothers L. The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain. In: *Concepts Neurosci*, 1990, vol. 1, pp. 27–51.
14. Chalmers D. J. *The Conscious Mind*. NY, Oxford University Press, 1996. 432 p.
15. Dennett D. *Freedom Evolves*. London, Penguin Books, 2003. 368 p.
16. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity. In: *Minds and Machines*, 2011, no. 21, pp. 549–566.
17. Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the Universe. In: *Physics of Life Reviews*, 2014, vol. 11 (1), pp. 39–78.
18. Iacoboni M. Imitation, Empathy and Mirror Neurons. In: *Annual Review of Psychology*, 2009, no. 60, pp. 653–670.
19. Rosenthal D. M. Consciousness and Confidence. In: *Neuropsychologia*, 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322662610_Consciousness_and_confidence (accessed: 07.10.2019).
20. Valitutti A., Trautteur G. Providing Self-aware Systems with Reflexivity. In: *Lecture Notes in Computer Science*, 2017, July, pp. 418–427.
21. Vogeley K. Two Social Brains: Neural Mechanisms of Intersubjectivity Available at: <http://rstb.royalsocietypublishing.org/content/royptb/372/1727/20160245.full.pdf> (accessed: 07.10.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии факультета экономики и менеджмента Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Mureyko – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Faculty of Economy and Management, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Мурейко Л. В. Индустрия сознания: теоретико-методологические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 62–73.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-62-73

FOR CITATION

Mureyko L. V. The Industry of Consciousness: Theoretical and Methodological Aspects // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no 4, pp. 62–73.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-62-73

РАЗДЕЛ III.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-74-82

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Кокорин В. В.

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил "Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина" в г. Сызрани

446007, Самарская область, г. Сызрань, ул. Маршала Жукова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. Начало XXI в. характеризуется высокой скоростью и масштабностью социальных изменений. Плюрализм норм и ценностей, мозаичность и фрагментарность социокультурного пространства, постоянно изменяющаяся шкала оценки существующих ценностных приоритетов, быстрота девальвации социокультурных феноменов, сокращение социальных дистанций, увеличение коммуникативных связей, глобализационные процессы, меняющие социокультурность, – такова характеристика современности. Основная цель данной работы – представить краткий историко-философский анализ развития представлений о социальных трансформациях. Рассматриваемая проблема социальных трансформаций находится на стыке разных направлений социокультурного знания, поэтому методологической основой её изучения являются комплексный междисциплинарный подход, включающий элементы анализа, сравнения и обобщения. Выявлена логика анализа социальных трансформаций в XX в. Представлена концепция метаморфоз У. Бека, показан методологический потенциал понятия «метаморфоза». Выдвинуто предположение, что не все концепции, представленные в западной философии, являются основой объяснений социокультурных изменений в нашей стране.

Ключевые слова: общество, современность, социальные изменения, социальные трансформации, социокультурное пространство, глобализация, виртуальное пространство

SOCIAL TRANSFORMATIONS: THE STATEMENT OF THE PROBLEM

V. Kokorin

«Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» in Syzran 1, Marshal Zhukov st., Syzran, 446007, Samara region, Russian Federation

© CC BY Кокорин В. В., 2019.

Abstract. The beginning of the 21st century is marked by high speed and large-scale social changes. The characteristics of modernity are pluralism of norms and values, fractionalization and fragmentation of socio-cultural space, constantly changing scale of assessment of value priorities, speedy devaluation of socio-cultural phenomena, reduction of social distances, increase in communication, globalization changing socio-cultural phenomena. The main purpose of this paper is to present a brief historical and philosophical analysis of the development of ideas on social transformations. The considered problem of social transformations is at the junction of different directions of socio-cultural knowledge, so the methodological basis of this study is a comprehensive interdisciplinary approach, including the elements of analysis, comparison and generalization. The logic of the analysis of social transformations in the 20th century is revealed. The concept of Ulrich Beck's metamorphosis is presented, the methodological potential of the concept «metamorphosis» is shown. It is suggested that not all concepts presented in Western philosophy are capable of explaining socio-cultural changes in Russia.

Keywords: *society*, modernity, social changes, social transformations, socio-cultural space, globalization, virtual space.

Проблема социальных трансформаций, несмотря на большое количество публикаций и исследований, до сих пор остаётся «белым пятном» в социальной философии. С огромной уверенностью можно заявить, что до сих пор мы в должной мере не изучили общество, в котором живём, хотя в социальных науках вплоть до настоящего времени не выработана единая концепция понимания того, что такое общество. И архаическая община, и Советский Союз, и древнегреческий полис, и современная Франция – это общество. Одним и тем же термином мы именуем настолько разные и по количественным и по качественным показателям социальные системы, что смысл этого термина размывается. Хотелось бы в дальнейшем исследовании использовать понятие общества в качестве рамок для создания картины социальных трансформаций, поэтому в качестве базового представления, чем является общество, мы остановимся на следующем: под обществом будем понимать систему связей и от-

ношений, выступающих в качестве скреп между индивидами и социальными группами.

В чём причина рассмотрения проблемы социальных изменений в качестве неосновной или второстепенной? Во-первых, социальные изменения и трансформации очень часто анализируются как частные проблемы социального развития вообще. Во-вторых, социальные трансформации сводятся к конкретным изменениям в рамках той или иной сферы общественного бытия. Отметим, что в рамках социологии и истории накоплен богатый фактический материал по проблеме социальных трансформаций. Но современное общество демонстрирует беспрецедентную сложность, неустойчивое развитие, плотную насыщенность разнообразными конфликтами и противоречиями, фактически, перманентные трансформации являются способом существования социального. В этой связи проблема социальных трансформаций, их выраженности, определённости и проявления в соци-

альном пространстве-времени выходит на первый план социальных исследований. Выявление наиболее общих компонентов трансформационных процессов выступает важнейшей задачей современного социально-философского дискурса.

XX столетие:

анализ социальных изменений

XX столетие в развитии человечества знаменует период коренных трансформаций. Этот век является самым насыщенным по количеству и качеству социальных изменений, которые инициировали появление в социальной философии множество концепций, нацеленных на объяснение происходящего. Понятие «социальной травмы», введённое П. Штомпкой точно характеризует состояние общества XX в. Итак, какие же основные теории появились в прошлом веке?

Попытки объяснить социальные трансформации воплотились в концепциях постиндустриального общества, сетевого общества, общества риска, поликультурного общества, общества спектакля. Конечно, это не все концепции, в рамках которых осуществляется попытка интерпретации социокультурных трансформаций современного общества.

Существенный вклад в изменение общества вносит глобализация, оцениваемая неоднозначно – от полного одобрения до абсолютного отрицания. Но глобализация заставила осознать тот факт, что человечество имеет общую судьбу как таковую, и её разделение на какие-то локальности невозможно в силу того, что изменения в любом обществе проявляются во всех других обществах.

Глобализация сделала все современные общества открытыми. Она объединила всех людей на планете Земля и фрагментированное со-общество, состоящее из изолированных и независимых обществ уже невозможно. Но глобального общества, по сути, нет. По меткому замечанию Э. Гидденса, его «контуры просматриваются пока довольно смутно», его «становление носит анархический, случайный характер» [2, с. 35]. Глобализация неизбежна, она характеризует новый этап в развитии человечества. Развитие технологий, виртуального пространства, совершенствование коммуникации приводит к резкому сокращению социального расстояния и образованию новых связей и отношений, не имеющих ничего общего с теми, которые были ранее. Споры по поводу глобализации «в основном сосредотачиваются на её последствиях для суверенных государств» [2, с. 34], но отрицать значимость глобализации для развития человечества бессмысленно.

«Открытое» общество, описанное К. Поппером, есть один из вариантов описания общества в эпоху глобализации. Концепция открытого общества зиждется на принятии принципа рациональности как базового в регламентации поведения людей: как только люди оказываются способны принимать рациональные решения, касающиеся новых законов, последствий институциональных изменений, а также нести рациональную личную ответственность, возникает открытое общество [8, с. 218]. Конечно, по мнению К. Поппера, открытое общество не есть продукт XX в., но следует учитывать то, что данная концепция зародилась именно в прошлом веке как

ответ на тоталитаризм, опутавший Европу именно в XX в.

В отечественной философии появляются различные подходы к самому принципу открытости. Например, В. Н. Порус отмечает, что данный принцип предполагает различное его понимание. Он пишет: «открытость как принципиальная незавершённость социального проекта, открытость перед рациональной критикой оснований индивидуальной и общественной деятельности, открытость как возможность ассимиляции иных принципов и ценностей, как готовность и предрасположенность к разумному и равноправному диалогу с иными культурам и обществами»¹. В этой фразе абсолютно верно подмечены такие характеристики «открытости», которые свойственны современному обществу, развивающемуся в условиях глобализации.

Современность благодаря глобализации рождает новые постиндустриальные отношения, постепенно распространяемые на все общества нашей планеты. Концепция постиндустриального общества, предложенная Д. Беллом, есть ещё одна попытка описания тех социальных трансформаций, которые чётко обозначились в XX в. Выдвигая три основных критерия (информация как основной производственный ресурс, характер производственной деятельности, наличие наукоёмких технологий), Д. Белл предполагает, что постиндустриальное «общество делает упор на центральное место теоретических знаний» [1, с. 152]. В

таком обществе постматериалистические ценности занимают верхушку аксиологической пирамиды. По меткому замечанию Р. Инглхарта, «связь между ценностями, экономикой и политикой является взаимной» [3]. Иными словами, стабильность общества подразумевает закрепление в аксиоматрице постматериалистических ценностей. Любые потрясения и кризисы ведут к преобладанию материалистических ценностей. Носителями постматериалистических ценностей являются такие социальные группы, «которые имеют доступ к хорошему образованию, чья работа связана с производством и переработкой информации» [7, с. 20]. Так, постиндустриальное общество меняет аксиологическую палитру общества.

Информация определяет облик современного общества. Её объёмы заставляют говорить уже о появлении новых социальных укладов. Появление новых каналов сбыта и передачи информации, новых технологий её хранения инициируют выводы о становлении нового типа общества – информационно-коммуникативного. Но хотелось бы подчеркнуть, мы говорим об одном и том же обществе! Оформление всех концепций описания современного общества свидетельствует о попытках осмыслить происходящие социальные трансформации. Современность демонстрирует, что глобализация и коммуникация теснейшим образом связаны. Глобализация просто невозможна без формирования новых каналов коммуникации. Глобальная информационная сеть, сложившаяся в последние десятилетия лишь облегчает процесс появления качественно новых коммуникативных связей и от-

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 758.

ношений. И. А. Мальковская замечает, что «социальный и ценностный эффект, полученный в результате воздействия информационных технологий на человеческое сообщество, в каком-то смысле можно сопоставить с пока ещё не известным человечеству воздействием на человеческий организм генно-модифицированных продуктов» [5, с. 103]. Однако существует точка зрения, что ослабление социальных связей и общих ценностей свидетельствует об ослаблении общин и гражданского общества, что и происходит параллельно с переходом к информационному обществу [6]. Хотя, надо отметить, что современное информационное общество требует серьёзного и скрупулёзного анализа, кроме того, социальные последствия информатизации будут ощутимы через определённый временной лаг. Но следует признать, что общество современности отличается невиданным ростом коммуникативных связей. Создаётся коммуникационная сеть, главным показателем которой является бурное развитие интернета. Е. Ю. Шакирова отмечает, что развитие информационных и коммуникационных технологий, активное внедрение в социальное пространство интернета приводит к формированию новых социальных структур, свойственных обществу нового типа, которое она с уверенностью называет Е-социумом: Е-социум – это общество нового типа, которому свойственна система ценностей, появившаяся в результате реструктурирования существующей аксиосистемы и появления новых ценностных элементов, сущность которых связана с формированием иных отношений между индивидами. Для такого общества характерно размытие

существующей социальной структуры и формирование новых социальных групп, положение которых зависит от нескольких составляющих: отношения к интеллектуальной и информационной собственности, от положения и поведения в рамках виртуальной сети. Виртуальность привлекательна тем, что человек чувствует здесь свободу действий, особые возможности, поэтому привязанность к этому миру сильна» [11, с. 103].

Е-социум в интерпретации Е. Ю. Шакировой есть порождение информатизации и активного внедрения информационных технологий. Порождённая виртуальная реальность как прямое следствие технологического прорыва в информационной сфере стимулирует появление иных отношений, иного коммуникативного пространства. «Увеличение объёма информации, – отмечают авторы коллективной монографии «Социальная онтология культуры», – привело к тому, что в наши дни информация практически получает самостоятельное существование, а её избыток искажает социокультурные процессы» [9, с. 192]. Изменённая под влиянием виртуального пространства социокультурность свидетельствует о коренных трансформациях современного общества. Социокультурное пространство уже не есть однородное, оно представляет соединение в некое образование нескольких матриц, свойственных разным культурным полям и виртуальности. Современное общество в этом отношении – сверхсложное, комплексное образование, в какой-то мере а-структурное и а-логичное. «Травма» (по П. Штомпке) стала перманентной характеристикой современности.

У. Бек: метаморфозы современного общества

У. Бек в самом начале книги задаётся глубоким вопросом, каково значение тех событий, свидетелями которых мы являемся? И признаёт себя неспособным ответить на этот вопрос, несмотря на огромный исследовательский опыт в сфере социологии. Он с сожалением констатирует, что нет ни концепта, ни теории, подобной теории Гегеля, которая смогла бы отразить всю неразбериху современности в приемлемых терминах. У. Бек отмечает, что данная неразбериха вряд ли может быть отражена при помощи такого широкого понятия, как «изменение», включающего в т. ч. такие понятия, как «революция», «эволюция», «трансформация». И предлагает использовать такое понятие, как «метаморфозы». Отметим, что сам термин «метаморфозы» употребляется в социальной философии как синоним «трансформации», «изменения». В статье «Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании» С. А. Кравченко[4], подчёркивая, что метаморфозы как физические и социальные явления существовали всегда, осуществляет анализ представлений о метаморфозах и их генезис. Принимая за базовое утверждение, что метаморфозы есть «коренная трансформация чего-либо (кого-либо)», С. А. Кравченко отсылает нас в Древнюю Грецию к Гераклиту, к мыслителям Просвещения, к К. Марксу, Э. Гоффману, Ж. Тоценко, В. Ядову, О. Яницкому и др. Но, на наш взгляд, это определённая дань моде. Появляется новое понятие в научной лексике, и появляются публикации, исследующие его генезис, его толкование

различными мыслителями, начиная от древности и до современности.

Исследование социальных метаморфоз все же восходит к современным западным исследователям, в первую очередь к Э. Тоффлеру. Дело в том, что слово «*metamorphosis*» в английском языке имеет значение «перерождение». Именно в таком значении и употребляют данное понятие западные социологи. С. А. Кравченко, сближая данное понятие с революцией, эволюцией, трансформацией, обедняет его смысл, в результате чего он и обращается к историко-философскому наследию, пытаясь найти зачатки учения о метаморфозах [4].

У. Бек подчёркивает, что метаморфозы включают гораздо более радикальную трансформацию, благодаря которой старые черты современности уходят, а на их место приходит что-то совершенно новое. В данном определении чётко прослеживается заложенное в него значение перерождения. В частности, он отмечает: «Интернет является ярким примером этого (т. е. кардинальных изменений). Во-первых, он создаёт мир как единицу общения. Во-вторых, он создаёт человечество, предлагая возможность объединения всех. В этом пространстве национальные и другие границы пересматриваются, исчезают, а затем строятся заново, т. е. метаморфозируются»¹.

При этом нужно понимать, что теория метаморфоз – это следствие концепции общества риска, данная теория не исчерпывается рискологической концепцией, выходит за её пределы и идёт дальше в понимании современ-

¹ Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. С. 17.

ного общества. Метаморфозы – суть явления современности, поэтому их изучение инициировано именно сейчас. Теория метаморфоз, в понимании У. Бека, пытается объяснить не негативные последствия принимаемых решений, а найти положительные эффекты в отрицательных феноменах современной социальности. Однако У. Бек полагает, что «со словом “метаморфозы” нужно обращаться крайне осторожно и заключать его в кавычки. Поскольку оно содержит некие признаки инородного» (здесь, как мы понимаем, Бек имеет в виду невключённость данного термина в социологическую теорию)¹. Однако методологические перспективы данного понятия широки. Можно предположить, что в ближайшем будущем оно широко будет включено в социально-философскую терминологию для описания комплексных и многоаспектных изменений, к которым применение термина «трансформация» будет не совсем точным и бедным.

Заключение

Итак, в данной статье была принята попытка анализа социокультурных изменений, свойственных современному обществу. Конечно же, читателю была предоставлена возможность ознакомиться с теми концепциями, которые характеризуют изменения, происходящие в обществе. Это концепция постиндустриального общества, информационного общества, общества риска, коммуникативного общества. Данные концепции широко применяются в социальной философии и утвердились в качестве парадигм. Однако очевидно, что каждая их

перечисленных концепций раскрывает происходящие в обществе перемены лишь с определённых позиций. Ясно одно: они имеют определённые точки пересечения, которые, на взгляд автора, заключаются в изменении роли информации и активном внедрении виртуальности в социальную жизнь, что приводит к коренной трансформации социальных структур. С сожалением приходится признать, что отечественная социальная философия осваивает предложенные западными учёными теоретические построения применительно к России, внося незначительные коррективы и забывая, что страна имеет свои социокультурные особенности.

Современность демонстрирует невиданные ранее трансформации. Общество находится в перманентном транзите, в процессе качественной трансформации. Радикальным изменениям подвергаются все сферы социального бытия. Данные изменения настолько комплексны, многогранны и многоаспектны, что в XX столетии уже нет и не может быть единой концепции объяснения социального развития, хотя идея прогресса себя не исчерпала: она продолжает занимать своё почётное место в социальных науках и является одной из ведущих методологий современной философии истории и социальной философии. По мнению А. В. Федина, это можно объяснить тем, что идея прогресса выполняет «ещё и идеологическую функцию» [11, с. 42].

Особенности трансформаций, обозначенные в вышеперечисленных концепциях, не имеют ни культурных, ни цивилизационных детерминант. В определённом смысле они всеобщи,

¹ Там же. С. 15.

характерны для всего человечества. поведения и стандарты оценивания
Коммуникативные сети опутали весь социального поведения.
мир, человек включён в эти сети, кото-
рые заставляют его поступать опреде-
лённым образом, формируют образцы

*Статья поступила
в редакцию 01.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 944 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–33
4. Кравченко С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14.
5. Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления общества в эпоху глобализации. М., 2008. 280 с.
6. Мартин Г. П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. 335 с.
7. Неганов Ф. М., Рудкевич Е. Ю. Неэкономические ценности: культурно-исторические особенности становления и развития: монография. Уфа, 2008. 168 с.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. 448 с.
9. Социальная онтология культуры / под общ. ред. Е. В. Листвиной, О. В. Шиндиной. Саратов: Саратовский источник, 2018. 196 с.
10. Федин А. В. Идея социального прогресса в западном обществе середины XX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 8 (83). С. 40–43.
11. Шакирова Е. Ю. Е-социум: патология или закономерность развития // Философия в условиях социокультурного многообразия: от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров. Саратов, 2017. С. 102–106.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999. 944 p.
2. Giddens E. *Uskolzayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 120 p.
3. Inglehart R. [Postmodern: Changing Values and Changing Societies]. In: *Polis*, 1997, no. 4, pp. 6–33.
4. Kravchenko S. A. [Metamorphosis: essence, complex types, place in sociological knowledge]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 10, pp. 3–14.
5. Malkovskaya I. A. *Mnogolikii Yanus otkrytogo obshchestva: Opyt kriticheskogo osmysleniya obshchestva v epokhu globalizatsii* [Multi-faced Janus of the Open Society: An Experience of Critical Reflection of Society in the Era of Globalization]. Moscow, 2008. 280 p.
6. Martin G. P., Shumann K. *Zapadnaya globalizatsiya: ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Western Globalization: An Attack on Prosperity and Democracy]. Moscow, Alpina Publ., 2001. 335 p.

7. Neganov F. M., Rudkevich E. Y. *Neekonomicheskie tsennosti: kulturno-istoricheskie osobennosti stanovleniya i razvitiya: monografiya* [Non-Economic Values: Cultural-Historical Features of Formation and Development: A Monograph]. Ufa, 2008. 168 p.
8. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1* [The Open Society and Its Enemies. Vol. 1]. Moscow, Feniks Publ., Cultural Initiative Publ., 1992. 448 p.
9. Listvina E. V., Shindina O. V., ed. *Sotsialnaya ontologiya kultury* [The social Ontology of Culture]. Saratov, Saratov Source Publ., 2018. 196 p.
10. Fedin A. V. [The idea of social progress in Western society of the mid-twentieth century]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2013, no. 8 (83), pp. 40–43.
11. Shakirova E. Y. [E-society: pathology or pattern of development]. In: *Filosofiya v usloviyakh sotsiokulturnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskikh orientirov* [Philosophy in Terms of Socio-Cultural Diversity: from Expert Knowledge to Philosophical Guidelines]. Saratov, 2017. P. 102–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокорин Виталий Владимирович – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани;
e-mail: kokovit@rambler.ru

INFORMATION OF THE AUTHOR

Vitaly V. Kokorin – senior lecturer at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Studies, «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» in Syzran;
e-mail: kokovit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Кокорин В. В. Социальные трансформации: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-74-82

FOR CITATION

Kokorin V. V. Social Transformations: the Statement of the Problem. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-74-82

УДК 37.012.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-83-94

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО НЕПРЕРЫВНОСТИ

Леонова О. Ю.

Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ аксиологических моделей образования в контексте проблемы его непрерывности. Автором осуществлён социально-философский анализ основных ценностных моделей образования: теоцентрической, социоцентрической, натурцентрической и антропоцентрической. Также был обобщён опыт функционирования частных педагогических систем, базирующихся на данных ценностных моделях. Проведённый анализ показал, что каждая из перечисленных выше ценностных моделей образования обладает определёнными преимуществами и недостатками. При этом ни одна из них не существует в чистом виде, хотя в образовательном процессе всегда имеет место та или иная аксиологическая доминанта. Автором сделан вывод, что следование за ценностным приоритетом той или иной аксиологической модели образования при его обогащении элементами других моделей обеспечивает развитие образовательного процесса и его непрерывность, которая позволяет удовлетворять трансформирующиеся в процессе жизни образовательные потребности человека и общества. Этот вывод имеет существенную практическую значимость для подготовки программ и проектов развития образовательных организаций и образовательных систем в части их целеполагания и выбора средств достижения сформулированных целей и задач.

Ключевые слова: аксиологические модели образования, теоцентрическую модель, социоцентрическая модель, натурцентрическая модель, антропоцентрическая модель, непрерывное образование

AXIOLOGICAL MODELS OF EDUCATION AND THE PROBLEM OF ITS CONTINUITY

O. Leonova

Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»

9, bld. 9, Obraztsova st., Moscow, 127994, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to analyze axiological models of education in the context of the problem of its continuity. The author carried out a socio-philosophical analysis of the main axiological models of education: theocentric, sociocentric, naturocentric and anthropocentric. The experience of the functioning of private pedagogical systems based on these value models was also generalized. The analysis showed that each of the above mentioned axiological models

of education has certain advantages and disadvantages. Moreover, none of them exists in its pure form, although this or that axiological dominant always takes place in the educational process. The theoretical significance of the study lies in the fact that the author concluded that following the value priority of a particular axiological model of education while enriching it with elements of other models ensures the development of the educational process and its continuity, which allows satisfying the educational needs of a person and society that are transformed in the process of life. This conclusion has significant practical value for the preparation of programs and projects for the development of educational organizations and educational systems in terms of their goal-setting and the choice of means to achieve the stated goals and objectives.

Keywords: *axiological* models of education, theocentric model, sociocentric model, naturocentric model, anthropocentric model, continuing education

Современное общество в процессе своего развития предъявляет к образованию новые требования, оно нуждается в различных образовательных результатах. Это приводит к тому, что образовательный процесс становится более дифференцированным, что проявляется в большом количестве уровней и профилей и определяет существование множества образовательных моделей.

В основе любой образовательной модели положено *представление об идеальной личности* или нормативном каноне (образе) обучающегося.

Этот нормативный канон определяет, чего общество стремится достичь от обучающегося, и каким образом это достигается. Представление об идеальной личности и отношение к ней различны в разные исторические периоды, разных цивилизациях. Но этот образ всегда имеет две стороны: то состояние в каком был обучающийся до начала обучения, и то каким он стал по его окончании.

Можно выделить 4 образа обучающегося.

1. *Традиционный христианский образ*: ученик, как каждый человек, грешен, он должен стремиться к спасению путём подчинения его воли Богу и на-

ставникам (родителям, священнослужителям, учителям и пр.). Исходя из идеи первородного греха, педагогика должна быть направлена на подавление природных, греховных начал в обучающемся и привитие ему правильных, богоугодных начал.

2. *Образ, основанный на социально-педагогическом детерминизме*: ученик является «чистым материалом», из которого учителя могут сделать все, что им угодно. Идея социализации становится доминантной в педагогике. Целенаправленное обучение и воспитание должно сформировать личность обучающегося.

3. *Образ, базирующийся на природном детерминизме*: характеристики обучающегося (наклонности, возможности, характер и пр.) предопределены его природой, многие из них заданы ещё до рождения человека. Отсюда ведущей педагогической идеей становится идея развития у обучающегося данных ему природой задатков, всемерная поддержка их положительных проявлений и максимально возможное ограничение отрицательных.

4. *Гуманистический образ*: ребёнок рождается идеальным, но в процессе жизни испытывает негативные влияния общества, которые необходимо

как можно эффективнее купировать. Такой образ определяет обращение к педагогике саморазвития.

Данные образы не постепенно сменяют друг друга, а сосуществуют в общественном сознании. При этом ни один из этих образов никогда не доминировал. Этому способствовали различные цивилизационные, классовые, национальные, семейные и другие различия.

Философско-аксиологический подход к образованию позволяет выделить, исходя из отмеченных выше образов обучающегося, ведущие ценности (ценности-цели) образовательной деятельности. К таким ценностям относятся *Бог, социум, природа и человек*. Они определяют мировоззренческие установки участников образовательных отношений, а также позволяют выделить и дать характеристики 4-х основных *аксиологических моделей образования*: теоцентрическую, социоцентрическую, натуроцентрическую и антропоцентрическую, которые, в свою очередь, лежат в основе многочисленных частных педагогических систем.

Каждая из перечисленных аксиологических моделей образования имеет по сравнению с другими как достоинства, так и недостатки. Выбор той или иной из них зависит от мировоззрения субъекта, осуществляющего такой выбор, и образовательной среды, в которой он находится. Однако для достижения максимальных результатов и эффектов от использования той или иной модели необходимо её системное применение на протяжении образовательного процесса на всех его уровнях, что *предопределяет ценность непрерывности образования*.

Теоцентрическая модель образования базируется на представлении о человеке как о результате творения Бога, бытия абсолютного духа. Такое понимание ведущей ценности образования характерно как для философов Древнего мира и Средневековья, когда доминировал теоцентрический подход к формированию и развитию личности (Аврелия Августина¹, Боэция², Флавия Кассиодора³, Фомы Аквинского⁴ и др.), так и для многих мыслителей Нового времени и современности (С. Н. Булгакова⁵, У. Джеймса⁶, В. В. Зеньковского⁷, па-

¹ Августин А. О блаженной жизни [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o_blazhennoj_zhizni/ (дата обращения: 23.09.2018).

² Боэций. Утешение философией [Электронный ресурс] // AvidReaders.ru [сайт]. URL: <https://avidreaders.ru/book/uteshenie-filosofiey.html> (дата обращения: 12.06.2018).

³ Кассиодор Ф. Наставления в науках божественных и светских [Электронный ресурс] // ВикиЧтение [сайт]. URL: <https://religion.wikireading.ru/195478> (дата обращения: 01.07.2018).

⁴ Аквинский Ф. Сумма теологии. Т. 1. [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/> (дата обращения: 10.10.2018).

⁵ Булгаков С. Н. Свет невечерний [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/svet-nevechernij-sozertsanija-i-umozrenija/> (дата обращения: 05.05.2018).

⁶ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. [Электронный ресурс] // Psylib.ru [сайт]. URL: <http://psylib.org.ua/books/james01/> (дата обращения: 21.11.2018).

⁷ Зеньковский В. В. Педагогика. Клин, 2002. 222 с.

триарха Кирилла¹ (В. М. Гундяева), П. А. Флоренского², С. Л. Франка³ и др.), когда имел и имеет место плюрализм в решении вопроса о её сущности. Теоцентризм как аксиологическое основание ориентирует образовательный процесс на служение Богу, формирование богоугодных качеств личности и выполнение богоугодной деятельности. Поскольку смысл человеческой жизни трактуется религиозной философией как спасение души для обретения блаженства в раю, цель образования в данной модели – формирование у обучающихся понимания Бога как ценности и потребностей в следовании заповедям Церкви, что требует воспитания таких качеств как смирение, терпение; обучения основам вероучения, привития навыков преодоления искушения грехами. При этом Бог выступает в качестве абсолютного духовного идеала, носителя всех совершенных качеств, которые должны быть сформированы и развиты у обучающихся.

Приоритетность веры над рациональным началом, характерная, прежде всего, для средневековой философии, определяет доминирование в теоцентрической модели образования воспитания над обучением.

Духовное преобладает над материальным в теоцентрической модели образования. В содержании, методах

и формах образовательной деятельности приоритетом становятся традиционализм и авторитаризм. Абсолютное доминирование старших участников над младшими характеризует построенные в рамках данной модели образовательные отношения. Однако положение обучающегося в ней носит двойственный характер. С одной стороны, он выступает как объект влияния религиозной идеологии, а значит, должен быть пассивен. С другой же стороны, будучи субъектом многообразной культовой и внекультовой религиозной деятельности, ему необходимо проявлять определённую активность.

Такая двойственность проистекает из противоречивости религиозной трактовки сущности человека. Так, с точки зрения христианства, человек – это и раб Божий, низменное греховное существо, и венец Божьего творения, который Господь создал по своему образу и подобию. Последнее определяет праведность жизни человека в качестве ведущего критерия его ценности для Бога.

Попыткой разрешить такую двойственность стала направленность религиозных учений на преодоление греха как основы сознательной деятельности человека. Это лежит и в основе целеполагания теоцентрической модели образования. Образование, если оно детерминировано религиозными ценностями, может здесь рассматриваться как *процесс достижения человеком праведной жизни*.

Поэтому теоцентрическая модель образования отражает не только авторитарную, но и гуманистическую направленность религии, ориентирует человека на свободу и активность в

¹ Патриарх Кирилл. Проповеди 2009–2010 гг. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. 559 с.

² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины [Электронный ресурс] // Азбука веры [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdienie-istiny/ (дата обращения: 03.01.2019).

³ Франк С. Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 45–55.

рамках признания ценности Бога как высшей ценности. Свобода и активность, будучи процессуальными ценностями [1], в сочетании со специальной деятельностью по формированию и поддержанию доверия к педагогу, на что обращается самое серьёзное внимание в теоцентрической модели образования, стимулируют обучающихся к инициативе в рамках религиозных канонов, укрепляя их веру в собственные силы. Такая зависимая активность [3] является результатом комбинации авторитарной и гуманистической парадигм религии¹.

В настоящее время религиозное мировоззрение включает в себя значительный по объёму спектр идей, которые имеют цель преодоление бездуховности, компенсируя чувства отчуждения человека и ориентируя его на обретение собственной субъектности. Такая цель, трансформируясь в цель и соответствующие ей задачи образовательного процесса, является положительной стороной теоцентрической модели образования. Ещё одним её достоинством является приоритетность нравственного воспитания, ориентированного на проверенные веками и не потерявшие привлекательности сегодня нормы моральной регуляции. Эти нормы доступны для понимания обучающихся всех возрастов и уровней образования, входя во все конструктивные религиозные мировые системы. Такие нормы определяют и содержание обучения, придавая ему характер духовного искания.

Идеи, которые несёт теоцентрическая модель образования, обращают

всех участников образовательных отношений к совершенствованию и самосовершенствованию, ориентируют на добродетельное существование в рамках признания духовных ценностей. В настоящее время данная модель находит своё развитие в неопротестантизме и неотомизме, которые ведущую цель образования видят в воспитании у человека совести и социальной ответственности, что не позволяет ему отойти от праведности в жизни и служения Богу. Такая позиция особенно актуальна сегодня, когда достаточно ясно стали обнаруживать себя отрицательные стороны прагматизма и научно-технического прогресса с их идеей завоевания природы, путём преодоления которых может стать религиозный гуманизм как ценностное основание образования человека.

Однако противоречия между свободой человека и зависимостью его от Бога, активностью личности и пассивным восприятием религиозных норм, разрешение которых требует от педагогов значительной профессиональной подготовленности, а главное – признания человека, наряду с Богом, высшей ценностью своей деятельности, создают значительные проблемы в реализации теоцентрической модели образования.

Социоцентрическая модель образования рассматривает человека в качестве продукта социальной среды, предназначение которого – служить обществу, выступающему в качестве высшей ценности. Исходя из этого образование предназначено для подготовки человека к жизни в социуме, предполагающей исполнение широкого спектра социальных ролей.

¹ Фромм Э. Душа человека. Революция надежды. М.: АСТ, 2016. 352 с.

Социоцентрическую модель образования отличает наличие ясно заданных и дающих возможность их измерить образовательных целей, которые составляют универсальную модель личности, например, модель выпускника образовательной организации того или иного уровня. Образовательные цели, прежде всего, детерминированы общественными потребностями, удовлетворить которые призван человек, обладающий определёнными знаниями и компетенциями, отличающийся законопослушанием и готовностью поставить интересы общества выше личных интересов.

В основе социоцентрической модели образования наравне с теоцентрической лежит в разной степени выраженный социальный заказ системе образования, что определяет некоторый её авторитаризм. Этот социальный заказ формулируется с помощью формальных и неформальных средств различными субъектами. К формальным относятся Государственное законодательство в сфере образования и разнообразные образовательные программы. Содержание, условия получения и результаты образования, отражающие такой социальный заказ, прежде всего, заказ государства, формулируются в соответствующих образовательных стандартах. Неформальными же средствами реализации социального заказа выступают нормы и правила, заданные институтам образования общественной моралью, и отражающиеся в укладе жизни образовательной организации, взаимоотношениях участников образовательных отношений.

Поскольку в данной модели основной акцент сделан на государственную систему образования, то её характер

во многом зависит от особенностей политического режима государства: чем более он авторитарен, тем более авторитарна система образования. Соответственно, чем более демократичен политический режим, тем более демократична и система образования. Таким образом достигается цель подготовки гражданина для жизни в государстве с определённым устройством¹. Фактически образование, построенное в рамках данной модели, призвано сформировать человека, являющегося частью большого социального механизма с преимущественно коллективистской системой ценностей.

В настоящее время социоцентрическая модель образования, которая достаточно последовательно и с успехом реализовывалась в нашей стране на протяжении советской эпохи, пришла в противоречие с реалиями современного постиндустриального общества, в значительной степени ориентированного на индивидуализм. Личность же в социоцентрической модели образования выступает в качестве объекта целенаправленного влияния государства, социальных организаций, отдельных групп. При этом культура, как правило, политизируется и теряет определённые духовные, прежде всего, теоцентрические основания.

Таким образом, социоцентрическая модель образования обладает рядом неоспоримых преимуществ по сравнению с другими моделями:

- предсказуемость результатов образовательного процесса с т. зр. содержания и времени;
- технологичность данной модели, что позволяет её копировать;

¹ Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2018. 320 с.

– способность построить и внедрить систему мониторинга деятельности всех участников образовательных отношений, направленную на быструю коррекцию процесса и результатов учебного процесса.

Вместе с тем авторитаризм, свойственный социоцентрической модели образования, приводит к нивелированию индивидуальных различий не только между обучающимися, но и иными участниками образовательных отношений. Этому способствуют единообразие в содержании, формах и методах образовательного процесса, достаточно жёстких организационных рамках образовательной деятельности, манипулированием поведением обучающегося, который рассматривается в качестве некоего усреднённого объекта педагогического воздействия. Преобладание государственных форм образования, характерное для его социоцентрической модели, позволяет тоталитарным политическим режимам обеспечивать подготовку личности, смысл жизни которой – быть средством достижения целей государства. Поэтому в образовательных технологиях, разрабатываемых для удовлетворения потребностей таких режимов, главный акцент делается на стимулирование и контроль деятельности, её коррекцию путём положительных и отрицательных подкреплений.

Чем государство тоталитарнее, тем сильнее в его образовательной системе доминирует социоцентрическая модель образования. Так в русле этой модели образования идеолог германской национал-социалистической педагогической системы Депп-Форвальд обосновал доктрину «политического приручения» детей и молодёжи в не-

обходимом для нацистской Германии духе.

Таким образом, доминирование единой социоцентрической модели образования на государственном уровне, несмотря на её привлекательность с точки зрения обеспечения реализации принципа непрерывности, чревато достаточным количеством негативных последствий и рисков. При этом использование многих её достижений даёт возможность сделать образовательный процесс результативным и эффективным. Особенно важна ориентация на эту модель образования военно-профессиональных образовательных систем, детских и молодёжных общественных объединений, образования в области спорта, систем, ориентированных на обучение прикладным профессиональным умениям и навыкам и другим образовательным системам, которые естественным образом ориентированы на ценности коллективизма и имеют в качестве главного своего предназначения сохранение и укрепление государственности. При этом следует учитывать специфику воспитания обучающихся в таких системах, для мировоззрения которых характерны ориентация на служение государству и обязательность поддержки обществом каждого человека.

Натурцентрическая модель образования основывается на идее, что индивид рождается с некоторым набором характеристик (способностей, качеств), позволяющих ему развиваться в индивидуальном темпе. Такой темп может быть ускоренным, соответствующим норме и замедленным.

В соответствии с этим образование должно строиться сообразно особен-

ностям обучающихся (его природе). Основной его ценностью признается обучающийся, а если говорить точнее, его индивидуальные особенности. Тогда основная цель образовательного процесса – развитие природных задатков и компенсация врождённых недостатков (проблем) обучающегося. Содержание, формы и методы обучения и воспитания нацелены при этом на следование человеческой природе обучающегося, т. е. они должны быть природосообразны. Особенно важен в образовательном процессе учёт индивидуальных личностных особенностей ученика и его возрастные особенности.

Натуралистическая модель образования исходит из природной предопределённости результатов образования, которые поддаются педагогической коррекции в самой незначительной мере. Таким образом, образование содействует обеспечению каждому человеку определённого социального статуса.

Педагоги, ориентированные на реализацию натурцентрической модели образования, не ищут универсальные содержание, формы и методы обучения и воспитания; они озадачены поиском способов, которые позволяют обучающимся с теми или иными способностями достичь своего «образовательного максимума». По этой причине так важна дифференциация образовательного процесса, учитывающая особенности обучающихся. Ценностнообразность и целесообразность данной модели образования заключается в том, что она обращается не столько к социальной, сколько к биологической сущности человека, его природным особенностям, которые

оказывают существенное влияние на процесс становления и развития личности.

Проведённый нами социально-философский анализ показал, что натурцентрическая модель образования, в отличие от рассмотренных выше теоцентрической и социоцентрической моделей, неоднородна по своим аксиологическим основаниям. В ней следует выделить две группы таких оснований:

1. *Первая группа* аксиологических оснований базируется на признании ценности элиты общества как таковой в качестве высшей ценности при доминанте биологических признаков при определении принадлежности к элитарным слоям. Такое признание предполагает ориентацию на приоритетность развития элиты общества при построении образовательных систем, что предопределяет существенный разрыв в ресурсном обеспечении элитарного и неэлитарного сегментов образования.

2. *Вторая группа* аксиологических оснований натурцентрического подхода базируется на признании ценности каждого человека как высшей ценности. Поэтому главная цель образования заключается в ориентации на максимально возможное развитие обучающегося, исходя из его индивидуальных особенностей. Реализация такой цели предполагает разработку и внедрение концепций и технологий образовательного процесса, позволяющих разным обучающимся достигать максимально возможных для них результатов, особенно детям с ограниченными возможностями. Отсюда следует вывод об отсутствии универсальной образовательной стратегии и необходимости построения образо-

вательного процесса, исходя из принципа дифференциации. Этот принцип определяет необходимость выделения групп обучающихся и использования по отношению к ним наиболее оптимальных с учётом их особенностей методов и форм образования. Такое выделение предусматривает наличие определённых норм развития (возрастных, гендерных и пр.) фиксирующихся в образовательных стандартах. Высшим уровнем дифференциации является реализация индивидуально-образовательного маршрута.

Несмотря на отсутствие универсальной образовательной стратегии, сторонники натурцентрической модели образования, ориентированные на ценность каждого человека, ведущим средством образования определяют личный опыт обучающегося, в процессе получения которого развиваются различные компетенции и приобретаются новые качества. Дж. Дьюи указывал, что цель образования – рост обучающегося как такового, а миссия педагога состоит в создании условий для роста обучающегося путём актуализации его опыта [2].

Анализируя достоинства натурцентрической модели образования, следует признать, что она ориентирует образовательный процесс на учёт особенностей личности обучающегося, несмотря на группу аксиологических оснований, на которые традиционно опираются процессы обучения и воспитания. Наличие такого учёта становится ведущим условием достижения результативности образовательного процесса, поскольку позволяет помочь каждому обучающемуся развить свои способности на максимально возможном уровне.

Основанная на принципе природосообразности образования, данная модель ориентирована на учёт биологической структуры индивида, влияние на процесс становления личности социокультурной среды. Понимание образования как деятельности, способствующей адаптации человека к природе, дало возможность осуществлять экологическое воспитание, рассматривая содержание принципа природосообразности образования не только в контексте соответствия педагогического процесса природе обучающегося, но и в контексте соответствия такого процесса ноосфере.

Однако натурцентрическая модель образования не лишена существенных недостатков. Крайние проявления её реализации приводят к сегрегации, социальной селекции по критериям способностей и уровня образования, к чему тяготеет образовательный процесс, построенный на основании признания ценности элиты общества как таковой. Крайне опасным представляется и другое её аксиологическое основание – возрастная норма, определяющая стандарты развития, зафиксированные в различных образовательных стандартах. Такое основание часто скрывает за собой традиционные представления о некотором «усреднённом» уровне развития обучающегося, порождающем педагогические заблуждения о возможностях конкретного ученика.

Очевидно, что дифференцированный подход к образованию, основанный на ценности человека, способствует развитию инструментария педагогики (содержания, форм и методов обучения и воспитания). Но при этом углубление дифференциации затрудняет овладе-

ние им педагогами и практическое использование многих педагогических инструментов в силу их недостаточной ресурсной обеспеченности. Это в итоге снижает результативность образовательного процесса.

Активный и творческий человек как высшая ценность является аксиологической основой *антропоцентрической модели образования*. Базовой целью образовательного процесса при этом выступает развитие индивидуальности человека на основе процессуальных ценностей его свободы, активности и автономности по отношению к обществу. Признание перечисленных выше ценностей-средств отличают данную модель образования от натурцентрической модели, аксиологической основой которой также является человек.

Ценность свободы предполагает ответственность обучающегося за результативность своего образовательного процесса. Поэтому значение воспитательной его составляющей достаточно скромна, цель воспитания в данной модели образования заключается в формировании у человека понимания собственного несовершенства, осознании своих проблем и создании условий для поиска личностных смыслов образовательной деятельности.

Аксиологические основания антропоцентрической модели образования обнаруживаются ещё в античной философии (софисты, Сократ, Эпикур)¹.

Указанные выше аксиологические основания вступили в противоречие с ценностными основами теоцентрической модели образования, которая стала господствующей в Средневековье. Поэтому обращение к антропоцен-

тризму в образовании вновь произошло лишь в эпоху Возрождения. В противовес христианской философии с её взглядом на человека как априори греховное существо философы эпохи Возрождения признавали его самоценность, проявляющуюся в разуме, активности и свободе. Они наделяли человека качествами, которыми с точки зрения теоцентризма обладал только Бог: свободой, способностью к творчеству, ориентацией на созидание. Человек рассматривался ими как носитель свободной воли, а значит, творец своей судьбы.

Интерес к личности становится характерным для всех областей человеческой деятельности, в том числе и образовательной, что стало предпосылкой развития как натурцентрической, так и антропоцентрической моделей образования.

Таким образом, к сильным сторонам антропоцентрической модели образования следует отнести её гуманистическую направленность, провозглашающую в качестве высшей ценности человека, способного к саморазвитию, практически неограниченному теми или иными внешними и внутренними факторами (индивидуальными особенностями личности, спецификой образовательной среды и пр.). Ещё одно достоинство данной модели образования – ориентация на процессуальные ценности активности и свободы участников образовательных отношений, что позволяет максимально использовать в образовательных целях самые разные возможности.

Однако реализация антропоцентрической модели образования предполагает достаточно сложные педагогические взаимодействия между

¹ Античные философы. Киев, 1955. 314 с.

участниками образовательных отношений, предполагающие недирижабельное влияние педагога на обучающегося, проявляющееся в создании особых обучающих и воспитывающих ситуаций, в ходе которых происходит развитие личности ученика. К ним относятся ситуации успеха или неудовлетворённости самим собой; ситуации, требующие проявления нестандартности действий, творческая деятельность, рефлексия и т. п., что в постоянной педагогической деятельности является достаточно ресурсозатратным, прежде всего, с т. зр. личных ресурсов самого педагога.

Кроме того, в отличие от ранее описанных моделей образования, которые имеют очевидных заказчиков: теоцентрическая модель – церкви и клерикальных слоёв общества; социоцентрическая модель – государства, многочисленных социальных институтов общества; натурцентрическая модель – значительная часть обучающихся и их семей, прежде всего, тех, кто отличается определёнными явно выраженными особенностями (ограниченные возможности здоровья, те или

иные особенности развития личности, в т. ч. определённая одарённость и пр.) и натурцентрично ориентированных педагогов; антропоцентрическая модель образования, кроме антропоцентрично ориентированных педагогов и части семей обучающихся, не имеет обширной поддержки в социуме, рассматривающем антропоцентрические ценности скорее как утопию, нежели руководство к построению образовательного процесса.

Таким образом, каждая из описанных выше моделей образования имеет свою аксиологическую доминанту, которая определяет специфические для конкретной модели цели и результаты образовательного процесса. Следование такой доминанте при её обогащении элементами других моделей обеспечивает развитие образовательного процесса и его непрерывность, которая позволяет удовлетворять трансформирующиеся в процессе жизни образовательные потребности человека.

*Статья поступила
в редакцию 31.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания управления социальной организацией: философский анализ: дис. ... док. филос. наук. М., 2015. 324 с.
2. Дьюи Д. Школа будущего [Электронный ресурс] // Народное образование. 2000. № 8. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/Dewey_Schools_of_Future.htm (дата обращения: 29.12.2018).
3. Корчак Я. Как любить ребёнка [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова [сайт]. URL: http://lib.ru/KIDS/KORCHAK/rebenok.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.04.2018).

REFERENCES

1. Bakuradze A. B. *Aksiologicheskie osnovaniya upravleniya sotsialnoi organizatsiei: filosofskii analiz: dis. ... dok. filos. nauk* [Axiological Foundations of Social Organization: A Philosophical Analysis: D. Thesis in Philosophy]. Moscow, 2015. 324 p.

2. Dewey J. [School of the Future]. In: *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 2000, no. 8. Available at: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/Dewey_Schools_of_Future.htm (accessed: 29.12.20118)
3. Korchak Y. [How to Love a Child]. In: *Biblioteka Maksima Moshkova* [Maxim Moshkov's Library]. Available at: http://lib.ru/KIDS/KORCHAK/rebenok.txt_with-big-pictures.html (accessed: 12.04.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонова Оксана Юрьевна – старший преподаватель Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: oleon@list.ru

AUTHOR INFORMATION

Oksana Y. Leonova – senior lecturer, Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»;
e-mail: oleon@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Леонова О. Ю. Аксиологические модели образования и проблема его непрерывности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-83-94

FOR CITATION

Leonova O. Y. Axiological Models of Education and the Problem of Its Continuity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 83–94.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-83-94

УДК 101.1:316.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-95-103

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Мусиец П. В.

*Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского
Союза Г. К. Жукова
170022, г. Тверь, ул. Жигарева, д. 50, Российская Федерация*

Аннотация. Цель исследования – проанализировать процесс конструирования реальности с точки зрения задействованных в нём субъектов. В работе приведён анализ взглядов исследователей на субъект конструирования реальности, исходя из приоритетной роли коммуникации в данном процессе. По итогам исследования сделан вывод, что процесс конструирования реальности сочетает целерациональную и спонтанно-синергическую детерминации. Значимость работы заключается в обобщении значительного массива теоретического материала по вопросам конструирования социальной реальности с точки зрения субъект-ориентированного подхода.

Ключевые слова: социальный конструкционизм, социальная реальность, социальное конструирование реальности, социальный субъект, субъекты конструирования реальности

TO THE ISSUE OF THE SUBJECT-ORIENTED APPROACH TO SOCIAL REALITY CONSTRUCTION

P. Musiets

*Marshal G. K. Zhukov Military Air-and Space Defense Academy
50, Zhigareva st., Tver, 170022, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the process of constructing reality from the point of view of the subjects involved in it. The article presents an analysis of the views of researchers on the subject of constructing reality, based on the priority role of communication in this process. According to the results of the study, the author concluded that the process of social reality construction combines purposeful-rational causation and spontaneous synergistic causation. The significance of the work lies in summarizing a significant array of theoretical material on the construction of social reality from the point of view of the subject-oriented approach.

Keywords: social constructionism, social reality, social construction of reality, social subject, actors of reality construction

Неклассическая философская парадигма постулирует когерентность (взаимосвязь) социальной реальности с когнитивными диспозициями социального субъекта. Множественность последних детерминирует нелинейность социальной реальности, её централизованность вокруг действующего/познающего субъекта. Представители социального конструкционизма рассматривают социальную реальность как объект постоянного процесса конструирования и в предельно радикальном варианте понимают её как систему конструкторов, порождаемую социальными субъектами в процессе познания и интерсубъективного взаимодействия. В то же время философские исследования сегодня, как правило, не затрагивают проблему субъектов социального конструирования. С одной стороны, внимание философов сосредоточено на социальных субъектах и субъектах коммуникативной деятельности безотносительно к процессу конструирования реальности. С другой – зачастую постулируется «смерть субъекта», либо подчёркивается бессубъектность современного социума на основе констатации пассивности населения, неспособности людей «самостоятельно принимать социально значимые решения, реализовывать их и нести за них ответственность» [8, с. 117]. В первом случае необходимо отметить позицию постпостмодернизма (*after-postmodernism*), характеризующуюся возрождением субъекта и возвратом к проблемам Другого. Здесь, правда, наблюдается неоматериалистический крен, выводящий субъектность «не-человеков» (*non-humans*) из способности вещей наряду с индивидами и группами «создавать разли-

чие». В этом плане, согласно мнению Б. Латура, «чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует» [5, с. 302]. Каждый актер/актант действует на каждого следующего в процессе медиации, а субъект-объектная дихотомия снимается за счёт концептуализации феномена «квази-»: медиацию осуществляют «квазиобъекты, они же квазисубъекты».

Во втором случае следует обратить внимание на различия в трактовках процесса конструирования: феномен бессубъектности возникает лишь при его понимании как активной, нацеленной на конкретный результат деятельности. Однако здесь речь идёт скорее о социальной инженерии, поскольку процессы конструирования реальности не всегда телеологичны и зачастую носят неосознанный, спонтанный характер. Таким образом, целостная теория субъекта конструирования реальности отсутствует, что обуславливает актуальность рассматриваемой проблематики.

Цель нашего исследования – проанализировать процесс конструирования реальности с т. зр. задействованных в нём субъектов. Объектом исследования выступает процесс социального конструирования реальности (СКР), а предметом – субъекты коммуникации как субъекты конструирующей реальность деятельности. Теоретическую основу работы составляют концепции феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц), социального конструкционизма (П. Бергер, Т. Лукман, К. Джерджен, Дж. Сёрль), синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс, Е. Н. Князева и др.), семиотической концепции (Ю. Лотман, И. Шмерлина, И. Касова, Ю. Кондратьева и др.). В

исследовании социальных субъектов мы опирались на взгляды П. Бурдьё, Б. Латура, М. Кагана, В. Лекторского, Э. Сайко, В. Аршинова, Я. Свирского и др.

Социальная реальность в неклассике – «абстрактная модель, отражающая отдельные элементы интерсубъективного жизненного мира и основанная на научной интерпретации типологизаций обыденного сознания» [11, с. 189]. Множество замкнутых областей значений существуют в одном социальном пространстве параллельно, взаимосогласованно, что создаёт эффект ограниченности собственным имманентным когнитивным стилем. Отсюда – множество реальностей, детерминированных интенциональными проектами и замыкающихся в обособленные семантические культурно-социальные области.

Закономерно делается вывод: социальная реальность – суть континуум реальностей различных людей, отличающихся подходами к интерпретации действительности, но сохраняющих объективную фактичность в силу совместного признания их объективности членами данного общества. Действия отдельных людей в данном случае оказываются производными от восприятия и оценки социальной ситуации, и сами включены в социальную реальность, которая, в свою очередь, становится сферой конструирования под воздействием ранее принятых установок.

СКР осуществляется в ходе взаимодействия социальных субъектов в определённых территориальных и культурно-исторических рамках. Реальность предстаёт как продукт двойного структурирования: с объек-

тивной (поскольку свойства, атрибутированные институциям или агентам, сочетаются с очень неравной вероятностью) и с субъективной стороны (в силу того, что схемы восприятия и оценивания выражают состояние отношений с символической властью). Подобный подход характерен для феноменологии, рассматривающей мир социального как континуум социальных феноменов, формирующийся и упорядочивающийся при помощи взаимосогласованных типических представлений людей о нём. Отказываясь от субстанциональности общественной жизни, феноменологи отрицают наличие заранее заданного неизменного основания социальной реальности. Она возникает в результате совместной жизнедеятельности людей как межиндивидуальная реальность, в которой наличествует сеть обменов, зависимостей, взаимосвязей. Она предстаёт «специфической общественной средой, или тканью, соединяющей людей друг с другом» [12, с. 43]. Каждый действующий субъект вычленяет в составе и конструкции социальной реальности собственные смыслы, которые становятся основаниями его действий. Преобразование социальной реальности в этом плане – всегда трансформация содержания смыслообразующих понятий.

П. Бурдьё, подчёркивая значимость субъектности для процесса СКР, отмечает: «реальность формируется из различий социальных позиций агентов, конструирующих его. Конструирование социального пространства происходит за счёт воли и социальных действий, входящих в него агентов, за счёт соединения «полей» [1, с. 49]. Отечественные исследова-

тели В. И. Аршинов и В. Е. Лепский также указывают на значимость субъект-ориентированного подхода, утверждая, что «реальность – это форма представления бытия субъектом» [6, с. 104], выработанная посредством перманентной индивидуальной рефлексии над окружающим миром, самим собой и другими социальными субъектами и интерпретации действительности в коннотациях собственных смыслов.

С точки зрения конструкционизма, историческая изменчивость социальной реальности прежде всего обусловлена её семантическим и символическим характером в рамках конкретного культурно-исторического контекста. В качестве средств и способов символического взаимообмена выступает коммуникация, в процессе которой вырабатываются локальные, относительно устойчивые, но культурно и исторически подвижные «формы понимания мира» – описания и объяснения социальной практики, выступающие её конституирующими элементами. В таком случае СКР осуществляется простым проговариванием/непроговариванием отдельных тезисов, стереотипов, алгоритмов вне зависимости от степени веры в них коммуникантов.

Реальность, с т. зр. конструкционизма, детерминирована дискурсивной активностью: участие в отношениях как необходимый элемент осознания мира и самого себя с неизбежностью привносит неопределённость, преодолеваемую в процессе созидания новых языков самопонимания. Язык в конструкционистской парадигме – не репрезентация реальности, а сама реальность – овеществлённые (объективированные, субстанционали-

зированные, гипостазированные) отношения. Он выражает «наше относительное положение, нашу позицию в отношениях, и в то же время устанавливает их, помогает им осуществиться в виде смысла, в виде системы значений» [4, с. 15]. При этом исходное противопоставление «я» и «ты» элиминируется за счёт рождения «мы-отношения» – некой единой субъективности, продукта наших отношений. Отсюда дескрипция реальности, формулируемая этой субъективностью, не может быть приписана себе или Другому, а есть только совместное её конструирование, существующее лишь в рамках некоторого «мы» и распадающееся с его разрушением.

Перманентная отнесённость к Другому задаёт изоморфность социальной структуре знака, символа. Бытийная структура социальности всегда осмысленна, имеет семиотическую природу, которая выступает как «базовый механизм социокультурной динамики, обеспечивающий саму возможность формирования социокультурных связей, управления совместной деятельностью людей и трансляции социального опыта» [7, с. 156]. Знак эксплицирует обобщение определённой жизненно важной информации, и восприятие субъектами процессов, объектов и ситуаций, несущих эту информацию, преломляется сквозь семиотическую призму. Тогда социальная реальность – символическое пространство, характеризующееся приматом значений для субъекта тех или иных объектов, отношений, действий. Символические значения детерминируют взаимодействие членов общества и выражают общественную сущность человека, его способность

руководствоваться социально-значимыми интересами и ценностями.

Выступая в качестве основания процесса СКР, коммуникация осуществляется различными субъектами на разных уровнях их взаимодействия. В соответствии с этим субъекты коммуникации могут быть эксплицированы как субъекты конструирующей реальность деятельности. Рассматривая основные субъекты современной коммуникативной деятельности [10], можно заключить следующее:

1. Коммуникация, в ходе которой осуществляется социально-конструирующее взаимодействие, может происходить как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. В первом случае реальность конструируется как некая целостность – совокупность различных видов реальности в индивидуальном преломлении, интересубъективное пересечение подобного рода реальностей придаёт данной целостности объективный фактический характер и позволяет различным индивидам эффективно взаимодействовать на основе принципа единства мира. Второй уровень конструирования охватывает именно социальную реальность и предполагает более или менее значительную трансформацию наличного социального порядка в связи с привнесением новых идей, взглядов, способов деятельности и т. п. Субъекты СКР могут быть разделены на индивидуальные и коллективные (социальные, групповые). В свою очередь, можно говорить о разделении последних по их величине и всеобщности (всеохватности) на групповые (конкретные малые группы, в которых участвует индивид, или которые являются для него референтными), социальные (большие

группы: классы, страты, социальные слои, нации, этнические, религиозные, профессиональные общности и проч.), а также социетальные (человечество в целом, культура как объективированный субъект согласно М. С. Кагану [2, с. 116]).

2. Классическое разделение основных сфер жизни общества на экономическую, политическую, социальную и духовную позволяет классифицировать субъектов коммуникации в соответствии с указанными сферами. Например, в экономической сфере на первый план выходит бизнес-коммуникация, в рамках которой субъекты подразделяются по уровням их взаимодействия (равноправные бизнес-партнёры, субъекты горизонтальных и вертикальных, формальных и неформальных коммуникативных структур в рамках организации). Ст. зр. социальной и духовной сфер, субъектами могут выступать различные социальные институты и организации, СМИ, интернет-сообщества, отдельные личности (представители науки, культуры, тех или иных социальных слоёв населения). Информационное поле политической сферы включает в себя таких акторов, как: государственные (пресс-секретариаты, службы и отделы связей с общественностью тех или иных ведомств и т. п.), корпоративные (информационные отделы политических движений, партий и т. д.) и специализированные (рекламные и консалтинговые фирмы) информационные структуры; СМИ в их политическом предназначении; рекламодатели, спонсоры, медиамагнаты; террористические и др. организации, не признанные легально; отличающиеся по степени включённости в поли-

тическую жизнь сегменты социума: «публика» (граждане, постоянно взаимодействующие с властью); «общественность» (граждане, осуществляющие контакты с властью лишь в кризисные периоды), и «общество» (граждане, практически не контактирующие с властью). В то же время современные исследователи отмечают: в силу распространения процессов глобализации и всеобщей взаимосвязи зачастую оказывается сложным отделение сфер и соответствующих им субъектов друг от друга. На первое место выходят «постнеклассические полисубъекты» – «иерархически-сетевые трансдисциплинарные сообщества» [9], включающие представителей различных видов деятельности и выступающие транскомуникативное и практическое взаимодействие как некий «социальный микрокосм», выступающий от лица общества в целом.

3. Подразделение коммуникации по критерию субъекта на внутриличностную (аутокоммуникацию), межличностную, межролевою, межгрупповую, массовую и межкультурную (межэтническую) также позволяет вычлени ряд специфических социальных субъектов, задействованных в процессе конструирования реальности: «Я», личность, социальная роль, малая группа, коллектив, СМИ и их аудитория, этносы, нации и др. Каждая из указанных категорий имеет свои существенные особенности, оказывающие непосредственное и/или опосредованное воздействие на процесс осуществления ими конструкционистской деятельности, а в итоге – на общий вектор и результат данного процесса.

Всё многообразие субъектов коммуникации/социального конструи-

рования реальности, отличаясь определённым своеобразием, не может действовать одновременно в едином направлении. Менталитет, мировоззрение, ценности, личные и групповые интересы, настроения и сиюминутные порывы, иррациональные импульсы и бессознательные побуждения социальных субъектов – всё это и многое другое детерминирует непредсказуемость итогов интересубъективных взаимодействий. Кроме того, осуществляя коммуникативную деятельность в русле достижения собственных целей, субъекты СКР не всегда осознают, какой эффект оказывают их действия на других членов общества и целые социальные слои и структуры. Зачастую при этом данный эффект носит кумулятивный характер, проявляясь не сразу, а по прошествии некоторого времени в результате наложения разнонаправленных взаимодействий различных социальных акторов. Свобода субъекта конструирования реальности ограничена, поскольку, во-первых, не всё может быть подвержено конструированию и целенаправленной трансформации, творческая деятельность должна ориентироваться на естественные ограничения, во-вторых, различные, иногда противоположно направленные, тенденции в деятельности социальных субъектов также накладывают взаимные ограничения. В силу этого основная роль субъекта СКР – резонансное (топологически правильно организованное) воздействие на систему.

Привлечение социосинергетического подхода к рассмотрению конструирования социальной реальности позволяет заключить, что полисубъектное взаимодействие инспирирует

системную основу социальности, выступающей в качестве открытой системы. Значительное разнообразие коммуницирующих субъектов из разных сфер и уровней общественной жизни, взаимное пересечение их разнонаправленных действий и устремлений, влечёт за собой отсутствие единого социального субъекта, ответственного за СКР. Последнее сочетает в себе как целерациональную, так и спонтанно-синергическую детерминацию. Взаимное влияние различных субъектов создаёт на пересечении точки бифуркации, порождающие новый социальный порядок. Сам субъект также приобретает процессуально-нелинейный, рекурсивный характер: «конструирование оказывается ... непрерывающимся процессом, который из настоящего отсылает в прошлое и будущее и включает в себя оба эти модуса времени ... конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность, этот процесс придаёт действительности вид неразрывного и когерентного целого» [3].

Таким образом, СКР – процесс, посредством которого люди в ходе социального взаимодействия творчески формируют реальность. Историческая изменчивость социальной реальности в рамках конкретного культурно-исторического контекста детерминирована символическим и семантическим характером взаимообмена, основу которого составляет коммуникация. Субъекты коммуникативной деятельности, понимаемые как субъекты процесса СКР, чрезвычайно многообразны, что обуславливает разновекторность их активности и кумулятивный характер итогов последней. Поэтому социальная реальность предстаёт как полигlossное, эквивокальное, интерсубъективное образование, получающее статус объективной фактичности в силу взаимного пересечения смыслов и значений в коммуникативной деятельности различных социальных субъектов.

*Статья поступила
в редакцию 29.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., М., 2017. 288 с.
2. Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
3. Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм [Электронный ресурс] // Философия науки и техники. 2006. Вып. 12. URL: <https://iphras.ru/page50344579.htm> (дата обращения: 22.10.2019).
4. Корбут А. Кеннет Джерджен: логика воображаемого // Джерджен К. Д. Социальный конструкционизм: знание и практика. Мн.: БГУ, 2003. С. 3–22.
5. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014. 384 с.
6. Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.
7. Лукьянова Н. А. Семиотическая сборка субъекта в социальном конструировании // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. Вып. 1/2. С. 155–167.
8. Митрошенков О. А. Социальное конструирование: проблема субъекта // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17. № 1-2 (85-86). С. 116–124.

9. Моисеев В. И. Феномен транснауки: трансдисциплинарные измерения научного знания // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 160–178.
10. Мусиц П. В. Субъекты современной коммуникативной деятельности // Вестник Тверского технического университета. 2006. Вып. 9. С. 61–66.
11. Отрешко Н. Б. Определение концепта «социальная реальность» в социальной науке и социальной теории: от моно- к метадисциплинарному подходу // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. Вып. 1 (2). С. 176–191.
12. Сергеева Э. А. Социальное взаимодействие как основа построения социальной реальности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 40–43.

REFERENCES

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. St. Petersburg, Moscow, 2017. 288 p.
2. Kagan M. S. *Mir obshcheniya: Problema mezhsobektnykh otnoshenii* [The World of Communication: the Issue of Inter-Subject Relations]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 319 p.
3. Knyazeva E. N. [Epistemological Constructivism]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2006, issue 12. Available at: <https://iphras.ru/page50344579.htm> (accessed: 22.10.2019).
4. Korbut A. [Kenneth Gergen: the Logic of Imaginary]. In: Gergen K. D. *Sotsialnyi konstruksionizm: znanie i praktika* [Social Constructionism: Knowledge and Practice]. Minsk, Belorussian State University Publ., 2003. P. 3–22.
5. Latour B. *Peresborka sotsialnogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Rebuilding the Social: Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.
6. Lepsky V. E. *Metodologicheskii i filosofskii analiz razvitiya problematiki upravleniya* [Methodological and Philosophical Analysis of Management Issues Development]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2019. 340 p.
7. Lukyanova N. A. [Semiotic Assembly of subject in social construction]. In: *Voprosy sotsialnoi teorii* [The Issues of Social Theory], 2015, vol. 7, issue 1/2, pp. 155–167.
8. Mitroshenkov O. A. [Social construction: the problem of the subject]. In: *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2015, vol. 17, no. 1-2 (85-86), pp. 116–124.
9. Moiseyev V. I. [The phenomenon trans-science: transdisciplinary dimension of scientific knowledge]. In: Bajanov V., Sholts R. V., ed. *Transdistsiplinarnost v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Prospects]. Moscow, Navigator Publ., 2015. P. 160–178.
10. Musiets P. V. [The subjects of modern communication activities]. In: *Vestnik Tverskogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tver Technical University], 2006, issue 9, pp. 61–66.
11. Otreshko N. B. [The definition of the concept «social reality» in social science and social theory: from mono to meta-disciplinary approach]. In: *Voprosy sotsialnoi teorii* [Issues of Social Theory], 2008, vol. 2, no. 1 (2), pp. 176–191.
12. Sergeyeva E. A. [Social Interaction as a Basis for Constructing Social Reality: Socio-Philosophical Analysis]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no. 5, pp. 40–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мусиец Полина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова»;
e-mail: musietspv@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina V. Musiets – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Marshal G. K. Zhukov Military Air-and Space Defense Academy;
e-mail: musietspv@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Мусиец П. В. К вопросу о субъект-ориентированном подходе к конструированию социальной реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 95–103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-95-103

FOR CITATION

Musiets P. V. To the Issue of the Subject-Oriented Approach to Social Reality Construction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 95–103.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-95-103

УДК 130.12:130.123.3+304.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-104-112

ИНФОРМАЦИОННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ СУЩНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Некрасов А. С.

Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является обоснование природы творчества как информационно-энергетического явления, сущностью которого выступает её духовно-деятельностная составляющая, а также на основе определения субъекта и объекта творчества рассмотрение механизма творческого процесса. Методологией исследования выступает системный, аксиоматический и энергетический подходы к анализу процессов творчества для определения природы и сущности этого феномена. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что существует целый ряд подходов к осмыслению сущности творчества, но самым обоснованным является синергетический, рассматривающий творчество как одну из форм обновления материи, а также энергетический, который позволяет рассматривать творчество как результат постоянного обмена энергией, веществом и информацией, т. к. психика человека энергетична по своей природе, а деятельность человека – это результат обработки информации, которая становится мотивом и побудителем к деятельности и поведению человека. Психика накапливает и производит психическую энергию для переработки информации, обеспечивая «топливом» деятельность сознания (интеллекта). На этом основании творчество по своей природе – это форма расходования энергетического запаса человека, результат которого даёт прирост и развитие душевно-духовного мира человека. Творчество – это процесс перехода небытия в бытие, которое осуществляется в разных формах, но лидирует духовное и деятельностное бытие. Духовность и творчество дополняют друг друга. И творчество по своей сущности это духовно-деятельностное явление. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в обосновании энерго-информационной природы и духовно-деятельностной сущности творчества, что является самостоятельным выводом автора, который может стать основой теории творчества.

Ключевые слова: феномен творчества, синергетика, энергия, информация, природа творчества, сущность человека, сущность творчества, уровни духовности, трансценденция

INFORMATIVELY ENERGETIC AND SPIRITUALLY ACTIVE NATURE OF CREATIVITY

A. Nekrasov

Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»

9, b. 9, Obratsova st., Moscow, 127994, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the nature of creativity as an informational and energetic phenomenon, the essence of which is its spiritual and activity component, and also, based on the definition of the subject and object of creativity, to consider the mechanism of the creative process. The research methodology includes the systemic, axiomatic and energy approaches to the analysis of the creative process to determine the nature and essence of this phenomenon. The analysis allows the author to conclude that there are a number of approaches to understanding the essence of creativity, but the most justified are the synergetic, considering creativity as one of the forms of matter renewal, and energetic, viewing creativity as a result of constant exchange of energy, matter and information, as human psyche is energetic in nature and human activity results in information processing, which becomes a motive and motivator for human activity and behavior. The psyche accumulates and produces psychic energy for processing information, providing «fuel» for the activity of consciousness (intelligence). On this basis, creativity by its nature is a form of spending a person's supply of energy, the result of which increases and develops the spiritual world of an individual. Creativity is a process of transition of non-being into being, which takes place in various forms, but leads to a spiritual and active being. Spirituality and creativity complement each other. And creativity in its essence is a spiritual-activity phenomenon. The theoretical and practical significance of the article lies in the substantiation of the energy-informational nature and the spiritual-active essence of creativity, which is an independent conclusion of the author and can become the basis for the theory of creativity.

Keywords: the phenomenon of creativity, synergetics, energy, information, the nature of creativity, the essence of man, the essence of creativity, levels of spirituality, transcendence

В истории философии можно выделить два основных подхода к определению феномена творчества – сакрально-религиозный и реалистический, в основе которых лежит выбор определённого субъекта и объекта творчества и механизма творческого процесса. Для первого подхода характерно представление в качестве субъекта творчества Бога или мистической силы, а механизмом является дух как творческая сила; для второго подхода характерно представление о творчестве как способности, присущей и природе, и человеку, направленной на создание материального и идеального мира, благодаря наличию мышления и психологических особенностей человека.

В широком значении творчество можно рассматривать как механизм развития от небытия к бытию, в узком

значении – как результат взаимоотношений человека с миром по созданию новых материальных и духовных ценностей на основе изменений в духовном мире человека.

В наше время формируются новые перспективы в исследовании этого феномена на основе синергетики, изучающей саморегулирование открытых нелинейных систем, которые обмениваются энергией, веществом и информацией с окружающей средой. Поэтому эти системы непостоянны, неравновесны, т. к. подсистемы, из которых они состоят, постоянно меняются (флуктуируют) и в определённый момент они ведут к всесторонним преобразованиям всей системы (они происходят в точках бифуркации), когда спонтанно возникает порядок из хаоса.

На этой основе некоторые исследователи рассматривают феномен творчества как одну из форм обновления материи (появление её новых модификаций, которые проявляются как нестационарные (неравновесные), непостоянные системы) в живой – как эволюционные изменения, а в обществе – как творческие.

Многие исследователи, применяя синергетику, связывают хаос с творческой активностью. Так, Эдвард дэ Боно, противопоставляя шаблонное и нешаблонное (творческое) мышление, писал: «шаблонному мышлению прямо пропорциональны безграничные потенции хаоса нешаблонного мышления»¹, ибо хаос подвергается случайным воздействиям и богат на любые изменения в отличие от порядка, в котором превалирует ограниченное количество вариантов развития, т. к. он подчинён закономерности.

Так, П. В. Симонов утверждал, что порядок (постоянство) нельзя считать источником творческого акта, а хаос рождает предпосылку к творчеству [11].

Другим важным направлением в исследовании проблем творчества является концепция, согласно которой бытие мира – это постоянный обмен энергией, веществом и информацией, а творчество – это результат данного обмена. Отсюда, творчество по своей природе энергетически-информационное явление, т. к. психика человека энергетична по своей природе, а деятельность человека – это результат обработки информации, которая ста-

новится мотивом деятельности и поведения человека [1; 5; 6; 8]. Так, З. Фрейд рассматривал активность как биологическую, природную силу, источником которой являются инстинкты, на которые общество накладывает «цензуру», вследствие чего вытесняются в сферу подсознания, но и здесь сохраняется энергетический потенциал, который управляет духовной жизнью человека и его поведением².

Последователи З. Фрейда – неофрейдисты (Э. Фромм, К. Хорни и др.) к идеям учителя прибавили влияние социальной среды, рассматривая её как источник творческой активности человека.

Энергетический подход в трактовке феномена творчества сформировался ещё в начале XX в. Так, Ч. Спирмен утверждал, что в основе талантливости лежит «умственная энергия», отличающая одного человека от другого [10]. А российский психиатр А. Ф. Лазурский писал, что талант человека зависит от потенциального запаса нервно-психической энергии человека (психической активности) [7].

Существенный вклад в «антропологический поворот» [4, с. 159] внесла отечественная философская мысль. Так, религиозно-философская трактовка феномена творчества раскрывала его содержание как синергийного процесса, в котором присутствует свобода воли: «человек здесь представлен не как «раб Божий», покорный исполнитель божественной воли, но как свободный соучастник божественного творчества» [2, с. 276]. Свобода воли как основа творческого процесса ин-

¹ Де Боно Э. Курсы развития мышления. М.: Попурри, 2017. С. 77.

² Фрейд З. Малое собрание сочинений. СПб, 2015. 603 с.

терпретировалась как «самовластие» [3, с. 117], как условие духовно-творческого развития.

Представители энергетической трактовки человека утверждали, что человек – это и источник, и потребитель энергии, т. е. своеобразный её «аккумулятор», а существование человека в мире представляет собой постоянный обмен как вещества и психической энергии, так и информацией. Жизнь – это природная закономерность. Человек, будучи существом природным, подчиняется этой закономерности.

Так, наследуемая внутренняя энергия организма (биологическая природа), накапливаясь в процессе жизнедеятельности, становится топливом (материальной энергией), которую человек получает из пищи, воды и воздуха. Эта энергия тела – биопотенциал (биоэнергетический потенциал человека), на основе которого энергия психики и сознания человека перерабатывает информацию и внешнюю энергию, поступающие извне, и обеспечивают активное и творческое отношение человека к миру. Эти два процесса являются элементами структуры человеческой активности, выступая двумя видами потенциалов человека – психоэнергетического (помогает ему перерабатывать информацию) и интеллектуально-информационного (обеспечивает психической энергией механизмы его активности). Эти потенциалы имеют как верхние, так и нижние пределы (выход за них приводит к разным нарушениям и даже может угрожать жизни).

Кроме них существует ещё и побудительно-мотивационный потенциал, который аккумулирует всю энергию

тела, психики и сознания человека, а также ту, которая идёт от внешних источников [1, с. 29].

Таким образом, человек в своей жизнедеятельности пользуется как внутренней, так и внешней врождённой и приобретённой физической, психической и интеллектуальной энергией и информацией. Энергия является источником деятельности человека (тело, поглощая физическую энергию, обеспечивает жизнедеятельность человека, психика накапливает и производит психическую энергию для переработки информации, обеспечивая «топливом» деятельность интеллекта или сознания). А сознание помогает субъекту мышления отбирать, концентрировать, увеличивать объём информации и энергии в нужном направлении деятельности. Иначе, сознание, перерабатывая физическую и психическую энергию, превращает её в интеллектуальную информацию.

На основе энергетического мировоззрения, присущего разным эзотерическим учениям Востока и Запада, мир рассматривается как совокупность энергий различных уровней. Отсюда, материальный мир – это самая грубая форма энергии, а дух – как более «уплотнённый» вид энергии (например, «Агни-Йога», разработанная супругами Рерихами).

Эти взгляды не противоречат основным положениям европейской науки, отстаивающей идеи об иерархическом устройстве мира.

Расходование энергии осуществляется в процессе деятельности. Творчество – это тоже форма расходования энергетических запасов человека, результат которого даёт прирост и развитие душевно-духовному миру человека.

Творчество представляет собой процесс приращения и перехода небытия в бытие (на основе его энергетических затрат). Поэтому его можно рассматривать как взаимодействие трёх составляющих: переход небытия и бытия; соотношение старого и нового содержания в творческом процессе; энергия самого человека, направленная к объекту творчества.

Для понимания сущности творчества необходимо обратиться к сущности человека. Сегодня можно констатировать наличие пяти вариантов определения сущности человека: биологизаторский подход, психологические концепции, социологизаторские теории, духовно-религиозные интерпретации и определение сущности человека как космического существа. Кроме того, при рассмотрении сущности человека выбирают разные творческие её составляющие – разум, способность к общению, субстанциональные её проявления. В результате сущность человека предстаёт в виде определённого набора качеств (или наследуемых, или сформированных в процессе жизнедеятельности). Таким образом, сущность человека до настоящего времени однозначно не определена, т. к. человек, будучи существом многомерным является носителем двух миров – субъективного и объективного, внутреннего и внешнего.

Его тело, биологические и физиологические качества – это часть природы, но, будучи членом общества, он является носителем социальных качеств, которые сформировал в процессе своей жизнедеятельности.

В нашем понимании наиболее близко к выявлению сущности человека подошёл Л. Фейербах, который утверждал,

что конкретный человек не является носителем человеческой сущности. Эту сущность он формирует только в процессе своего общения с другими людьми. По мысли Л. Фейербаха, только целостный и чувственный человек может проникнуться бытием другого человека. Его душевные силы и порождают сущность человека, ибо «человеческая сущность налицо только в человеческом общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты»¹. Таким образом, человек становится человеком, т. е. обретает свою сущность, в процессе со-бытия: способ существования среди людей создаёт первоначальное основание, из которого рождается собственное самобытие человека.

Бытие человека осуществляется в разных формах, но лидирует духовное и деятельное бытие. В работе «Духовность: сущность и проявление» [9] рассматриваются уровни развития индивида. Авторы доказывают, что рождаясь человеком и пройдя этап формирования самосознания, возможно достигнуть уровня духовного бытия и становления личности. Уровень повседневного бытия представляет собой бессознательное эмпирическое его существования, где сознание обслуживает его телесное Я (здесь индивид ещё не личность). Следующий уровень – рефлексивный, где постепенно формируется его самосознание и способность сосредотачиваться на самом себе, и сознание приобретает способность представлять себя как

¹ Фейербах Л. Сущность христианства. Основы философии будущего. Рига: Звайгзне, 1983. С. 203.

посторонний объект. Если на первом уровне человек ещё не является субъектом своих мыслей и действий, то на втором – уже начинает формироваться субъективность, т. е. способность оценивать самого себя, и его сознание ещё не нацелено на самосовершенствование, а уже на следующем (духовном) уровне человек способен направлять свою деятельность на реализацию поставленной собой цели, и, осознавая конечность своей жизни, он начинает осуществлять своё духовное бытие и становится личностью [9].

Таким образом, эмпирический уровень – это уровень личностного бытия, а рефлексивный уровень – уровень становления личности, а третий уровень – уровень духовного бытия, когда он становится личностью и бытийствует в качестве духовной субстанции.

На духовном уровне бытия начинают взаимодействовать все ценностно-смысловые структуры личности и возникает её способность создавать трансцендентные образы на основе причинных связей. Это помогает ей выходить за свои внутренние пределы, определяя своё существование. Так личность сама творит своё духовное бытие, находясь постоянно в процессе самотворения.

Подняться до уровня духовного бытия могут многие люди, ибо он потенциально заложен в каждом человеке. Но духовно жить могут немногие. Личностью становятся только те индивиды, которые свои врождённые качества раскрывают в процессе своей жизнедеятельности, придавая явлениям и событиям ценностный смысл и значение, превращая их в своё духовное трансцендирующее бытие. Только

личность является причиной самой себя, выступает как субстанция и обладает независимым духовным бытием, целостностью, целенаправленностью и самоорганизованностью.

Личностью становится только тот человек, который способен подняться до духовного бытия, достигнув которое он становится духовной субстанцией. Личность – это устойчивое сущностное ядро духовной субстанции, порождающее систему экзистенциальных переживаний и самооценок, в процесс самотворения и творчества. А духовность – это особое качество личности, основанное на её трансцендирующей способности, которая осмысливая, бескорыстно оценивая и чувственно переживая, способна создавать свой внутренний мир и получать информацию, которую она сама на основе общечеловеческих нравственных ценностей направляет на достижение истины, добра и красоты.

Таким образом, бытие личности выражается в духе, который представляет собой её субъективное поле человека во всём его многообразии.

Если сначала человеческая субъективность представлена только в потенциале, то в процессе жизнедеятельности человека из заложенной возможности она реализуется в его внутреннем духовном мире. Поэтому дух можно рассматривать как способность личностного сознания целенаправленно стремиться к самосовершенствованию.

Человеческим существованием управляет душа человека, которая руководит всеми духовными процессами и, будучи сопричастна ко всему, направляет глубоко истинные и неприкосновенные переживания в нужное

русло. Душа непокорна никакому принуждению, она по своему желанию приказывает себе и сама выполняет свои приказы. Душа гармонично соединяет тело и дух в человеке, представляя собой особое интегральное качество человеческого бытия, которое охраняя суверенность его внутреннего мира, создаёт неповторимое духовное Я, т. е. обеспечивает монадность индивида, давая оценку всем явлениям внешнего и внутреннего мира в форме эмоционально-чувственных переживаний. Поэтому Августин о сущности души говорил: оживляя тело, она называется душой, а проявляя желания – волей.

Если духовность делает акцент на осмысленность и ценностную ориентированность человека, то душа – на чувственность его переживаний. Поэтому душу можно определить как чувственность человека, как уникальность Я в человеке, которое управляет его решениями.

Духовность и душа пересекаются, но они не тождественны и дополняют друг друга. Но если вектор духовности направлен от конечного в бесконечное,

то творчество реализуется в движении от виртуальных глубин субъективного бытия к деятельно-практической сфере. Без духовности не было бы условий для творчества, а без механизма творчества не было бы связи между духовностью и культурой.

Таким образом, по своей сущности творчество в его человеческом измерении шире, чем деятельность, это родовой признак и родовая сущность человека, форма его бытия, которое охватывает как духовные, так и деятельные проявления в их единстве и взаимосвязи.

Творчество и деятельность взаимосвязаны: не существует бездеятельного творчества, а творчество – это всегда проявление человеческой активности, которая реализуется в определённом результате.

Таким образом, творчество по своей природе энергетически-информационно, а по своей сущности – это духовно-деятельностный феномен.

*Статья поступила
в редакцию 02.09.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов И., Клименко В. О природе таланта. О мальчике, который умел летать, или путь к свободе. Т. 1. Концепция. М, 1994. 224 с.
2. Бондарева Я. В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 322 с.
3. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Проблема человека в русской духовной культуре XII–XVII веков: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 112–127.
4. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159–171.
5. Калинаускас И. Н. Будь с характером. Соционика. СПб.: Вектор, 2014. 220 с.
6. Калинаускас И. Жить надо! СПб.: Медуза, 1994. 372 с.
7. Лазурский А. Ф. Теория личности: 100 лет забвения и развития. СПб.: Невский Архетип, 2017. 489 с.

8. Лень А. Поводырь. Краснодар, 2008. 1536 с.
9. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Духовность: сущность и проявление. М.: Полиграф-сервис, 2014. 139 с.
10. Савенков А. И. Психология детской одарённости. М.: Генезис, 2016. 442 с.
11. Симонов П. В. Мозг и творчество // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 3–24.

REFERENCES

1. Akimov I., Klimenko V. *O prirode talanta. O malchike, kotoryi umel letat, ili put k svobode. T. 1. Kontsepsiya* [On the nature of talent. About a Boy who Could Fly or the Path to Freedom. Vol. 1. The Concept]. Moscow, 1994. 224 p.
2. Bondareva Y. V. *Metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz* [Methodological Basis of Russian Religious Philosophy: Historical-Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 322 p.
3. Bondareva Y. V., Ustinov O. A. [The problem of man in the Russian spiritual culture of the 12–17th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 3, pp. 112–127.
4. Bondareva Y. V., Ustinov O. A. [Religious and philosophical anthropological paradigm in Russian philosophy of 19th and early 20th century: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 159–171.
5. Kalinauskas I. N. *Bud s kharakterom. Sotsionika* [Be a character. Socionics]. St. Petersburg, Vektor Publ., 2014. 220 p.
6. Kalinauskas I. *Zhit nado!* [One Must Live!]. St. Petersburg, Meduza Publ., 1994. 372 p.
7. Lazursky A. F. *Teoriya lichnosti: 100 let zabveniya i razvitiya* [The Theory of Personality: 100 Years of Neglect and Development]. St. Petersburg, Nevsky Archetype Publ., 2017. 489 p.
8. Len A. *Povodyr* [A Guide]. Kuban, 2008. 1536 p.
9. Nekrasova N. A., Nekrasov S. I. *Dukhovnost: sushchnost i proyavlenie* [Spirituality: Nature and Manifestation]. Moscow, Poligraf-servis Publ., 2014. 139 p.
10. Savenkov A. I. *Psikhologiya detskoj odarennosti* [Psychology of Children's Giftedness]. Moscow, Genezis Publ., 2016. 442 p.
11. Simonov P. V. [Brain and Creativity]. In: *Voprosy filosofii* [The Study in Russian Philosophy], 1992, no. 11, pp. 3–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасов Андрей Сергеевич – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Российского университета транспорта (МИИТ); e-mail: andrnek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Nekrasov – PhD in Education, senior lecturer at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»; e-mail: andrnek@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Некрасов А. С. Информационно-энергетическая и духовно-деятельностная сущность творчества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 104–112.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-104-112

FOR CITATION

Nekrasov A. S. Informatively Energetic and Spiritually Active Nature of Creativity. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 104–112.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-104-112

УДК 304.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Самаке К.*Университет социальных наук и менеджмента**Мали, г. Бамако, Коуликоро, Республика Мали*

Аннотация. В материале анализируется процесс перехода от информационного общества к обществу, основанному на знании, характерному для сегодняшнего развития социума. Автор делает вывод, что в настоящее время происходит смена приоритетов в целеполагании, при которой технико-технологическая составляющая становится силой, способной определять цели для социальных систем и элит общества. Это вносит изменения в аксиологические основания бытия научного сообщества, системы высшего образования; взаимодействия между гуманитарной и технической сферами; целеполагания в фундаментальных и прикладных исследованиях. В данных контекстах автором анализируется процесс коммерциализации науки и образования, который носит объективный характер в условиях становления когнитивного капитализма.

Ключевые слова: знание, информация, общество знания, постиндустриальное общество, информационное общество, когнитивный капитализм, технократическая культура, управление знаниями, коммерциализация науки и образования

TRANSFORMATION OF SOCIAL SYSTEMS UNDER THE CONDITIONS OF KNOWLEDGE SOCIETY FORMATION

K. Samake*Bamako University of Social Sciences and Management**Mali, Bamako, Koulikoro, Republic of Mali*

Abstract. The article analyzes the process of transition from an information society to a society based on knowledge, characteristic of today's development of society. In this regard, the author concludes that currently there is a change of priorities in goal-setting, in which the technical and technological component becomes a force capable of determining goals for social systems and elites of society. This changes the axiological foundations of the existence of the scientific community, the system of higher education, the interaction between the humanitarian and technical spheres; goal setting in fundamental and applied research. In these contexts, the author analyzes the process of commercialization of science and education, which is objective in terms of the formation of cognitive capitalism.

Keywords: knowledge, information, knowledge society, post-industrial society, information society, cognitive capitalism, technocratic culture, knowledge management, commercialization of science and education

Современное общество базируется на знаниях, которые представляют собой основной ресурс, обеспечивающий результативность в любой сфере жизни – экономической, социальной, политической и духовной жизни. Социальные организации выступают в качестве потребителей знаний, поскольку вынуждены решать новые задачи, возникающие в ходе перманентных изменений, обусловленных социокультурной динамикой. Такие задачи определяют потребности в новых технологических решениях и интерес к новым управленческим моделям, что стимулирует процессы формирования и развития новых знаний. При этом функционирование знания в современном обществе в значительной степени подчинено рыночным законам: спрос на новые знания приводит к возникновению нового предложения, что, в свою очередь, оказывает влияние на производство знаний.

В связи с этим актуализируется вопрос о переходе от понятия «информационное общество» к понятию «общество знания». Такой вопрос должен быть задан как в политическом, так и в экономическом контекстах. Политический контекст предусматривает обращение, прежде всего, к проблемам власти и целеполагания. В связи с этим, как указывает М. Г. Гуэрта, существенно влияние технико-технологического развития на политическую сферу [11]. Это означает и всё большее усиление влияния содержания технико-технологического знания на политику, что приводит к ситуации, когда управляющие системы различных уровней становятся зависимыми от тех или иных технических императивов, что было невозможно предста-

вить в индустриальную эпоху. Имеет место смена приоритетов в целеполагании – технико-технологическая составляющая становится силой, которая способна определять цели для социальных систем и элит общества.

Происходит изменения и в элите общества: её членами становятся высококвалифицированные специалисты в области техники и технологий, эксперты в различных областях жизнедеятельности общества, исследователи, программисты. Причём вхождение в такое сообщество достигается не политическими механизмами кооптации, принятыми в индустриальном и традиционных обществах. Как отмечает М. Г. Гуэрта, сегодняшняя ситуация такова, что все непосвящённые в экспертное знание исключены из публичной деятельности, поскольку только специалисты могут нести ответственность за принимаемые решения, которые предполагают привлечение науки и технологий. Тем самым правительства перестают носить политический характер [11, с. 201]

Политические действия, за исключением стихийных акций, предполагают наличие предварительного расчёта, включающего в себя предвидение результатов и выбор средств для достижения желаемого результата. Субъекты политических действий складываются в соответствии с политической системой данного общества. Однако влияние науки, техники и технологий на функционирование и развитие политической системы не учитывается ни теоретически, ни практически. Как пишет Е. А. Самарская, изобретения вызывают изменения в иерархической структуре общества. При этом техника проникает в струк-

туры социума подобно тому, как это происходило раньше с идеологией. Технологии превращаются не только в феномен сознания, они становятся формами общественной практики, частью функционирования социальных институтов. Технологии представляют теперь не только материальные силы, они являются и феноменами культуры, родом идеологии» [7]. Указанные выше изменения в общественной иерархии становятся зависимыми в большей степени от содержания знания, нежели от его объёмов, что показывает невозможность сведения знания только к информации.

Концептуально новый этап развития общества, который базируется на знаниях, обоснован экономистами, хотя его идея берёт своё начало в теориях Ф. Бэкона и А. Сен-Симона. Возникновение общества, базирующегося на знаниях, предсказано А. Н. Вернадским в теории о ноосфере. К началу 70-х гг. XX в. эмпирически собранные данные побудили исследователей обратиться к анализу структурных изменений в экономике и менеджменте, что позволило перейти от идеи общества знаний к обоснованным концептуальным утверждениям. В это время П. Дракером вводится термин «*knowledge worker*», который означает работника, оперирующего знаниями, иначе говоря, разбирающегося в решении проблем их производства и применения. Руководство такими работниками является более сложным делом, чем руководство обычными работниками. Значительно более мобильный работник, создающий знания, трудноуправляем не только потому, что его труд сложнее и требует более высокой квалификации, но и по

причине его отождествления себя со своими знаниями, а не с социальной организацией [10, с. 97].

Производство и применение знаний превращается в центр новой социальной системы, вокруг которой формируются новые социальные институты и концентрируются традиционные институты. Поэтому возникает основание для появления понятия «когнитивный капитализм», предполагающее выход за пределы теорий классического капитализма. Это позволяет именовать такой капитализм постфордизмом, поскольку фордизм представляет собой систему отношений между капиталом и трудом, которая характерна для второй половины XIX и всего XX вв., и сохраняет черты классической модели капитализма. Такая модель капитализма предполагает конвейерную автоматизацию производства, высокий уровень стандартизации и разделения труда, что лежит в основе индустриализации и получения прибавочного продукта в виде промышленных и сельскохозяйственных товаров, а также услуг. Когнитивный же капитализм делает основным источником прибыли знания, преобразуя традиционные индустриальные практики.

Модель когнитивного капитализма ориентирует науку на интересы заказчиков, что способствует изменению её роли в обществе. В связи с этим Д. Белл утверждает, что наука представляет собой как базовую ценность, так и базовый социальный институт [1, с. 57].

В связи с этим особую актуальность имеют отношения специалистов технических наук и гуманитариев, которые проявляются как на деятельностном, так и на аксиологическом уровнях.

Ч. П. Сноу указывает, что специалисты технических наук являются носителями других, нежели гуманитарии, ценностей [8, с. 22]. Последние выступают носителями гуманистических ценностей, лежащих в основе современной европейской цивилизации и восходящих к эпохе Возрождения.

Ценностями же специалистов технических наук являются цели, для достижения которых изобретена и эксплуатируется техника, созданы и совершенствуются технологии, позволяющие обеспечить результативность и эффективность хозяйственно-экономической деятельности. Однако если только эти ценности оказываются в основе общественного устройства, то общество будет существенно отличаться от социума, в котором господствуют гуманистические ценности [6, с. 77–78].

Поэтому Ч. П. Сноу обнаруживает угрозу в таком явлении как формирование технократической культуры, выступающей в качестве альтернативы гуманизму в ракурсе своих аксиологических оснований. Тем более что обладание техническими знаниями в настоящее время делает возможным рекрутирование их носителей в политику. Это превращает ценности технократов в ценности, как минимум, части властной элиты, а как максимум – в ценности общества в целом.

Но объективно техника и технологии всё более основательно вторгаются в экономические, социальные и политические процессы, что отражается в принимаемых управленческих решениях на всех уровнях социума. Это предполагает активное привлечение учёных технического профиля и экономистов в управленческую де-

ятельность. Тем самым высшие гуманистические ценности и средства достижения результативности и эффективности становятся всё менее связанными друг с другом, начинают существовать независимо друг от друга. Государственная и экономическая бюрократия могут как способствовать интеллектуальному интересу к изучению проблем общества, так и ограничивать его, считая аксиологическую проблематику второстепенной и даже излишней для исследований.

Однако человеческое общество, даже первобытнообщинное, не может существовать без техники и экономической деятельности, что превращает в универсальные ценности результативности и эффективности. В аксиологических основаниях общественной жизни они могут быть ориентированы на воспроизводство традиций и поддержку образцов поведения, связаны с постижением трансцендентного и с гуманизмом, утверждающим уникальность личности человека, её достоинство и права. Ориентация таких ценностей может быть иной, когда доминантой аксиологических оснований общества является экономическая эффективность, что характеризует капиталистическое общество. При этом фордизм придаёт ему техническую рациональность, порождая другие ценности и придавая традиционным ценностям иное место в аксиологической структуре социума.

Проблема ценностей в контексте идеи общества знания приобрела особую актуальность в контексте глобального кризиса, поразившего мир в конце «нулевых» годов XXI в. Нельзя не согласиться с утверждением Д. В. Ефременко, что общество знания

на определённом этапе своего развития оказалось в резонансе с тенденциями развития глобальной финансово-экономической системы. Это делает актуальным раскрытие сущности когнитивного капитализма или посткапитализма, которое возможно путём анализа хода и последствий мирового экономического кризиса начала XXI века» [3, с. 61].

Характеризуя современную стадию развития капитализма как когнитивный капитализм, следует проанализировать отличия понятия «знание» от понятия «информация». В первом приближении такое отличие касается разных уровней формализации: информацию возможно обрабатывать машинным способом, хранить и передавать в неизменном виде. Знание же предполагает наличие знающего субъекта. Знанием можно делиться, однако усвоение той или иной информации превратит её в знание лишь в результате активной переработки субъектом, который её воспринимает. Его мыслительная деятельность предусматривает активизацию познавательных компетенций, что делает невозможным использование и передачу знания без соответствующей рефлексии, а значит – без субъективного отношения к нему со стороны познающего.

Ещё одно отличие информации от знания заключается в том, что последнее неотделимо от познания и от сознания, а информация, напротив, отделима от субъекта, его познавательной активности. Знание может выступать основанием того или иного рационального действия, а информация, не подвергаясь мысленной обработке, лишь способна породить аффективные или традиционные действия, в

которых, в первом случае, мысль замещается рефлексам или эмоциями, а во-втором случае, уже полученное и сохранённое знание воспроизводится как реакция на тот или иной стимул.

Управлять знаниями крайне сложно, поскольку обладание ими, предусматривающее их передачу и применение, представляет собой рефлексивный процесс, предполагающий совершение умственных усилий и сохранение высокого уровня субъективной интерпретации. Как указывает в этой связи Б. З. Мильнер: «Научиться управлять знаниями означает войти в особый мир понятий, категорий, вариантов, структур, методов, процедур, технологий, оценок. Это – новая область приложения организационных механизмов, управленческих приёмов и экономических стимулов, порождающая реальные конкурентные преимущества компаний. Одновременно это и новые признаки профессионализма в управлении» [5, с. 57].

Управление знаниями меняет не только правовые, политические и хозяйственные институты, но и связи между ними. Наиболее существенным выступает здесь то, что в результате возникновения знаниевой экономики образуется гибрид производства и образования. При этом следует отметить, что обладатель знания передаёт его в ходе образовательного процесса обучающимся, но при этом он продолжает оставаться обладателем знания, имея возможность делиться им ещё многократно. Новый же обладатель знания получает возможность его тиражировать, продавая или используя иначе. В такой ситуации возникает впечатление, что рыночная стоимость знания остаётся неизменной величи-

ной, поскольку неизменно остаётся само знание. Однако данное впечатление обманчиво. Ценность знания, превращённого в товар, обратно пропорционально его тиражу. Субъект, который выходит на рынок с предложением, базирующимся на его знаниях, умениях, навыках и компетенциях, будет тем успешнее в конкурентной борьбе, чем лучше будут защищены его знания, умения, навыки и компетенции от копирования. Это означает, что знаниевая экономика испытывает потребность в принципиально ином уровне защиты интеллектуальной собственности при том, что она нуждается как в защите, так и в рекламе. Производитель знаний должен вместе с юристами зафиксировать уникальность своих знаний, превратив их в собственность, и создать надёжные в правовом смысле экономически эффективные механизмы, дающие возможность обладателю прав не только окупать затраты на тиражирование знаний, но и получать прибыль от данного процесса.

Претерпевает изменения и модель научного поиска, целеполагание в которой формируется на основании рыночной логики. Учёный начинает ориентироваться на производство знаний, которые можно коммерциализировать, т. е. сделать приносящими доход. Это означает, что приращение новых знаний становится одним из видов производства, базисом которого является выдвижение гипотез и разработка идей. Тем самым капитализм становится когнитивным – знания, а не те или иные материальные товары становятся источником стоимости.

Однако такая трансформация может достаточно непредсказуемо повлиять

на ведущего производителя знаний – научное сообщество. В связи с этим Д. Бок прямо указывает на опасность коммерциализации системы высшего образования, следствиями которой являются нанесение ущерба академическому сообществу в виде репутационных потерь и подрыв экономических стандартов [2]. Отмечая их, он напоминает историю с софистами, ориентированными на прибыль, и Сократом, стремившемся к истине, которая может повториться в условиях постиндустриального общества. Конечно, коммерциализация также может быть направлена на поиск истины, однако наличие двух целей научной деятельности не может не оказывать влияние на содержание и организацию научных исследований.

Под подрывом экономических стандартов Д. Бок имеет ввиду смену критериев, на основании которых осуществляется кадровая политика в научной сфере и сфере высшего образования [2]. Карьера в научных организациях и вузах всегда ориентировалась на экспертные оценки научного и образовательного сообществ, которые в качестве главного критерия результативности деятельности признавали вклад того или иного учёного в развитие науки и образовательной деятельности. В качестве показателей при этом использовались: наличие учёных степеней и званий, количество опубликованных монографий и статей. В содержании данного механизма отсутствовал критерий, связанный с коммерциализацией результатов научной деятельности учёного [9, с. 37].

В настоящее же время вузы становятся по сути своей коммерческими организациями, где поиск знаний пе-

рестаёт быть ведущей целью деятельности. Такой поиск осуществляется благодаря благотворительности или бюджетного финансирования, которые не рассчитаны на получение прибыли. Университетам же отводится роль производителя компетенций, ориентированных на экономический рост, что предполагает отношение к образовательным организациям высшего образования как к виду бизнеса. Всё это вызывает значительное недовольство большей части профессорско-преподавательского состава.

Коммерциализация науки приводит к тому, что фундаментальные науки начинают обеспечивать функционирование технических наук, а не наоборот, как это было ранее. Поэтому в обществе знания при распределении финансирования научной сферы фун-

даментальная наука обеспечивается средствами по остаточному принципу. Грантовая основа, эффективная при организации прикладных исследований и коммерциализации науки, мало приспособлена для развития фундаментальных исследований [4, с. 30].

Таким образом знания, отрываясь от науки и от образования, создают новую реальность. Уровень знаний становится ведущим фактором социальной дифференциации: господствующий слой составляют информированные, а неинформированные занимают подчинённое положение. Тем самым очаг социальных конфликтов переходит из экономики в сферу информационной культуры.

*Статья поступила
в редакцию 10.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации // Отечественные записки. 2003. № 6 (15). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/plyusy-i-minusy-kommercializacii> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. №1. С. 59–66.
4. Марков К. А. Коммерциализация научных исследований в университетах США // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 26–34.
5. Мильнер Б. З. Концепция управления знаниями в современных организациях // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 53–60.
6. Пржиленский В. И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Норма, 2016. 176 с.
7. Самарская Е. А. Технократическая власть и судьбы демократии // Философская мысль. 2013. № 6. С. 590–624.
8. Сноу Ч. П. Две культуры. М.: Политиздат, 1973. 140 с.
9. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. 246 с.
10. Drucker P. F. Landmarks of tomorrow. A report on the new «post-modern» world. 1959. New York: McGraw-Hill, 2012. 784 p.
11. Gouerta M. G. Critique de la raison technocratique. Paris: Dune, 1996. 420 p.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushchee Postindustrialnoe Obshchestvo. Opyt Sotsialnogo Prognozirovaniya* [Future Post-Industrial Society. Experience Of Social Forecasting]. Moscow, *Academia* Publ., 2004. 788 P.
2. Bok D. [The Pros and Cons of Commercialization]. In: *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland]. 2003. № 6 (15). Available At: [Http://Www.Strana-Oz.Ru/2003/6/Plyusy-I-Minusy-Kommercializacii](http://Www.Strana-Oz.Ru/2003/6/Plyusy-I-Minusy-Kommercializacii) (Accessed: 01.10.2019).
3. Efremenko D. V. [The Concept of Knowledge Society as a Theory of Social Change: Achievements and Problems]. In: *Voprosy Filosofii* [Studies in Russian Philosophy], 2010, No. 1, Pp. 59–66.
4. Markov K. A. [The Commercialization of Scientific Research at U.S. Universities]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta Imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2009, No. 5, Pp. 26–34.
5. Milner B. Z. [The Concept of Knowledge Management in Modern Organizations]. In: *Rossiiskii Zhurnal Menedzhmenta* [Russian Journal of Management], 2003, No. 1, Pp. 53–60.
6. Przhilensky V. I. *Sotsialnye Tekhnologii: Fundamentalnye I Prikladnye Problem* [Social Technologies: Fundamental and Practical Problems: A Monograph]. Moscow, *Norma* Publ., 2016. 176 P.
7. Samarskaya E. A. [Technocratic Power and the Fate of Democracy]. In: *Filosofskaya Mysl* [Philosophical Thought], 2013, No. 6, Pp. 590–624.
8. Snou C. P. *Dve Kultury* [Two Cultures]. Moscow, *Politizdat* Publ., 1973. 140 P.
9. Fuller S. *Sotsiologiya Intellekturnoi Zhizni: Karera Uma Vnutri I Vne Akademii* [Sociology of Intellectual Life: the Career of Mind Inside and Outside Academy]. Moscow, 2018. 246 P.
10. Drucker P. F. *Landmarks of tomorrow. A report on the new «post-modern» world.* 1959. New York: McGraw-Hill, 2012. 784 p.
11. Gouerta M. G. *Critique de la raison technocratique.* Paris: Dune, 1996. 420 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самаке Киндия – преподаватель института менеджмента Университета социальных наук и менеджмента;
e-mail: daout88@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samake Kindia – lecturer at the Institute of Management, Bamako University of Social Sciences and Management;
e-mail: daout88@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Самаке К. Трансформация социальных систем в условиях становления общества знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120

FOR CITATION

Samake K. Transformation of Social Systems under the Conditions of Knowledge Society Formation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120

УДК 1.17

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ АНТРОПОСФЕРЫ: ЦЕЛЕ-ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Тимофеев А. В.

*Самарский государственный технический университет
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются сущностные характеристики экзистенции человека, связанные с созиданием им нематериального достояния через самоопределение и творчество. Самоопределение через свободу формирует мотивационное осознание человека. Порядок же свободы создаётся в соответствии с рядом целе-ценностных показателей. В работе обосновывается диалектическая взаимосвязь цели и ценности: цель проходит опредмечивание, материализацию, объективацию и реификацию через базирование на ценности, которая является «значимой», наделённой символическим смыслом. Человек трактуется как существо мотивированное, а человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) – как удовлетворяющая не требованиям среды, а проективным, целевым, реакциям на различные импульсы. Делается вывод, что понимаемая таким образом ценностная сфера не может изучаться через посредство формальной логики. Важнейшим условием её конструирования должно стать введение понятия «антропо-ориентированной человекоразмерной ценности».

Ключевые слова: человек, цель, ценность, свобода, воля, аксиология, деонтология

HUMAN AS A SUBJECT OF ANTHROPOSPHERE: GOAL-VALUE ASPECT OF EXISTENCE

A. Timofeyev

*Samara State Technical University,
244, Molodogvardeyskaya st., Samara, 443100, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the essential characteristics of human existence associated with the creation of intangible assets through self-determination and creativity. Self-determination through the freedom forms a personal motivational awareness. The order of freedom is created in accordance with a number of goal-value indicators. The author notes the dialectical relation between the goal and the value: the goal goes through objectification, materialization and reification through basing on the value which is «significant», endowed with symbolic meaning. The human is interpreted as someone who is motivated, and the human nature (outside the dominant behavioral reflection) – as satisfying not the requirements of the environment, and projective – purposeful – reactions to various impulses. It is concluded that the value sphere

can't be understood from the standpoint of the formal logic. The most important condition for its construction should be an application of the concept of «anthropo-oriented human value».

Keywords: human, goal, value, freedom, will, axiology, deontology

Сущностное преимущество человека, выходящее за пределы непосредственно органического, кроется в созидании им нематериального достояния через инновационное самоопределение и творчество. Обратимся к Ж.-П. Сартру, который утверждал, что человек изначально «осуждён на свободу». Мотивационное осознание человека проистекает из его «самоопределения через свободу», что упраздняет однобокий взгляд на него как на игрушку судьбы. Судьба выступает совокупностью «могущего состояться с ним и только с ним»¹. Но именно эта самая совокупность в своей приверженности к свободе создаётся самим человеком. Его свобода есть не отвлечённость, а креативный выбор, поэтому выбор, свобода и судьба должны быть исключены друг другом.

Порядок свободы создаётся по капитальным причинам – в соответствии с рядом целе-ценностных и семантических показателей. Именно поэтому общая человеческая родовая история рассматривается как отход от нормального состояния посредством культивирования искусственной созданной среды обитания. Смысл истории состоит в придании смысла тому, что является изначально бессмысленным, а также в возрастающей реализации свободы в продвижении человека от материального к нравственному, от естественного к культурному, от природного к человеческому. Речь идёт о

том, что человек является частью природы в границах своих физико-физиологических компетенций, но он как бы перекрывает её границы в свободном самоутверждении, самовозвышении и творчестве. Истинная человечность определяется символическим типом самореализации в действительности не через приспособление к среде с помощью естественных реакций, но через приспособление среды к себе с помощью разного рода акций [3, с. 253].

В силу того, что в философском толковании полная свобода есть полный произвол, не существует свободы в обязательстве (проблема традиционной моралистики). Как следствие, антропосфера определяет согласованность разума (посредством рычагов различных промышленных технологий: механизации, машинизации, автоматизации, роботизации) и человека (посредством рычагов гуманитарных технологий: права, морали, обычаев, традиций). В таком процессе укрощение «слепых» природных стихий производится в целях выживания природы и человеческого рода. Г. В. Лейбниц указывал, что человеческие помыслы «направлены на то, чтобы сломать, а не построить»². Причём проблема здесь не в некоей изначальной ущербности человечности, не в глобальном разъединении, расколе или разложении нашей человеческой сущности и даже не в судьбоносном противоречии величайших глубин нашего естества

¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 342.

² Лейбниц Г.В. Сочинения. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 487.

(Ф. Шеллинг). Все заключается в том, что в различные мгновения нашего самоутверждения мы – разные.

Естественным назначением, основным призванием человека является постоянно совершенствующаяся самореализация, которая становится причиной и имеет собственную волю. Воля – это объединяющая функция души, стремящаяся активизировать жизненные ресурсы, направив их на реализацию замыслов, целей, мечтаний и интересов; исполнение самоорганизации деятельности, саморегуляции; осуществление сознательных побуждений, собственных решений; воплощение смысло-мотивационной области; выработку прогрессии поведенческих актов, которые овеществляют внутренне заданные параметры.

Известно, что источником деятельности в животном мире является объективная логика удовлетворения жизненных потребностей, основанная на инстинктивном поведении. Источником же деятельности в мире людей является субъективная логика целе-ценностного, мотивационного поведения, что отвечает символическим потребностям человека. В отличие от животного, человек ищет воплощения внутренних устремлений, достигает совершенства [1, с. 30]. Вегетативная жизнь локализована задачей улучшения повседневной жизни. Невегетативная (строго гуманитарная) жизнь имеет целью отойти от материального, подчинить существование обмирщению идеального.

Внешнее и внутреннее при этом могут расходиться, что, в свою очередь, ведёт к проблемам во взаимодействии человека с миром (природой, самим собой, другими людьми). Потенциальная

конфликтность вырастает из волевого характера деятельности, что ведёт к двусмысленности, многомерности, изменчивости человеческой природы, отличающейся амбивалентностью, разнообразием самостоятельных заявлений. Цели и ценности напрямую зависят от запросов и побуждений. И чем они (цели и ценности) возвышенней, тем больше несоответствие стремлений повседневной жизни тому, что человек может получить и реально получает от окружающих, что даёт ему жизнь. Соответственно, не отвечающий идеалам, диссонирующий с желанным мир выступает для человека объектом преобразований, как бы предорганизуемым концентрацией его воли.

Комбинация понятий «свобода» и «воля», применяемая к человеку, предполагает его понимание как нерелефторно самопроявляющегося существа, демонстрирующего тенденцию к неограниченному расширению самореализации через самосовершенствование. Это также стимулирует трактовку человека как существа мотивированного: человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) удовлетворяет не требованиям окружающей среды, а проективным, целевым, реакциям на различные импульсы. При этом цель проходит опредмечивание (обмирщение), материализацию, объективацию, реификацию через базирование на ценности, которая является «значимым», наделённым символическим смыслом.

Связь категориальной пары «свобода – воля» с категориальной парой «цель – ценность» ведёт к решению важной концептуальной задачи интенциональных ресурсов: свобода, реали-

зованная через цель, воля и ценность находят определение в намерении и выборе, согласующихся в должествовании, на базе которого конструируется смысловая основа достижения: действительностный смысл не берётся извне, он отвечает потребностям, запросам, интересам человеческой практики. В подобном случае пропадает потребность в учении о судьбе. Человек становится сценаристом собственного бытия, аутентичным, самодетерминруемым творцом своей участи [6, с. 68]. Его доля – в его руках. Таким образом, осуществляется перемещение отражения из плоскости теории в плоскость практическую, указывающую человеку что делать, чего хотеть и для чего жить)¹.

Интересную идею в этом аспекте выдвигает И. Кант: «без людей всё творение было бы пустыней, существующей напрасно и без конечной цели»². Не касаясь аутентичного контекста, можно перспективно истолковать данную кантовскую идею с т. зр. активации человечности: человек генерирует и материализует независимые цели. Как говорил М. Шелер, сконцентрированное самосознание, способность к опредмечиванию составляют «одну единственную неразрывную структуру, которая как таковая свойственна лишь человеку»³. Исходя из такого посыла, обнаруживается возможность соединения естественного и искусственного, природы и культуры. В материализации целей, организации

целемерной рукотворной реальности история воплощает свободу, которая оказывается судьбой. Пределы неорганики, органики, надорганики становятся как бы единой сферой, постоянно порождающей новые устройства и феномены.

Следует также обратить внимание на базовые аристотелевские выражения, связанные с познанием. Стагирит считал подлинно человеческим *noys praktikos* – разумное созидание, в котором можно выделить «делание» как рациональную продукцию вещей и «действие» как акт нравственного выбора. Следовательно, Аристотель различал *poicō* и *pratto*. В границах «делания» он помещал *praxis* – деятельность с целью в себе (с опорой на самодостаточную целевую основу), и *poiesis* (мимесис) – искусство воспроизведения подражания в созидании артистических предметов (жанровый захват характера). Понятно, что в контексте проводимого рассмотрения нас интересует рациональное продуцирование вещей в системе *praxis*, а именно в системе *proairesis* (речь идёт о действиях, совершающихся на основе рационального выбора).

Свобода даёт человеку возможность иметь символический план. Наша воля его прорабатывает до гиперболизации интереса, напряжения усилия, а действие его заверяет в производстве вещественных смыслов. Выработанные и зарекомендовавшие себя технологии седиментируются, т. е. оседают в традиции: традиция при этом выступает в качестве подражания и повторения, а седиментация находит продолжение в культуре, являющейся своего рода поведенческим анамнезисом. Внушение со стороны идеального прошлого насыщает материальное будущее.

¹ Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 93.

² Кант И. Сочинения. Т. 5. М.: Мысль, 1994. С. 285.

³ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 156.

Животворная сила естественно-го отбора эксплуатируется стандартной генеалогической модификацией, определяется согласованием доброкачественных целей с отвлечёнными от них столь же доброкачественными ценностями: отработка мотивационно-волевой модели поведения проверяется традициями практического гуманизма. На фоне опосредования формирующейся гуманитарной традиции и культурного роста идея транспарентности «целей – ценностей» предстаёт действенной в конструировании некоего принципиального представления об определённом принципиальном решении.

На локальном уровне выявляется частичная абстиненция (аболиция) – преднамеренное изъятие целей из ведения ценностей. На общемировом – раскрывается тотальная законная абстиненция: ценности и цели свидетельствуют о рационализме, совершенности разовых актов (поступков, шагов), но не подтверждают рациональность и совершенствование всей деятельности в целом. Поэтому перспективное представление транспарентности «целей – ценностей» требует конкретизации в области эвристического удостоверения нормологии, общей и частной деонтологии [4, с. 15].

Признание согласованности «целей – ценностей» в действии человека является результатом технически обоснованной, но чрезвычайно сильной поисковой техники. Такая техника требует количественной идентификации ссылок на процессы универсализации модели: регуляризации, линеаризации, ординаризации, приводящих разнообразие к единству. И здесь возникает

вопрос: являются ли концептуальные унификации эмпирически адаптивными, поддающимися проверке? Любой эпистемологический опыт основан на необходимости гармонизации теории и эмпирии. Учитывая данный императив, локальная деонтологическая модель соответствия (целей – ценностям) сталкивается с контрпримерами. Так, индивид и государство действуют несовершенно: первый – неискренне (лицемерность); второе – корыстно (по потребностям не граждан, а институтов). Государство само по себе предоставляет свободу мысли, но не действия. Следовательно, дар милосердия, любви, добродетели используется не по назначению.

Расхождение целей и ценностей в межсубъектной коммуникации и взаимодействиях влечёт сбой и неудачи аксиологической сферы во всё более широкой деятельности и в своём кульминационном проявлении порождает, например, маккиавелизм, характеризующийся полным отсутствием соответствия поведенческих факторов с практическим гуманизмом. Современные девиации по поводу ценностных универсалий, как, впрочем, и абсолютизм целевых установок, порождают тоталитаризм, бюрократизм, эстетизм, сциентизм, экономизм, политизм, консьюмеризм, дидактизм. Получается, что локальная деонтология может сложиться и состояться посредством рационализации, целевой и ценностной унификации «конкретных действий».

Переходя на тотальный деонтологический уровень, вспомним слова С. Л. Франка: «философия должна быть обновлена сближением её с жизнью, – не с жизнью текущей внешней,

чувственной, – что есть для неё всегда падение, а с глубочайшей и вечной основой жизни...»¹. Речь здесь идёт не о жизни (атеоретичной, неординарной, несистемной), но о «глубочайшей и вечной» её основе, о некоем процессе создания фундамента жизни. В рамках данного проекта такие ценности как неуниверсальность, неаподиктичность, неномологичность подрывают саму идею регулятивности. Они состоят из слабой, неадекватной, несовершенной ментальной конструкции возможного как должного, относительного как абсолютного [5, с. 11]. Поэтому вполне успешно решая конкретные задачи по регулированию определённых действий, локальная нормология оказывается не в состоянии осуществить сходные функции в случае с решением надситуационных задач, затрагивающих регулирование родовой деятельности в целом.

Теория родовых ценностных универсалий основана на той фундаментальной предпосылке, что жизнь подчиняется преследованию не собственной и даже не групповой, но общечеловеческой цели. В данном случае единственно рациональным является переход от необозримой ценности к обозримой цели. Создаваемое в нашем акте антропное бытие – это бытие целепорождённое и ценностно-воплощённое [2, с. 10]. Это также бытие смыслоприемлющее, т. к. создаётся по человеческим проектам необходимого, желаемого, и смыслодающее, поскольку используется в со-

ответствии с человеческими ценностными ориентациями и соответствует социокультурным понятиям жизненной состоятельности.

Все социокультурные этапы, ступени, эпохи обеспечивают конкретную интерпретацию ценностей в форме регулярных постановлений, интенций на желательное, допустимое, приемлемое, правомерное, запрещённое, разрешённое, обязательное. Последнее (с помощью нормирующего поля санкций, диспозиций, условий действия) даёт возможность поддерживать в социальной среде равновесие, упорядочивать и гуманизировать взаимодействие.

Ценностная сфера не изучается и не выражается через посредство формальной логики. Деятельностное «волшебство» ценностей – это очарованность тем, «что душу волнует, что сердце томит», происходит от практической силы, обстоятельности высоких адаптированных целей, экстрагируемых линией благополучия жизни при ориентировке на высокие образы, гуманитарно обусловленные стандарты самоутверждения. Следовательно, мотивированная и мотивирующая деонтология становится возможной при помощи эвристической эксплуатации одного лишь понятия – понятия «антропоориентированной человекоразмерной ценности».

*Статья поступила
в редакцию 07.11.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. В., Филатова Н. В. Диалектика прекрасного и безобразного как способ бытия человека в культуре // Научное мнение. 2018. № 3. С. 28–31.

¹ Франк С. Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. № 9. С. 40.

2. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как феномен бытия человека // Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 6. С. 6–11.
3. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Издательство МГУ, 2013. 384 с.
4. Ильин В. В., Тимофеев А. В., Хайруллин А. Г. Деонтологический нормативизм: проблема обоснования в теодицее и антроподицее (статья 2) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 7–17.
5. Ильин В. В., Тимофеев А. В., Хайруллин А. Г., Калинин А. А. Деонтологический нормативизм: проблема обоснования в теодицее и антроподицее (статья 1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 5–14.
6. Маховиков А. Е. «Человек – личность» как мировоззренческий проект в основании техногенной цивилизации Запада // Ценности и смыслы. 2016. № 1 (41). С. 63–71.

REFERENCES

1. Guryanova A. V., Filatova N. V. [The dialectic of beauty and ugliness as a way of being human in culture]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2018, no. 3, pp. 28–31.
2. Guryanova A. V., Frolov V. A. [Spirituality as a Phenomenon of Human Existence]. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie* [Spiritual and Moral Education], 2018, no. 6, pp. 6–11.
3. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [The Theory of Knowledge. Symbolology. The Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow State University Publ., 2013. 384 p.
4. Ilyin V. V., Timofeyev A. V., Khairullin A. G. [Deontological overly regulated: the problem of justifying the theodicy and anthropogenie (article 2)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 7–17.
5. Ilyin V. V., Timofeyev A. V., Khairullin A. G., Kalinin A. A. [Deontological overly regulated: the problem of justifying the theodicy and anthropogenie (article 1)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Journal of Tver State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 5–14.
6. Makhovikov A. E. [«Human – person» as an ideological project at the basis of industrial civilization of the West]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2016, no. 1 (41), pp. 63–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных развивающих образовательных систем и технологий Самарского государственного технического университета;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Timofeyev – PhD in Education, associate professor at the Department of Information Developing Educational Systems and Technologies, Samara State Technical University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тимофеев А. В. Человек как субъект антропосферы: целе-ценностный аспект экзистенции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 121–128.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128

FOR CITATION

Timofeyev A. V. Human as a Subject of Anthroposphere: Goal-Value Aspect of Existence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 121–128.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-121-128

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-129-138

ТРОИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Ишутин А. А., Матюхин А. В., Моржеедов В. Г.

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
105318, г. Москва, ул. Измайловский вал, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русского религиозного мыслителя Д. С. Мережковского. Утверждается, что Д. С. Мережковский рассматривает *троичность* как краеугольный камень сакральной истории: Завет Отца – Завет Сына – Завет Духа. Детально раскрывается триада *личность – пол – общество*. Делается акцент на то, что Тайна Трёх – это тайна Множества, подлинного Общества, путь в Царство Божье. Специфика взглядов Д. С. Мережковского заключалась в том, что уже в начале XX в. он увидел, что человечество движется по пути *всемирности*, и важно, какую именно всемирность воспримет человечество: завет Духа или некий атеистический интернационал. Используя исторический, аналитический, диалектический и системный методы исследования, автор приходит к выводу, что взаимосвязь идей социальной целостности и троичности является оригинальной темой именно мировоззрения Д. С. Мережковского. Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время, в эпоху социальных трансформаций и господства постмодернизма, идея социальной целостности вновь становится весьма важной, т. к. без этой идеи невозможно какое-либо историческое проектирование.

Ключевые слова: троичность, целостность, христианство, богочеловечество, личность, пол, общество

TRINITY AND SOCIAL WHOLENESS IN THE WORLDVIEW OF D. S. MEREZHKOVSKY

A. Ishutin, A. Matyukhin, V. Morzheedov

*Moscow Industry and Finance University «Synergy»
2, Izmaylovsky val, Moscow, 105318, Russian Federation*

© СС ВУ Ишутин А. А., Матюхин А. В., Моржеедов В. Г., 2019.

Abstract. The article is dedicated to the views of the Russian religious thinker D. S. Merezhkovsky. It is stated that D. S. Merezhkovsky considers the Trinity as the cornerstone of the sacred history: the Testament of the Father – the Testament of the Son – the Testament of the Spirit. The triad of personality-sex-society is revealed in detail. The emphasis is on the fact that the Mystery of the Three is the mystery of the Plenitude, the true Society, the way to the Kingdom of God. The specifics of Merezhkovsky's views was that at the beginning of the 20th century he saw that humanity was moving along the path of universality and it was important what kind of universality would be accepted by humanity: the Testament of the Spirit or some kind of an atheistic international. Using historical, analytical, dialectical and systemic methods of research, the authors come to the conclusion that the relationship between the ideas of social integrity and Trinity is the original theme of D. S. Merezhkovsky's worldview. The relevance of the topic is that at the present time, in the era of social transformations and the domination of postmodernism, the idea of social integrity again becomes very important, because without this idea any historical project is impossible.

Keywords: *trinity*, wholeness, Christianity, divine-humanity, personality, sex, society

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941) – замечательный русский писатель, религиозный философ, общественный деятель, поэт-символист, яркий представитель Серебряного века. Существенная часть его философских и художественных трудов проникнута экстатическим ощущением идеи троичности, посредством которой мыслитель объясняет и социальные процессы, и целостность мироздания.

Троичность Д. С. Мережковский рассматривает и как краеугольный камень сакральной истории: Завет Отца – Завет Сына – Завет Духа. Русский мыслитель довольно специфически переосмысливает и Ветхий, и Новый Заветы. Согласно его мнению, Завет Отца олицетворяет собой не только еврейский монотеизм, но и вообще дохристианские религии, когда дух и плоть, небо и земля ещё не были разделены¹.

На наш взгляд, можно дискутировать с мыслителем на тему пантеисти-

ческой сущности древнееврейского монотеизма, а также о том, насколько вообще оправдано метафизическое сближение языческого политеизма с монотеизмом. Однако концепция самого Д. С. Мережковского вырисовывается в целом довольно чётко: мировоззренческое ядро восприятия мира до Нового Завета именно пантеистическое – это недифференцированное единство Бога и мироздания.

Новый Завет, или Завет Сына, – это религия Богочеловека, когда происходит уже христианское разделение на духовное и плотское, небесное и земное. Следует отметить, что воплощение Христа Мережковский выводит, в первую очередь, из языческих мистерий и мифов, а не из ветхозаветных текстов, что является своего рода продолжением темы «реабилитации» язычества. Мыслитель постулирует, что мистерия *страдающего бога* была «разлита» во все времена во всех народах задолго до Христа, что Христос таился в язычестве, а в христианстве окончательно открылся людям, что «христианство есть откровение, Апокалипсис

¹ Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 252.

язычества», что если христианство – истина, то язычество – тоже истина¹. На первый план выходит Абсолютный Субъект, т. е. Сын Божий. Получается, что в каком-то смысле Откровение Сына нарушает изначальную целостность восприятия мира, привносит дуализм в человеческое сознание, дифференцируя субъективное и объективное. Но, разделяя феноменальное и трансцендентное, христианство, согласно Д. С. Мережковскому, «постулирует последнее соединение этих двух порядков: *Я и Отец – одно*»².

Мыслитель идёт дальше и не просто допускает появление ещё одного Завета, но прямо утверждает, что божественный проект ещё ждёт своего завершения и что после двух известных Заветов (Ветхого и Нового) наступит эон Третьего Завет. В некотором смысле мыслитель умаляет онтологический статус христианства, когда утверждает, что «христианство есть только *чаяние и пророчество* о Богочеловечестве, о Церкви, но само явление Церкви совершится *за пределами христианства*»³. Двух канонических заветов для Д. С. Мережковского оказывается недостаточно. «Религии дохристианские – тезис, христианство – антитезис, религия Духа – синтез», – считает мыслитель⁴. Но пока мир как бы «застрял» между двумя эпохами: эоном Сына и эоном Духа,

когда и будет реализовано некое идеальное общественное устройство, которое человечество тщетно пытается реализовать.

Для разрешения социально-философской задачи грядущей Богочеловеческой общности Мережковский разрабатывает ещё одну важную триаду *Личность – Пол – Общество* [2, с. 115]. Сама эта концепция, детально раскрытая мыслителем в философских работах, возникла во многом под влиянием его жены З. Гиппиус, которая именovala её «1-2-3»⁵.

Первая часть концепции – «тайна Одного», т. е. тайна человеческой личности, её божественная сущность. Личное привносится в набор химических элементов уже в миг зачатия и пробуждается тогда, когда человек не боится быть самим собой, раскрывает в себе подлинное я и когда это я является показателем божественности человеческой личности. «Кто не сказал: «я есмь», тот никогда не скажет: «есть Бог»⁶, – утверждает русский мыслитель. Т. е. Бог един и личен, человек тоже. Только в этом контексте возможен вообще какой-либо разговор о жизненных ценностях, иначе всё погружается в ничто. В современном мире, как считает Д. С. Мережковский, личностность всё более и более теряется. Но, тем не менее, именно на нашей планете «тайна Одного» во всей божественной полноте была явлена в личности Христа. И *Единица* – это необходимое условие для раскрытия *Тайны Двух*.

¹ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 78,85.

² Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 252.

³ Мережковский Д. С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1908. С. 3.

⁴ Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 252.

⁵ Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания: в 2 тт. Т. 2. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 246–247.

⁶ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 109.

Тайна Двух – это, согласно мыслителю, *откровение Пола*. «Я» и «не-Я» часто разрушают и пожирают друг друга, если оказываются в состоянии взаимной досягаемости. Но в точке Пола всё иначе. Если есть «Я», значит, есть «Ты». Мережковский полагает, что эротическое начало возникло в мире ещё в первооснове мира, в «избирательном» выборе друг другом химическими телами. В природе половая экстастика даёт о себе знать во всём, например в животном рычании. Но только человек смог поднять «Ты» на онтологический уровень и стал подобным Богу. «Я и Ты – это откровение Пола так же изначально, трансцендентно, божественно, как откровение Личности: я – Я»¹, – считает Д. С. Мережковский.

Вопрос пола, согласно мыслителю, разрешается исключительно через единство мужского и женского начал. Само по себе разделение на два пола есть распад личности, её раздвоение. Здесь Мережковский вслед за В. С. Соловьёвым и Н. А. Бердяевым говорит о *священном андрогине*, о *божественном гермафродитизме*, о двуполом существе, о мужчине-женщине в одном лице как идеале преображённого пола. Разумеется, речь идёт не о физиологической бисексуальности и не о существах, сочетающих в себе физические черты обоих полов. Русский мыслитель утверждает возможность некоего высшего единства через пол, и преобразование плоти (при сохранении пола) он считает наиважнейшим условием в деле построения грядущей Богочеловеческой общности, когда граница между я и

не-я стирается именно в плоскости пола².

Д. С. Мережковский акцентирует божественные истоки любви не только в своих философских работах, но и в поэтических текстах. В частности, в стихотворении «Молчание» (1893):

«И в близости ко мне живой души твоей

Так всё таинственно, так всё необычайно, –

Что слишком страшною божественною тайной

Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней»³.

Итак, согласно Мережковскому, половины должны стать единой плотью, а грешный пол должен стать священным. Преобразование пола есть наиважнейшее условие выхода к «кровно-телесному осязанию Бога Триединого»⁴, т. е. к *Тайне Трёх*. Но пока и *Тайна Двух*, увы, не реализовалась.

В язычестве пол воспринимался как светлая, животворящая сила. В Вавилоне, Египте, Древней Греции, Древнем Риме и т. д. напряжённо ожидали богозачатия и богорождения. Но эту животворящую силу пола в язычестве всё же нельзя назвать одухотворённой, богочеловеческой. В наибольшей степени к тайне пола приблизился Древний Египет. Весь Египет был проникнут половой символикой, которая олицетворяла собой жизненные силы. Через эту символику происходит воскресение Озириса, а тайна

¹ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 116.

² Там же. С. 114–115.

³ Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 204–205.

⁴ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 122.

любви, по Д. С. Мережковскому, – это как раз Воскресение. Египет почти познал идею святого пола. Отсюда и понятие *муже-женщина* для обозначения вечного, воскресшего Озириса. Аналогичный подход к вопросам пола мыслитель усмотрел и в древнем Вавилоне, где соединение мужчины и женщины считалось даром богине. А вот уже в Книге Бытия то, что связано с вопросами пола, часто характеризуется как блуд и мерзость.

Что касается исторического христианства, то в нём, согласно Мережковскому, проблема пола была, по существу, проигнорирована вообще: Бог родился, но тайна Двух так и не реализовалась, всё ушло в монашеский аскетизм и зашкаливающий спиритуализм. Да, в христианстве была раскрыта тайна Личности, но Царство Божие так и не исполнилось. Отрицание плоти как таковой привело к тому, что она так и не была одухотворена. Более того, религиозная сущность была окончательно вынута из пола, и это привело к нарушению, так сказать, «богочеловеческой траектории» в развитии цивилизации. Мост между единицей-личностью и обществом-множеством (а этот мост и есть пол) оказался разрушен. Ошибка же в точке пола может погубить весь прогресс и всю цивилизацию. Отсутствие подлинной целостности мужского и женского приводит, согласно мыслителю, к двум крайностям: безобщественной личности и безличной общественности¹.

Идею реабилитировать телесное начало в человеке полностью разделял

другой крупный русский мыслитель В. В. Розанов (1856–1919), также интересовавшийся метафизикой пола. Согласно его философии, человек целостен в своей телесной и душевной жизни и соединён с Логосом. Это единство реализуется как раз в сфере половой любви – в наибольшей степени интимной сфере человеческого существования. Розанов полагает, что самая главная загадка бытия – это тайна зарождения жизни, что самым непосредственным образом связано с половой сферой. Нельзя ограничивать любовь только уровнем человеческого сердца, игнорируя при этом и даже проклиная половую близость. Родовой жизнью ни в коем случае нельзя мировоззренчески пренебрегать, как это часто происходит со многими яркими представителями русской и европейской мысли, например В. С. Соловьёвым, который сравнил цепочку продолжения человеческого рода с вереницей смертей. Розанов же отказывался видеть в половой любви нечто низменное, каждое рождение он считал чудом, точкой, в которой наш мир соприкасается с миром трансцендентного².

Как и Д. С. Мережковский, В. В. Розанов настаивает на единстве духовного и телесного в человеке. В первом коробе «Опавших листьев» он высказывает точку зрения, что тело есть корень духа, а дух есть запах тела³. То есть между телом и духом переброшен мост. Пол во многом мистичен, это «второе, тёмное, ноуменальное лицо в человеке» [1, с. 273]. Пол – это

¹ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 124.

² Розанов В. В. В мире неясного и нерешённого. М.: Республика, 1995. С. 97.

³ Розанов В. В. Сочинения: в 2 тт. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 392.

базис, через который человек включён в мироздание¹. Половой акт (или *родовой акт*, как предпочитает писать Розанов) включает в себя также духовную составляющую (а не только материальную), ибо семя уже содержит в себе душу, талант и т. п. К тому же само рождение нового человека трактуется мыслителем как ниспадение души от Бога. «Связь пола с Богом булышая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом»², – констатирует В. В. Розанов. Отсюда и истинная религия просто не может не включать в себя метафизику пола.

Полностью разделяя установку на реабилитации телесного начала в человеке, Д. С. Мережковский отказывается абсолютизировать брак и семью, как это делал В. В. Розанов. В процессе взаимной переписки Мережковский выразился по этому поводу довольно резко, назвав семью: «космическим началом всякого мещанства и всякой»³. Жажду одухотворённой плоти Д. С. Мережковский находит в судьбе Данте и Беатриче, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и даже в тургеневских девушках. Все они не знали христианского брака, описанного, в частности, в творчестве Л. Н. Толстого (Анна Каренина, Китти, Наташа Ростова). Сравнивая воззрения Мережковского и Розанова, Н. А. Бердяев высказал точку зрения, что если Розанов раскрывает священное начало пола («плоти») «до начала мира, хочет вернуть нас к райскому состоянию до грехопа-

дения», то Мережковский перекидывает мост уже в мир преображённый, когда преображена будет и плоть⁴. Последнее напрямую вытекает из концепции Третьего Завета.

Следует отметить, что Мережковский своей *философией Трёх* заполнил некую «брешь», которая присутствовала в дискурсе всеединства Соловьёва. Эту «брешь» русский философ Е. Н. Трубецкой узрел именно в соловьевских рассуждениях о любви. С одной стороны, Соловьёв утверждает, что обязательный путь к воскресению для всех лежит через животворящий крест Христов, потому что Христос поправ смерть смертью, с другой – что основа спасения есть половая любовь и преодоление смерти через соединение с возлюбленной» [5, с. 621]. Взгляды Д. С. Мережковского в этом контексте более последовательны, хотя они во многом подпитывались как раз философией всеединства. То, что не сумел свести воедино В. С. Соловьёв, – тайну Абсолютной Личности, т. е. Христа, с тайной Пола – исчерпывающе раскрыл Д. С. Мережковский в своей *философии Трёх*.

Тайна Трёх – это тайна Множества, подлинного Общества, путь в Царство Божье. «Мир понял или почувствовал, – пишет мыслитель, – что именно здесь, и только здесь, в проблеме социальной, в вопросе не об одном, а о всех, не о Личности, а об Обществе, заключается проблема проблем, узел узлов, тайна тайн». Именно поэтому историческое христианство с его акцентом на личность начинает отвергаться миром, и в каком-то смысле это отвержение обо-

¹ Розанов В. В.. Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911. С. 71.

² Розанов В. В. Уединённое. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. С. 169.

³ Мережковский Д. С. Записные книжки. Письма // Русская речь. 1993. № 5. С. 27–28.

⁴ Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 109.

снованно. Да, тайна личности (благодаря приходу Христа) оказалась вполне раскрыта, а вот тайна общества, увы, нет, т. к. «для социальной жажды в христианстве нет воды». Приобщаться к Высшему человек не может в одиночестве. Он либо зажигает других, либо сам гаснет. Мережковский считает, что в современном ему обществе нарушено взаимоотношение частного и общего в религии. Для древних людей ещё в языческие времена религия была общим делом, а не индивидуальным. Отсюда и совместные похоронные тризны, и Элевсинские мистерии, в которых, согласно русскому мыслителю, были уже заложены основы объединения человеческого рода, кафоличности¹.

Д. С. Мережковский полагает, что историческое христианство совершило огромную ошибку, сделав ставку не на вселенское, общественное спасение, а только на личное. Одна из причин – неправильное понимание фразы Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга». Восприняв эту именно *новую* заповедь как просто повторение ветхозаветного изречения: «Люби ближнего твоего, как самого себя», – историческое христианство упустило из виду всечеловеческий смысл данной максимы. Русский мыслитель подчёркивает, что из мирового порядка невозможно изъять ни одной человеческой жизни, не уничтожив при этом всей реальности бытия, и совершенно не играет никакой роли, о чьей жизни идёт речь: раба, элитария или самого Иисуса²; из любой при-

чинно-следственной связи нельзя изъять ни одного звена, не разрушая всей цепи.

В контексте такого социального холизма русский мыслитель конкретизирует само значение слова *религия*: то, что связывает, скрепляет людей в общество. Если же эта скрепа в обществе отсутствует, то оно распадается, а живое тело превращается в несколько не связанных друг с другом мёртвых масс. Отсюда проистекают взаимное недоверие и ненависть людей друг к другу. С другой стороны, «религия есть отношение человека к Богу»³, и это не менее важный аспект. Такой подход в значительной степени напоминает точку зрения Соловьёва, который писал: «Религией, по несомненному общему смыслу, вне зависимости от сомнительной этимологии, мы называем то, что, во-первых, связывает человека с Богом, а во-вторых, в силу этой первой связи, соединяет людей между собой»⁴. Очевидно, что и Соловьёв, и Мережковский терминологически чётко разделяют *религию* как «Связь, Religio» и *религию* как «конфессиональное вероучение, конфессиональную идеологию». *Религии* во втором значении часто не соединяют, а, наоборот, разделяют людей.

Также Д. С. Мережковский во многих своих работах отмечает тяжёлый духовный кризис, в котором оказалось современное ему российское общество (впрочем, не только российское, но и западное тоже). Главным показателем этого кризиса стало взаимное непони-

¹ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 57–60.

² Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 159.

³ Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 71.

⁴ Соловьёв В. С. Магомет. Его жизнь и религиозное учение. СПб., 1992. С. 15.

мание и даже противостояние разных слоев населения России: интеллигенции, церкви и народа [4, с. 240–241]. Для того чтобы произошло их единение, нужна совместная идея. Такую идею может дать общественное возрождение, но в сочетании с религиозным возрождением. «Ни религия без общности, ни общность без религии, а только *религиозная общность* спасёт Россию»¹, – считает Д. С. Мережковский. Впрочем, *религиозная общность* спасёт не только Россию, но и всё человечество. Человечество, согласно мыслителю, движется по направлению ко *всемирности*. Вот только какой эта всемирность будет: Вселенская Церковь Завета Духа или атеистический Интернационал, т. е. с Богом или против Бога. Следует понимать, что корни подлинного Общества уходят внутрь живого человеческого тела, а не «куда-то вовне, в бездушную материю человеческих «масс»»². В контексте нынешней так называемой *глобализации* взгляды Д. С. Мережковского представляются более чем актуальными.

В сфере гармоничного воссоединения *Личности, Пола и Общества* русский мыслитель приходит к тем же выводам, что и в своём дискурсе Завета Духа. Т. о. он выстраивает структуру Мироздания и раскрывает его целостность: через личность и пол – к новой сакральной общности.

Итак, троичность – это краеугольный камень мировоззрения русского мыслителя. Отталкиваясь от пантеистического восприятия материального мира, природы (Завет Отца) и погружаясь в тайну индивидуальности (Завет Сына), человечество должно найти, по Мережковскому, разрешение себя самого в Завете Духа, того Духа, который и станет основой грядущей Богочеловеческой цивилизации. И эта цивилизация станет подлинной крепкой, соединяющей наш мир с миром Вечного [3, с. 25–26]. В этом и есть разгадка целостности Мироздания, новый виток его эволюции и подлинное спасения для человечества.

*Статья поступила
в редакцию 21.08.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Л.: Эго, 1991. 1200 с.
2. Ишутин А. А. Идеи холизма в русской философии. М.: ООО «УМЦ «Триада», 2017. 154 с.
3. Ишутин А. А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 21–30.
4. Матюхин А. В. Радикализм земского либерального движения второй половины XIX века // Концептуал: сб. науч. трудов. М.: Университет «Синергия», 2016. Вып. 2. С. 239–246.
5. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание В. С. Соловьева: Сочинения: в 2 тт. Т. 1. М., 1913. 652 с.

¹ Мережковский Д. С. Собрание сочинений. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 25–26.

² Мережковский Д. С. Тайна трёх. Египет – Вавилон. М.: Эксмо, 2005. С. 61, 129.

REFERENCES

1. Zen'kovsky V. V. *Istoriya russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Vol. 1. Leningrad, Ego Publ., 1991. 1200 p.
2. Ishutin A. A. *Idei kholizma v russkoi filosofii* [The Idea of Holism in Russian Philosophy]. Moscow, Study and Methodology Centre «Triada» Co. Ltd. Publ., 2017. 154 p.
3. Ishutin A. A. [Some theoretical aspects of holism as a philosophical position]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 21–30.
4. Matyukhin A. V. [The radicalism of the *Zemstvo* liberal movement of the second half of the 19th century]. In: *Kontseptual*. Moscow, «Synergy» University Publ., 2016, no. 2, pp. 239–246.
5. Trubetskoy E. N. *Mirosozertsanie V. S. Solov'eva: Sochineniya: v 2 tt.* [Philosophy of V. S. Solovyov: Works in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1913. 652 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ишутин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: AMatyhin@mfp.ru

Моржедов Владислав Геннадьевич – магистр истории, старший преподаватель кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: wladek@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Ishutin – PhD in Philology, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

Andrei V. Matiukhin – Doctor of Political Sciences, associate professor, head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»;
AMatyhin@mfp.ru

Vladislav G. Morzheedov – Master of Arts in History, senior lecturer at the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»;
e-mail: wladek@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ишутин А. А., Матюхин А. В., Моржедов В. Г. Троичность и социальная целостность в мировоззрении Д. С. Мережковского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 129–138.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-129-138

FOR CITATION

Ishutin A. A., Matyukhin A. V., Morzheedov V. G. Trinity and Social Wholeness in the Worldview of D. S. Merezhkovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 129–138.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-129-138

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1920-Е ГГ.

Устинов О. А.

Культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня 141308, Московской область, г. Сергиев Посад, ул. Парковая, д. 16, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования настоящей работы является процесс становления философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1920-е годы. Обосновывая представление о человеке как естественном существе, советские философы опирались на экономико-детерминистскую интерпретацию марксизма, данную теоретиками II Интернационала, и вульгарный материализм XIX в. Концепция человека К. Маркса присутствовала в их работах в утрированном виде. В статье реконструируются и исследуются базовые положения парадигмы: проект «нового человека», соотношения социального и биологического, свободы и необходимости, личности и общества, проблема смысла и назначения жизни. Делается вывод, что развитие советской философско-антропологической мысли носило в этот период характер «болезни роста».

Ключевые слова: материализм, антропологическая парадигма, человек, биологическое и социальное, свобода и необходимость, практика, смысл жизни, личность и общество, философская антропология, марксизм

THE FORMATION OF THE PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN THE SOVIET PHILOSOPHY IN 1920S

O. Ustinov

Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men 16, Parkovaya st., Sergiev Posad, 141308, Moscow Region, Russian Federation.

Abstract. The subject of this work is the formation of a philosophical and scientific anthropological paradigm in Soviet philosophy in the 1920s. Justifying the idea of man as a natural being Soviet philosophers relied on the economic-deterministic interpretation of Marxism, given by theorists of the Second International, and vulgar materialism of the 19th century. The Marxist concept of man was present in their works in an exaggerated form. The article reconstructs and explores the basic principles of the paradigm: the project of the «new man», the correlation of social and biological, freedom and necessity, personality and society, the problem of meaning and purpose of life. It is concluded that the development of Soviet philosophical and anthropological thought during this period was of «growth disease» nature.

Keywords: materialism, anthropological paradigm, man, biological and social, freedom and necessity, practice, meaning of life, personality and society, philosophical anthropology, Marxism

Радикальные перемены 1917 г. затронули и отечественную философию, которая была подвергнута трансформации с целью установления примата материализма. Однако борьба за монополию марксизма не была обеспечена интеллектуальными кадрами и привела к резкому снижению качества исследований. Привлечённые к дискуссиям члены коммунистической партии выступили с различными интерпретациями наследия К. Маркса, часто лишь умножавшими его редукции. Большинство теоретиков опиралось на антропологические решения их предшественников из II Интернационала, исповедующих экономический детерминизм. Частично эти недостатки компенсировались относительной свободой научного высказывания, благодаря которой участники теоретических споров постепенно находили решения более адекватные классическому марксизму. Данный период имел определённое значение для постепенной институционализации философско-научной антропологической парадигмы [6], но не мог обогатить её какими-либо инновационными концептами.

Тон философских дискуссий в 1920-е гг. задавали партийные идеологи Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский и др., затрагивающие отдельные философско-антропологические вопросы. В. И. Ленин был сосредоточен на политической деятельности и лишь в особых случаях вмешивался в философский процесс.

Рассмотрим основные положения и особенности развития философско-

научной антропологической парадигмы.

Первое положение. Разделяя традиционный для материалистов взгляд на человека как единственного разумного субъекта бытия, советские философы сосредоточились на разработке проекта «нового человека», который должен был быть образован как социально-антропологический тип «переходного периода» [3; 7]. В дальнейшем «строителей коммунизма» должны были сменить «люди коммунистической эры». Но если последние понимались с отсылкой к идее К. Маркса о «целостном человеке» достаточно абстрактно («гармоничная личность»), то человек переходного периода был описан подробно. Он должен был представлять собой «общественного работника»¹, сделанного по образцу пролетария и обладающего качествами, необходимыми для организованного труда. Концепту целостного развития человека давалась утилитарная интерпретация: гармоничное развитие означало равное умственное и физическое развитие мужчин и женщин, которого следовало достичь, дабы и женщины были способны выполнять работу наравне с мужчинами². Идеалом социального развития было для большевиков «государство-коммуна», а после «мировой революции» – глобальное

¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М.: Госиздат, 1920. С. 141, 147.

² Лядов М. Н. Вопросы быта // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 325.

предприятие, действующее на пользу человечеству по единому плану, без эксплуататоров и эксплуатируемых.

В дискуссии о методах создания «нового человека» в условиях гражданской войны значительная часть теоретиков высказывалась в пользу экстремистской антропотехники, основанной на «концентрированном насилии». Подобная модель «милитаризованного социализма» была заявлена Л. Д. Троцким и Н. И. Бухариным. При этом помимо «эксплуататоров» жёсткому контролю должен был подвергнуться и сам пролетариат, в составе которого выделялись группы от «рабочей аристократии» до «чистых батраков»¹.

Однако в связи с введением в 1921 г. «новой экономической политики» партийные идеологи вынуждены были сделать ставку на «культурничество» – формирование «нового человека» посредством всесторонней культурно-просветительской работы. Предполагалось, что общество, пройдя через полосу террора, уже достигло такого состояния, при котором эффективным становится социальное партнёрство с характерным для него «мирным вращением» «антагонистических элементов» в социализм. Наиболее полно данная идея была артикулирована Бухариным, многое переосмыслившим в своих теоретических построениях и отвергнувшим идею коммунизма как «царства пролетариата».

«Строитель социализма» по-прежнему должен был стать «квалифи-

цированным кадром»². Но главными врагами «нового общества» провозглашались уже не «люди из прошлого», а их социальные пороки, устранение которых достигается в результате идеологической «обработки». Осознание актуальности более гибкой антропотехники, преследующей целью «вылечить», а не покарать, было движением вперёд в понимании человека как сложно организованного существа, имеющего внутренний мир.

Исключением из общего конструктивистско-прагматического взгляда на «нового человека» была позиция А. В. Луначарского, который обращал внимание коллег на то, что «общественный работник» должен иметь наряду с хозяйственными умениями гуманитарное мышление («...вымуштрованный человек-машина ... не наш идеал»³). Луначарский пытался препятствовать размытию Марксовой идеи о «целостном человеке» как якобы бессодержательного поэтического образа, но его точка зрения не была популярна.

Второе положение. Рассматривая проблему человеческой сущности, советские марксисты отстаивали её естественную природу, но не имея чёткого представления о взаимосвязи социального и биологического по К. Марксу, допускали вульгарно-материалистические редукции. Критикуя идеалистическое понимание человека как сотворённого Богом существа, они

¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М.: Госиздат, 1920. С. 143.

² Бухарин Н. И. Пролетарская революция и культура // Бухарин Н. И. Революция и культура: Статьи и выступления 1923–1936 гг. М.: Фонд имени Н. И. Бухарина, 1993. С. 51.

³ Луначарский А. В. Воспитание нового человека // Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. С. 273.

доказывали, что психика, ошибочно принимаемая за эфемерную «душу», есть лишь свойство высокоорганизованной материи. Фактически они изображали социальное развитие как инабытие биологии и низводили человека на уровень первого среди животных. Для философской мысли 1920-х гг. было характерно понимание социальной природы просто как неких коллективных действий, которые обнаруживались и у людей, и у животных, и у насекомых [1, с. 66].

Широкое распространение получила концепция Е. С. Енчмена¹ как развитие учения о рефлексах И. П. Павлова. По Енчмену, человек есть биологический организм, деятельность которого всецело определяют т. н. «анализаторы» (понятия). Психика объявлялась неправильным наименованием рефлексов и упразднялась как несуществующее явление. Отсюда следовало, что преобразование человека должно идти через внедрение в его мышление коммунистических «анализаторов», отобранных лидерами республики [4].

Подобная теория входила в противоречие с марксизмом и была подвергнута критике. Бухарин высмеивал стремление оппонента свести на «нет» проведённую Марксом границу в сущности человека между биологическими и социальными феноменами². Однако он не был в состоянии опровергнуть доводы Е. С. Енчмена, т. к. утверждал пусть и не столь карикатурные, но

аналогичные взгляды на физиологию человека, которого сравнивал с часовым механизмом³. Н. И. Бухарин редуцировал социальное начало к способу производства, полагая, что трудовая деятельность полностью детерминирует психику человека по формуле: чем занимаешься, так и мыслишь⁴. Для Бухарина психика не была самостоятельным фактором, и фактически он отменял её, как и Е. С. Енчмен.

Исправить ситуацию пытался К. Н. Корнилов, корректно соединивший естествознание и марксизм и сделавший вывод о том, что психика человека есть результат отражения человеком окружающей его материальной реальности. Физиологический процесс был заявлен им как основа психической деятельности, но не его источник. Однако и он не вывел на первый план идею социальной обусловленности сознания⁵.

Третье положение. Трактровка соотношения свободы и необходимости в истории являлась для советских философов важной проблемой, поскольку от её решения зависел ответ на вопрос о судьбе социализма в стране, не имеющей к этому предпосылок. Наступательная идеология партии, в соответствии с которой «производственная коммуна» должна была быть

¹ Енчмен Е. С. Теория новой биологии и марксизм. П.: Наука и труд, 1923. 83 с.

² Бухарин Н. И. Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // Бухарин Н. И. Атака: сборник теоретических статей. М.: Государственное издательство, 1924. С. 128–170.

³ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008. С. 64.

⁴ Бухарин Н. И. К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки) // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 47.

⁵ Корнилов К. Н. Психология и марксизм // Психология и марксизм: сб. статей. Л.-М.: Государственное издательство, 1925. С. 9–24.

построена в течение 3–5 лет, вылилась в апологию волюнтаризма.

Незнание Марксовой концепции человека как субъекта практики вынуждало партийных теоретиков аргументировать свою теорию социального действия идеями субъективного идеализма, элементы которого были в работах А. А. Богданова. Упорное повторение им тезиса о том, что мир есть совокупность элементов, и потому его форма всякий раз зависит от конструирующего их пролетариата, не могло не вызвать у них симпатии. Именно идеями А. А. Богданова фундировал концепцию милитаризованного социализма Бухарин. Представив общество системой элементов, от перекомбинации которых меняется его тип и характер динамики («равновесие»)¹, он упрощал взаимосвязи в структуре общества, что придавало проекту радикального переустройства не только наивный, но и опасный характер.

Однако «волюнтаристы» расходились с теми партийными теоретиками, которые, пропагандируя принципы материализма, настаивали на том, что общественное развитие определяется экономическими факторами, независимыми от людей. В работе Г. Гортера было чётко прописано, что производительные силы «заставляют мышление идти по определённым путям...»². Повторение оговорки Ф. Энгельса о том, что «надстройка» имеет обратное влияние на «базис», по сути не принималась ими во внимание, и производительные силы превращались в некое

«живое существо», использовавшее людей как «заводных кукол», несмотря на то, что почти все они отрицали подобную экспликацию их решений³.

Сосуществование в партийной идеологии двух взаимоисключающих моделей требовало от теоретиков некоего аргументированного сведения их в единую научную платформу. Но большинство из них даже не осознавало возникшей антиномии, спокойно оставаясь экономическими детерминистами с субъективно-идеалистическими взглядами.

В начале 1920-х гг. В. И. Ленин пытался пресечь выпадение в крайности, указывая детерминистам на то, что человек не может быть подчинён производительной силе, поскольку сам является производительной силой⁴, а волюнтаристам напоминая о том, что лидеры партии, призванные управлять страной, должны учиться принимать политические решения, руководствуясь не формальной, а диалектической логикой⁵. Но внушение Ленина не возымело эффекта.

Лишь в середине 20-х гг. XX в. наметилась тенденция к преодолению примитивизма в философии. Так, Бухарин верифицировано реконструировал ленинский диалектический метод в политике, обратившись к его записям в

¹ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008. С. 153–333.

² Гортер Г. Исторический материализм. М., 1919. С. 23.

³ Гроссман-Рощин И. С. Личность, необходимость, реальность // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 135–136.

⁴ Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник XL. М.: Политиздат, 1985. С. 405.

⁵ Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 тт. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1963. С. 288–290.

«Философских тетрадах»¹. Образцами применения данного метода были для него заключение Брестского мира и введение НЭПа. И хотя конкретных философско-антропологических решений Бухарин не сформулировал, он вплотную подошёл к адекватной трактовке соотношения свободы и необходимости в истории, и увлёк за собой часть учеников (Я. Э. Стэн и др.).

Четвёртое положение. В 1920-е гг. партийными теоретиками была поставлена проблема смысла человеческой жизни. По их мнению, каждый человек должен был освободиться при помощи марксизма от классовых и религиозных предрассудков и включиться в процесс строительства социализма. Будучи идейным, трудолюбивым, дисциплинированным и порядочным, коммунист должен был, перенося различные испытания, «беззаветно» отдать все свои силы, а если необходимо и жизнь, ради создания подлинно человеческого общества². Гибель во имя революции оценивалась как оправданная не только потому, что победа в гражданской, а потом и мировой войне с капитализмом были невозможны без человеческих потерь, но прежде всего потому, что она имела для личности ценностное значение – внести свой вклад в победу над злом и обрести символическое бессмертие [2, с. 65].

Люди будущего же должны были обрести счастье как производное от новой экономической системы, предоставляющей максимум возможностей для удовлетворения потребностей

и прежде всего – самореализации. Самореализация эта могла наступить только в ходе бесконечного преобразования окружающего мира, т. е. в творческом труде, который рассматривался как квинтэссенция полноты жизни. Описание антропологического идеала здесь включало в себя выхоленную и идеологизированную Марксову идею самореализации личности без ссылки на него и едва ли соотносимую с классиком.

Пятое положение. В решении проблемы соотношения личности и общества советские марксисты придерживались Марксовой максимы о личности как продукте общественных отношений, но трактовали её примитивно, полагая, что социальная природа личности означает невозможность не только её формирования, но даже существования и развития вне общества, класса, партии, коллектива. Связь личности и общества виделась им как односторонняя детерминация, из которой вытекало и отрицание в отдельном взятом человеке уникальности.

Индивид в данной схеме мог быть только частью целого, «винтиком», легко заменяемым в случае «утраты» или преднамеренной ликвидации. Моральные проблемы снимались логикой социоцентризма: если ценность коллектива выше ценности личности, то и гибель её следует оценивать, как неизбежную издержку строительства социализма. Таким образом, уничтожалась ценность не только человеческой личности, но и её жизни.

Некоторые партийные теоретики не формулировали отношение к проблеме индивида в новом обществе столь цинично, но по сути разделяли его. И. С. Гроссман-Роцин писал,

¹ Бухарин Н. И. Программа Октября // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 438.

² Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М.: Госиздат, 1923. С. 72.

что Маркс «громил» индивидуализм, уничтожить который должна диктатура пролетариата, и ссылаясь при этом на Марксову «Немецкую идеологию»¹, пронизанную идеей защиты человеческой самости, отчуждаемой в капиталистическом обществе.

Некоторые теоретики пытались отстаивать право личности на принятие самостоятельных решений и частную жизнь², но подчёркивали, что считая крайнюю степень контроля над личностью избыточной, не ставят под сомнение коллективный контроль как правило организации нового строя³. Общество в теоретических построениях советских марксистов было наделено по отношению к личности безусловным приматом.

Таким образом, после провозглашения марксизма государственной док-

триной начался интенсивный процесс становления философско-научной антропологической парадигмы. Но использование советскими теоретиками вульгарно-материалистических трактовок искажало Марксову антропологию и противоречило ей. Вместе с тем обозначившаяся к середине 1920-х гг. тенденция к более серьёзному подходу к решению философских проблем человека, в части дихотомии свободы и необходимости, давала шанс на определённое выправление широко распространявшихся редукций [5], что позволяет оценить процесс становления философско-научной антропологической парадигмы в СССР как «болезнь роста».

*Статья поступила
в редакцию 18.09.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь А. В. Основные тенденции в развитии философской проблематики человековедения в СССР (1917–1930 гг.): дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 1983. 155 с.
2. Калинин С. Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х гг.: А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1994. 206 с.
3. Новиков С. Г. Проектирование «Нового человека» в советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 1 (57). С. 161–174.
4. Резванов С. В., Резванова Л. А., Титова Е. В. Мировоззренческие метаморфозы в истории отечественной философии 20–30-х гг. XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 107–110.
5. Устинов О. А. «Бухаринская альтернатива»: философско-антропологические доминанты в «Тюремных рукописях» Н. И. Бухарина // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 97–104.
6. Устинов О. А. Философско-научная антропологическая парадигма в русской философии конца XIX – начала XX вв.: историко-философский анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 141–147.

¹ Гроссман-Рощин И. С. Личность, необходимость, реальность // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 134–142.

² Сольц А. А. О партийной этике // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 387.

³ Крупская Н. К. Подготовка ленинца // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 251, 255.

7. Фишева А. А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 1. С. 37–46.

REFERENCES

1. Bondar A. V. *Osnovnye tendentsii v razvitii filosofskoi problematiki chelovekovedeniya v SSSR (1917–1930 gg.): dis. ... kand. filos. nauk* [The main trends in the development of philosophical perspective of human nature in the USSR (1917–1930): PhD Thesis in Philosophy]. Khabarovsk, 1983. 155 p.
2. Kalinchenko S. B. *Problema «novogo» cheloveka v trudakh politicheskikh deyatelei 20-kh gg.: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharskii, L. D. Trotskii: dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of a «new man» in the political writings of the 1920s: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharsky, L. D. Trotsky: PhD Thesis in History]. Stavropol, 1994. 206 p.
3. Novikov S. G. [Designing a «new man» in Soviet Russia of the 1920s]. In: *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Education in Russia and Abroad], 2019, vol. 1, no. 1 (57), pp. 161–174.
4. Rezvanov S. V., Rezvanova L. A., Titova E. V. [Ideological metamorphosis in the history of Russian philosophy of the 1920–30s]. In: *Manuskript* [A Manuscript], 2019, vol. 12, no. 7, pp. 107–110.
5. Ustinov O. A. [«Bukharin's alternative»: the philosophical-anthropological dominant in the «Prison Manuscripts» by N. I. Bukharin]. In: *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2016, no. 4, pp. 97–104.
6. Ustinov O. A. [Philosophical-scientific and anthropological paradigm in Russian philosophy of the late 19th and early 20th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 2, pp. 141–147.
7. Fisheva A. A. [The concept of a «new man» in Soviet social policy of the 1920s]. In: *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg Polytechnic University Journal of Engineering Science and Technology of St. Petersburg State Polytechnic University. Series: Humanities and Social Sciences], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 37–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинов Олег Александрович – кандидат философских наук, заведующий научно-просветительским отделом Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня;
e-mail: olustinov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Ustinov – PhD in Philosophy, head of the Scientific and Educational Department, Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men;
e-mail: olustinov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Устинов О. А. Становление философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 139–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147

FOR CITATION

Ustinov O. A. The Formation of the Philosophical-Scientific Anthropological Paradigm in the Soviet Philosophy in 1920s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 139–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147

РАЗДЕЛ V. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-148-157

TECHNISCHENWELT – MENSCHENWELT: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ильин В. В.¹, Челенко А. В.¹, Шаура Е. К.²

¹ *Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,
Калужский филиал*

248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

² *Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу коллизии взаимодействия *technischenwelt* (мира техники) и *menschenwelt* (мира человека). Как известно, в природе «принимает решение» отработанный механизм естественного отбора; в опирающемся на потенциал технонауки современном обществе решение принимает «неотработанный» (в условиях дефицита информации) механизм прагматики, базирующийся на экстраполяции достигаемых полезных результатов. Здесь возникает методологическая и социальная трудность законности переноса определённости получаемых в настоящем, пускай полезных, результатов на будущее. Сверхзадачей оказывается выработка ответственности в пределах своеобразной «этики обещаний», чувствительной к технонаучной «Игре в Бога» и намечающей способы достижения осмотрительного поведения в контуре дилеммы «достаточно рано, чтобы» (проект) – «достаточно поздно для» (обмирщение проекта).

Ключевые слова: *technischenwelt* (мира техники), *menschenwelt* (мира человека). техноморфизм, программирование мира, *homo humanus*

TECHNISCHENWELT – MENSCHENWELT: THE PROBLEM OF INTERACTION IN THE CONTEXT OF MODERN CIVILIZATION

V. Ilyin, A. Chelenko¹, E. Shaura²

¹ *Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch
2, Bazhenov st., Kaluga, 248000, Russian Federation*

© СС ВУ Ильин В. В., Челенко А. В., Шаура Е. К., 2019.

² MGIMO University

76, Vernadsky prosp., Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of *technischenwelt* – *menschenwelt* collision. In nature, a «decision» is made by a worked-out mechanism of natural selection; in modern society based on the potential of techno-science, «decision» is made by a deficient (because of the lack of information) mechanism of pragmatics based on extrapolation of the achieved useful results. Here a problem arises of methodological and social legality of transfer of the obtained results, albeit useful, to the future. The super-task is to develop responsibility within a kind of «ethics of promises», sensitive to the techno-scientific «Game of God» and outlining ways to achieve prudent behaviour in the circuit of the dilemma «early enough to» (project) – «late enough for» (materialization of project).

Keywords: *technischenwelt*, *menschenwelt*, technomorphism, programming world, homo humanus

В последнее время нами был предпринят анализ влияния авангардных технологий на развитие человеческой цивилизации [1; 2; 3; 4; 5]. Было установлено, что переход человечества от раннего к позднему периоду каменного века, заложивший материальные предпосылки прогресса культуры, знаменовал, прежде всего, революцию в отношении человека к природе. Выявлена направленность будущей революции, пафос которой – в утверждении новых форм человеческой практики и идеологии, развивающиеся на базе формирования новых субъект-объектных взаимосвязей, характеризующихся разрушением «потребительского» и утверждением производительного, творчески-созидательного отношения человека к природе и принятия норм, идеалов, ценностей, характеризующихся специфическими критериями эконвзаимодействия и экокоммуникации.

Программирование материи, программирование человека задействованием хитроумной технологии самосборки NBICS-комплекса закладывает основы неведомой прошлому стратегической игры цивилизуемой природы, единящей физический, биологический, социальный разряды универсума

в качестве конструктивного монолита. Ключевой адресант Эгерии – нимфы, воодушевляющей *homo creatus*, – получает от неё непреходящий завет: налаживать порождающий процесс по природо- и культуроподобию в духе изначального согласования естественной и искусственной ветвей эволюции действованием по выверенному целесообразному.

Казалось бы, сокровенное найдено: единство регулятивного (как делать) и конститутивного (что получать) достигнуто; вырождение техно-, социоморфизма в псевдоморфизм предотвращено; конкордия человека с миром установлена...

Казалось бы. Но проступают проблемы. Опуская детали, грамотная минимальная артикуляция опасностей превращения человека-творца в творца-бога (человекобожество) сводится к обоснованию опасности превращения созидания пристойной предметности в созидание благочестивой беспредметности. В ответственной ситуации принятия на себя божеской созидательной миссии, когда прибегая к слогу Гегеля, человеческое сознание определяет события, человек должен иметь мощные гарантии правомерности, добропоряд-

дочности, добронравности собственных действий – действий, как говорили древние, вечным светом осиянных.

Свойственны ли человеку (в отличие от всеовершенного, всемогущего, всеобъемлющего создателя) подобные действия? Продуктивные действия человека изначально – не *osculum pacis*, способны включать несообразия содержательного и формального порядка.

Содержательные изъяны человеческого действия – качество мечты. Человек – существо самовозрастающее, организующее самоутверждение по вдохновению.

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И, наконец, окаменеть
(А. Пушкин)

У механизмов нет вдохновения (Замятин настаивал: фантазии); вдохновение – удел человека (Замятин настаивал: фантазия – болезнь человека). Но и в данном привилегированном случае по всему справедливое соображение справедливость утрачивает.

Поражает безнадёжная убогость приобщающей к высоте промыслительного полёта, но омрачённой скованностью крепкой предметной основой мысли тщетной фантазии. Впадение в блаженство провидения, направляясь творческой одержимостью, на поверку не сгибает прямой стиль жизненной прозы.

Потрясает увечность живописаний устроительного процесса (Замятин настаивал: оперированная фантазия):

– будь то осчастливливание (спасение) человечества: жанр социальной

утопии (сочинения Платона, Бэкона, Мора, Кампанеллы, Фурье, Кабе и т. д.); жанр социальной антиутопии (произведения Хаксли, Оруэлла, Сирин-Набокова, Замятина, Брэдбери и т. д.) Овамо и семо контрапункт обсуждения – «организованная свобода» (оксюморон), со знаком плюс или минус – в доминирующем модусе жизнеотправления «никто не один, но один из»;

– будь то осчастливливание лица: подавление личности ради общей победы (кого? ради кого?), путь к принудительному счастью (побороть свободу и «сделать всех счастливыми») в бесспорно «общий и согласный муравейник»;

– опыт механически размеренной заштампованной жизни отмечается поиском самобытности, персонального права самовыражения.

Итог? Сила замысла оттеняет слабость исполнения; свет неожиданных свежих решений не озаряет жизни. Привлекая гераклитовскую фигуру, мы вынуждены использовать понятие энантиодромия: взмывающая было ввысь, но обессиливающаяся, выдыхающаяся фантазия, стремглав движется вспять, духоборческое оборачивается мироугодническим.

В благородный сан возводятся банальные обыденные, повседневные удобства; филистерским пределом мечтаний провозглашается бытовой уют, крепость обихожения существования.

Гофман превозносит «сельский дом» с достатком, «отменной капустой», «всякими другими добротными овощами», где царит чистота, покой, «горшки никогда не перекипают». Идеей земного предела, миром «существенности», пропитано «мещанское»

счастье увлѣкшейся кисейной барышни (Помяловский). «Быт» берѣт верх над «быть» у Булгакова, Мастер которого получает не «свет», но «покой».

Суетня жизни, мышья беготня в вершении малых, медленных (невзрывных) трудов... Вопреки Марксу, идея, соединяясь с извечным практическим интересом, непременно себя посрамляет. Мечта воспламеняется искрой небесной и тухнет, разбиваясь о правду земную.

Формальные изъяны человеческого действия – качество актуализации. Представление деятельности в диаде «распредмечивание» – концепционное моделирование – «опредмечивание» – вещественное воплощение позволяет характеризовать субстантивную солидность идей с позиций изобразительного подкрепления.

Существование не следует из понятия, оно следует из технологии. В радостном креативном упоении человек занимается дизайнерской огранкой фундаментальных проектов, идей. «Так бриллиант не виден нам, пока под гранями не оживѣт в алмазе», – отмечал Брюсов. Сокровенную метаморфозу алмаза в бриллиант в нашем казусе обслуживает материальное (технологическое) претворение образов, их овеществление.

Овеществление, выпуск вещиности, в познавательном отношении не одномерно. В вещизме как поставе различают производство:

- мира близких вещей: экзистенциальные отношения к вещи как «другому»;
- мира чуждых людей: социальные отношения к человеку как вещи.

Отдавая отчет в значимости и значительности обеих сюжетных линий, предмет своего анализа сосредоточим

на оценке первой стороны дела; в фокусе последующего рассмотрения – тактика обработки (распоряжение, огранка) материи, релевантная реификации замыслов.

Сверхзадача перевести «субъективный пламень» в «тепло объективности» технонаучной сверхиндустриальной цивилизацией решается развёртыванием массового поточного общества, в котором природоподобие обретает плоть концептуализма, культуropодобие – плоть минимализма с неизбежным переходом на «подмену» (симулякры) – выпуск эрзацев, суррогатов.

Ранее «насыщенное» место толковалось как соответствие предметам, теперь – функциям. Универсальной парадигмой современности становится функционализм, заменяющий космоприродные смыслы техномирными. Преодоление предметной «ограниченности» обслуживает «пересотворение» – социоинженерный перфекционизм, нацеленный не на имитацию мира (жизни), но на его замену. (Применительно к человеку речь идѣт ни больше ни меньше о выведении новой породы: на уровне персональности – перекройка человеческой органики: экстропия, евгеника, трансгуманизм, ЕТ (*Enhancement technology*)); на уровне социальности – перекройка человеческой надорганики: от насаждения коммуникационной машинерии до культивации симуляционных реальностей, развоплощённого интеллекта, институциональной деперсонализированности).

Содержательное зависимо от материала, формальное – свободно от него. Художественное сцеплено с «высоким», «глубоким», «гуманистичным»: поднимает над обыденным, дарит надежду, катарсис; соприкос-

новение с художественным духовно обогащает, делает лучше, светлее; в модусе формального ничего подобного нет. Конструктивное (овеществление замыслов, создание предметов по идеям) – технизированный концептуализм, примат индустриального над изобразительным, обслуживание потребностей конвейерного производства, редукция «художественного» к коммерческому дизайну, удовлетворение запросов ширпотреба. Со свободой «сочинения» (*fiction*) от любых пут – в парадоксальном сочетании иррационализма и разумности, интуиции и расчёта.

Мир как идея (технонаучная версия гегелевского панлогизма), материя как инсталляция – в качестве императива созидания гносеологически (и аксиологически) означает диктат идей, смыслов, функций с легализацией едва не всех возможных типов формального представления от экспрессионизма (абстрактного экспрессионизма) (субъективное истолкование реальности) до брутализма, от абстракционизма (супрематизм, неопластицизм) до дадаизма (порок хаоса, иррациональность, окказионализм, психический автоматизм, прорыв к бессознательному) и сюрреализма (сновидческая образность, параноидально-критический метод обхода рационально-сознательного).

Невызыскательность, неизысканность («пороговые» техники вплоть до неопримитивизма, поп-арта – законодателей «новой образности»), концептуальность (по Джадду, изобразительное – та сила, «какую может приписать ему мысль») (дивизионизм – специфическая теория цвета; пуантилизм – новые способы въдения; машинная эстетика – сочетание полуабстрактных

форм; эпатаж – превращение шока от духовного смутяинства в шик очарования ужасного; перформанс – действия за пределами повседневности, уравнивание в ценности «произведения» и «действия»), абстрактность (не отображение реальности, а запечатление «внутренней сущности» предметности, – прямо по Пармёниду), альтернативность перцепции (абстрактное моделирование – внешне ничем не скованный процесс), геометризм, схематизм, контрастность различных фактур, материалов, факультативность использования пространственных ритмов, прагматичность, простота сложности, выпуск массового (по определению низкопробного, некачественного, неоригинального) товара, завязанного на «блаженство беспредметности» (Малевич), сосредоточенного на субстантивации функционализма high-tech разума.

Упраздняя природную красоту, последний отменяет естественную человеческую боязнь машинизации.

Как видно, и с содержательной, и с формальной т. зр. постиндустриальный инструментальный разум, вспоминая Сартра, несёт тотальную отрицательность.

Перспектива – технонаучное устройство, программирование мира – не стала якорем спасения; исчисление выгод не ограничилось подсчётом достоинств новаторов.

1. *Homo creatus* – демиург, но в отличие от своего маститого прообраза – демиург в малом; не способен покушаться на переустройство мира, как такового. Некогда горячий пропагандист-поклонник революционного пафоса созидательного труда Платонов по прозрению признавался: мир более велик во всех

направлениях; его нельзя обозреть (тем более радикально преобразить) ни в душе, ни в пространстве¹.

2. Фантазия – мать бездны, – констатировал Блок. На деле искусственный морфогенетический ресурс фантазии не безграничен; уж точно он меркнет в сопоставлении с продуктивными возможностями естественного самопреобразовательного прогресса. Предметоориентированная фантазия скована вынужденным замыканием мысли (в противовес «грёзам духовидца») на а) актуальный запас выверенных идей; б) технологические возможности.

Концептуально-конструктивная приземлённость фантазии, оконтуренность её мыследеятельностной выполнимостью развеивает ощущение неведомой, похожей на сказку прекрасной жизни, даруемой Бурей мысли и Натиском технологии. Человек, выводил Белинский, бывает часто жертвою собственного воображения, игрушкой собственных призраков, мучеником несчастного темперамента. Пробивание к тайнам бытия по неуёмной фантазии (призрачному видению, экзальтированной мечте) даёт сон. Конструктивное использование законов бытия даёт не лукавая воля, но технология. Технология, базирующаяся не на отлёте мечты от реалий, не на сочинительстве (*fiction*), а на сознательном использовании тех же законов природы. (Вспомним Гофмана, рассуждающего о золотом веке человечества, о тех незапамятных временах, когда человек жил «в первозданной священной гармонии с природой и был наделён божественным инстинктом пророка и

поэта, когда не дух человеческий открывал природу, но она сама открывала его и своё новорождённое чудо питала глубинными родниками...»²).

3. Стратегия природо-культуроподобия основательна, хороша как регулятивная платформа выделки бытия по проекту (идее) в части блокирования откровенного псевдоморфозного дара плодить химеры. Однако же в некоем радикальном плане «отнять у богов небеса» и стимулировать «творить чудеса» она не способна. Не способна по причине принципиального несопряжения (в отсутствии *harmonia pre stabilitata*) субъективного искусственного и объективного естественного.

Удержим во внимании такие моменты:

а) ментальная генерация бытия обусловлена (в пределе) принципом свёртывания: по допускаемому капитальному свойству $\varphi_{(x)}$ допускается множество предметов его носителей $\{x/\varphi_{(x)}\}$;

б) технологическая инициация бытия обусловлена операциональной реификацией (обмирщение) идей по возможностям индустриальной базы.

В вариации (а) задания существования возникают угрозы производства эфемерности; в вариации (б) – мирочуждости. С неприятными спутниками (ростом условности, нигилизма, демонизма в организации жизненной среды) вплоть до обвала мироустроительной миссии, в вариации (а) + (б) – доминировании инструментальной антигуманности: апокалиптическая ситуация с природой и человеком.

¹ Платонов А. П. Избранное. М.: Терра, 1999. С. 310.

² Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1998. С. 316.

4. Расщепление истины и красоты питает объективизм. Подобное же расщепление технического и человеческого питает вещизм, консьюмеризм. Духом нашего времени становится инсталляция – организация суррогатной среды, нарочитое оформление замкнутых пространственных контуров с утрированием:

- техник подсознательного внушения;
- броских (в целях промоуต์ства) сочетаний несочетаемого;
- упрощённых способов визуализации смыслов (абстракционизм, пуантилизм, дивизионизм, вортицизм, машинная эстетика, кинетизм и т. п.);
- умозрительно-наглядного (оксюморон) конституирования предметности;
- альтернативной образности.

Воистину, выводил Адорно, за отсутствием способности воздействовать на ум и сердце приводят в изумление глаза и уши.

Неуклонно истончается черта Апеллеса – высокое совершенство, достигаемое упорным трудом, вытесняется расхожими приёмами производства низкопробного рыночного массового товара, рассчитанного на потребление «механической головы». Как уточнял Хаусманн, у усреднённого человека (речь шла «о среднем немце»; между тем рефлексия реалий позволяет, отвлекаясь от частности, усмотреть в феномене присутствие всеобщности) «есть только те способности, что случайно прилипли (разоблачающее качество глагола) к его голове». Прообраз типологического персонажа такого рода – манекен для шляп, символизирующий отсутствие мысли и вкуса.

5. Высокие, вечные ценности не технологичны; искусство имеет дело

с вечностью творения и творением вечности; технология – с паллиативностью наличного. Чем абсолютнее ценность, тем лучше для искусства, но не технологии, погруженной в относительное, обходящей темпоральное.

Искусство сотворяет «на все времена», технология – на времена длящихся (закон сохранения исключает возможность всегдашне-бессрочного «вечного двигателя»).

Шиболет глубинной ситуации нашей эпохи (используя номинацию Ясперса) – превращение технологии в искусство жить. Отсюда специфический феномен современного существования: порча человеческого безвкусной технической (суррогатной) силой. С отталкивающими гримасами: бездуховностью, коммерциализацией гуманитарных святынь (тела, дела, идей, совести), тупиками кричащей бездарности (выбывающиеся за пределы «рутины», мостящие тракт и «вечному» дешёвые перформансы, контркультурные реди-мейд импровизации, эпатажно-шокирующие имплементации в духе «менструальных ванн» и т. п.), фетишизацией потребительства, конформизмом, деинтеллектуализацией, псевдоментализмом (питающая «вдохновение» видеоигромания) и многим сродни упомянутому, включаемому Парсонсом в каталог антигуманитарных альтернатив технонаучной цивилизации.

6. Сверхцель технологии – пересоздание природы, сверхцель культуры – развёртывание свободы вкупе с нравственной силой. Одно и другое – не встречно направленные процессы.

Технология – рычаг инструментального, но не гуманитарного разума, – как таковая есть ресурс овладения телесностью и духовностью с целью не

человеческого развития, но установления изощрённого над ним контроля.

Исключительно по данной причине идеал грядущей мировой цивилизации усматривается в упрочении человеческого, человекоберегающего общества, где последнее функционирует как не техноморфный, но гуманитарный эквивалент Бога.

7. Искомый человек с «достойной душой», «достойной сущностью» (поисками которого озабочивался ещё Диоген) – дериват не обновления мира, но самообновления.

Стадии восхождения человека к Богу Шелер представляет ступенями познавательного отягощения:

- знание контроля – естествознание;
- знание культуры – антропология;
- знание спасения – теология.

Светская редакция программы гуманитарного мужания – обретение собственного спасения через приобщение к культуре по достижению самоконтроля. Контроля созидания природных, социальных, персональных значимостей. В ареале природы: предотвращение человекобожеской вседозволенности, подрыва неорганическо-органических основ существования. В ареале социума: предотвращение перерождения общества в антиличностную инстанцию, купирование институционализма, корпоративизма, бюрократизма. В ареале экзистенции: предотвращение самутраты; истина не в пересоздании природы (техноморфизм), не в преобразовании общества (социоморфизм), истина – в преображении человека.

Засилье природно-социального деиндивидуализирует, уравнивает, усредняет; оно понуждает и принуждает. Однако не в этом основное лишение. Последнее – в самосопротивлении внутреннему прогрессу, вдохнови-

тельному трансцендированию к высшему (не обязательно в теоморфном прочтении¹). Никто их бияше, сами ся мучаху, – говорили в XII в.

Будучи существом натурально-социокультурным человек перекрывает предданное, отмеренное ему в стремлении к высокому, священному, идеальному.

Животное имеет среду, человек – мир, который в отсутствии собственной достаточности превозмогает. Превозмогает самотворчеством.

Вследствие гиперболизации плотской направленности технонаучной цивилизации в человеке утрачивается нечто сокровенное, что может быть достаточно точно обозначено как «душевное прибежище», то, что от человека не отнять, то, что убить в нём нельзя.

Ложь инструментализма есть ложь расщепления научно-технической и гуманистической составляющей цивилизационного развития. Как умонастроевание, идейно обязывающая платформа, инструментализм складывается в абсолютизации мироустроительной стороны преобразовательных усилий в противовес духовно-душевному совершенствованию, метафизическому наполнению человеческого существования.

Однако же, как демонстрирует опыт, научно-технический прогресс в отрыве от прогресса душевно-духовного влечёт деградацию человеческой породы. Очередной дебош против человеческого есть иллюзия лёгкого решения – совершенствовать мироздание вне и помимо совершенствования высшей сферы мироздания.

Дискредитация гуманитарного в створе гиперболизации технического

¹ Бердяев Н. А. Избранные труды. М.: МПЦИ, 1999. С. 40.

не инновационна; в ней не просматривается ни грамма дерзких, оригинальных, внушающих доверие идей, стимулирующих воображение, окрыляющих праксис. С претензией окормления, высказывания неких терминальных откровений, формулировки светоносных анагогических начал традиционно выступает технократизм, ставящий на «материю и силу» наряду с всеядным бухгалтерским обчётом *in effectu*:

- в регистре «материальность» – механизация, автоматизация;
- в регистре «социальность» – институционализация, кодификация;
- в регистре «индивидуальность» – индоктринация, манипуляция.

Кормило правления высказывает из человеческих рук, возникает трагифарсовая ситуация многократно описанного тоталитарного заповедника (хоть бы в редакции Замятина: «...непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ», – подкупающие технонаучные новинки, – и ... квадратная гармония «серо-голубых шеренг»¹).

Универсальная инженерия как истинный смысл жизни... Оказывается ли она выше человеческого значения мира, выше гуманитарной истории?

*Статья поступила
в редакцию 18.09.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В. Философия технонаучной цивилизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 136–147.
2. Ильин В. В. Цивилизационные пути Homo Technologicus: деликатность экзистенциальных ситуаций // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3. С. 165–183.
3. Ильин В. В. О теории человеческого действия // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4. С. 237–245.
4. Ильин В. В., Бирюкова Е. А., Вишневская С. Н., Сапегина О. П., Шаура Е. К. «Человеческое» в контексте технонаучной цивилизации (статья 1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 2. С. 7–15.
5. Ильин В. В., Шаура Е. К. Последнее прибежище техногенной цивилизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 3. С. 155–164.

REFERENCES

1. Ilyin V. V. [Philosophy of techno-scientific civilization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 136–147.
2. Ilyin V. V. [Homo Technologicus way of civilization: the delicacy of existential situations]. In: *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2019, vol. 8, no. 3, pp. 165–183.
3. Ilyin V. V. [On the theory of human action]. In: *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 2019, vol. 8, no. 4, pp. 237–245.
4. Ilyin V. V., Biryukova E. A., Vishnevskaya S. N., Sapegina O. P., Shaura E. K. [The human in the context of techno-scientific civilization (Article 1)]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2019, no. 2, pp. 7–15.

¹ Замятин Е. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. С. 15.

5. Ilyin V. V., Shaura E. K. [The last refuge of industrial civilization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 3, pp. 155–164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общественных наук Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Челенко Александра Викторовна – кандидат технических наук, доцент кафедры общественных наук Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал;
e-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

Шаура Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
e-mail: elenashaura@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Social Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Alexandera. V. Chelenko – PhD in Engineering, associate professor at the Department of Social Sciences, Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch;
e-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

Elena K. Shaura – PhD in Philosophy, associate professor, degree-seeking candidate, MGIMO University;
e-mail: elenashaura@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ильин В. В., Челенко А. В., Шаура Е. К. Technischenwelt – menschenwelt: проблема взаимодействия в контексте современной цивилизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 148–157.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-148-157

FOR CITATION

Ilyin V. V., Chelenko A. V., Shaura E. K. Technischenwelt – Menschenwelt: The Problem of Interaction in the Context of Modern Civilization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 148–157.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-148-157

УДК007/801

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-158-167

ПРИМЕНЕНИЕ ВЕБ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИИ)

Янич М. С.*Нишский университет**18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия*

Аннотация. Современное преподавание грамматики – очень сложный и комплексный процесс, который требует от учителя умения сделать скучный материал интересным для ученика и, как результат, развить его грамматические и речевые навыки. Одной из наиболее сложных грамматических тем является морфология. Цель данного исследования – определить, в какой степени новые технологии могут помочь учителю в работе над этой темой. Для этого в начальной школе г. Ниш был проведён эксперимент, позволяющий сравнить два подхода к обучению школьников морфологии (традиционный и инновационный). В качестве примера новых технологий были использованы веб-программы *Nearpod* и *Formative*. По окончании эксперимента было проведено анкетирование учащихся с целью узнать их мнение о применённых методах и формах обучения, а также тестирование результатов обучения в двух группах (экспериментальной и контрольной) с последующим сравнительным анализом. Результаты оказались вполне убедительными относительно того, какие возможности открывают для обучения новые компьютерные технологии. *Formativ* и *Nearpod* представляют собой две образовательные платформы, с помощью которых учитель создаёт урок и транслирует его на индивидуальные компьютеры обучающихся через интернет. Использование этих программ позволяет учителю активизировать и контролировать деятельность всех обучающихся, а также проверять понимание и усвоение материала в режиме реального времени.

Ключевые слова: методы обучения, веб-программы *Nearpod* и *Formative*, уроки морфологии

THE USE OF WEB TECHNOLOGIES IN THE COGNITIVE PROCESS (ILLUSTRATED BY THE STUDY OF MORPHOLOGY)

M. Janjić*University of Niš**2, Universitetska Square, Nish, 18106, Republic Serbia*

Abstract. Modern teaching of grammar is very complex and difficult for teachers because it requires making dull material interesting for students so that they could develop grammar and speaking skills as an outcome of their studies. One of the most difficult grammar themes is Morphology. The aim of this study was to examine the extent to which new technologies can help teachers in dealing

with it. An experiment was conducted in a primary school in Niš to examine two ways of teaching Morphology (traditional and innovative). As an example of modern technologies such Web Tools as *Nearpod* and *Formativ* were used. The author surveyed the students who took part in the experiment concerning their opinions on the procedure and compared the results of their knowledge tests in the experimental and control groups. The results turned out to be convincing of great opportunities that modern technologies provide. *Formativ* and *Nearpod* are educational platforms with the help of which the teacher creates and shares a lesson with his/her students in class (via the Internet). Using these tools allows the teacher to activate and monitor the work of all students; to check the understanding of the lessons and the acquisition of knowledge in real time.

Keywords: teaching methods, Nearpod and Formative Web Tools, Morphology classes

Introduction

For the majority of students grammar classes are boring and difficult because of the material. Another problem is inability to acquire abstract content at the primary school level. The lowest achievements are from this particular area, which has for years been confirmed by the final exam (entrance exam) at the end of the primary school. Therefore, it is a real challenge for the teacher to adapt serious grammar material to younger children.

In Serbian schools, grammar classes are still being approached in a traditional way, i. e. by «grammatizing», which can be a cause of students' low achievements. Individual characteristics of learners are neglected with such an approach. Students are forced to acquire knowledge at a pace that often does not match their abilities or desires, so they fail to fully master certain grammar units. As a part of numerous characteristics of modern teaching, which significantly increases grammar and communicative competences in students, modern teaching software can also contribute to the outcomes of learning process – primarily online programs and various web tools. Their main advantages are: raising the power of perception and concentration, stimulating learners' motivation and, more importantly, influencing students' interactivity in independent

work through adjustment to the sensibility of the individual. Socially-marginalized students, discouraged children, children that are insufficiently included in the learning process (who often do not have elementary conditions and means for study – textbooks) have special benefits with the use of these technologies.

Methodology

In order to analyze the educational effect of web tools, i.e. to what extent the online programs can stimulate students to work and thus increase the level of their achievement, in April 2018 we conducted a research in Morphology classes at a primary school. We started from the assumption that the use of web tools will increase students' engagement, and therefore their motivation, which should result in a better understanding of lessons as well as in deeper and more durable knowledge. Morphology is seemingly a simple area of grammar, however, learners have big problems with it. The research was conducted on the lessons on verb forms and verb tenses.

The research sample consisted of 100 sixth-graders¹ of the Primary School

¹ Six-grade classes were not balanced regarding the composition of pupils, so the best results in all subjects are achieved by VI-4, whereas the results of VI-3 were the worst. The teacher chose

«Ivan Goran Kovačić» in Niška Banja divided by classes into two groups: an experimental group and a control group. The lessons for the experimental group, which consisted of two classes: VI-2 and VI-3, were designed by using *Nearpod*¹ and *Formative*² (with the occasional use of assisting web tools for making linguistic games), whereas the lessons in the control group, which also included two classes: VI-1 and VI-4, were conducted in a traditional way. In addition, it is very important to note that, according to students' achievements, the experimental group was much weaker in comparison with the control group and it never showed a significant progress in education (it basically included Roma children). It means that the traditional method in this group did not produce any results. The classes who had solid results in accomplishments were included into the control group. We started from the idea that only the application of ICT in teaching can increase the level of grammatical knowledge in these classes (in good classes, it is easy to achieve good results with the traditional approach, whereas in bad classes, the traditional approach does not work). In this way (with an innovative approach to grammar), we tried to help socially-marginalized students achieve better results compared with their previous accomplishments in

the area of grammar and to show how effective the implementation of software in morphology classes can be.

In this experimental research, we used the methods of quantitative and qualitative data processing, analytic-synthetic method and the method of student observation in the classroom, together with the surveying and testing techniques. Two different questionnaires, consisting of eight questions each, were used in this research. All questions were identical for both groups – experimental and control. Apart from the questionnaire, we also used knowledge tests which were the same for all respondents. Two tests were conducted in the following manner: one at the end of the sixth grade, and the other at the beginning of the seventh grade (a re-test) in order to determine what approach (innovative or traditional) allowed students to achieve better and more permanent knowledge in the area of morphology. The course of research included six classes of new material processing and one class of revision in a digital classroom in which every student had a computer. The teacher³ prepared four lectures in *Nearpod* (on Imperative, Past Participle and Present Participle, Future II, Passive Participle) and two lectures in *Formative* (Imperfect and Past Perfect).

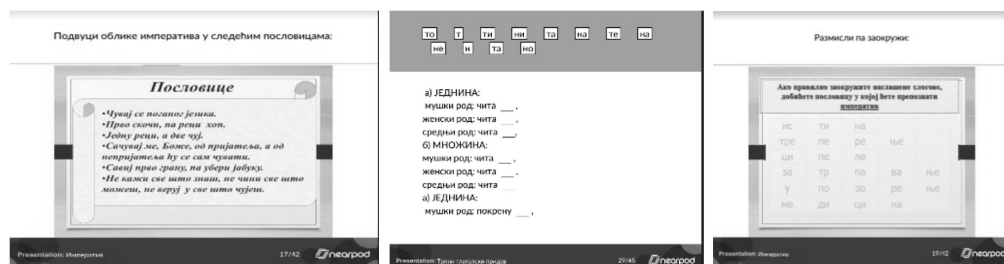
Nearpod works in the sense that the teacher starts a presentation (*pic. 1–3*), whereas the students follow the slides on their own computers. In the presentation, the slides include some activities especially designed for learners: examples of Imperatives and tasks that allow of methodological guidance of students through the unit and their independent comprehension

VI-3 class to be the experimental group because, apart from having the lowest achievements, it has a lot of pupils from sensitive groups, socially deprived, with family issues, etc. The second experimental class had lower results in tests and knowledge assessments, it was losing motivation, and was chosen by these reasons.

¹ Nearpod. Available at: <https://nearpod.com/> (accessed: 01.11.2019).

² Formative. Available at: <https://goformative.com/> (accessed: 01.11.2019).

³ The teacher who realized these classes was Nataša Stojanović, the co-author of this paper.

Pic. 1–3: Slides made in the Nearpod

Pic. 4–5. Students are working individually on their computers

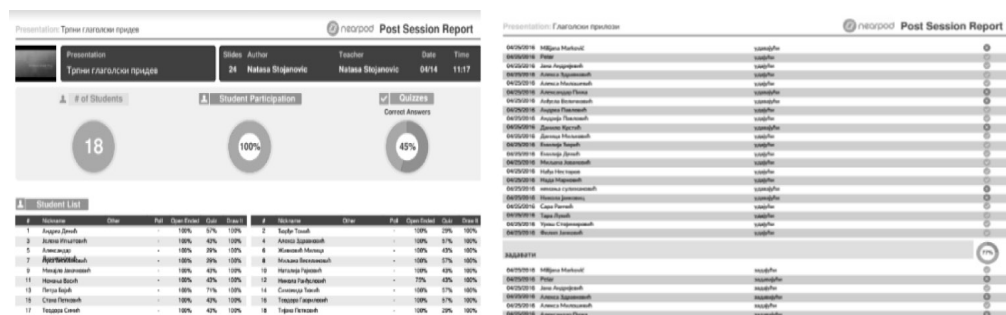
and acquisition of knowledge. The slides are interactive so that the students could give answers to the questions in their own words on the slide. They can read, think, underline, circle, write correct forms, etc. While the students are working individually on the lesson by using a computer and an online program (pic. 4–5), the teacher is monitoring their work on his/her computer simultaneously communicating with the learners in person by further clarifying the examples and encouraging them to think. Even though they work independently, students think aloud and ask the teacher questions. They all work on the same tasks and at the same time, but individually – everyone on his/her computer.

The teacher coordinates and monitors the work of all students and only when all of them finish one task the teacher goes to the next slide. On his/her own screen, the teacher monitors the answers of each learner individually (pic. 6–7), so that s/he could immediately react if s/he notices

that a student misunderstands something or that s/he does not understand enough. Then the teacher stops at that part, starts a discussion, and s/he can also show the work of other students to everyone as well as demand from the learners to explain their answers, etc. until s/he is sure that all students have understood the lesson. In this way, on the one hand, there is a participation of all students in class, and the understanding of the lesson by all, on the other hand, the teacher does not move on to new activities until all pupils show the understanding of a particular part of the lesson. After one part of the lesson, the teacher can check the acquisition of knowledge with a survey and a test (in the class phase: knowledge insurance or in the final part of the class).

The lessons are enriched with language games made in the program *Learning apps*¹ in order to additionally stimulate

¹ Learning apps. Available at: <https://learnin-gapps.org/> (accessed: 01.11.2019). Креативна

Pic. 6–7. The teacher coordinates and monitors the work of all students

Pic. 8. The teacher follows all the students

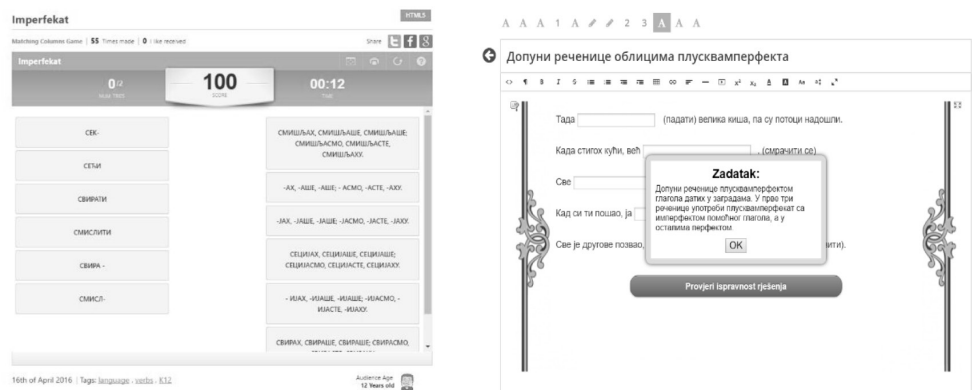
the students to better memorize and practice the learned lesson through the games. The atmosphere is more than stimulating and creative – the children enjoy grammar classes. Apart from these quick interventions and feedback to every student, even after the classes, the teacher has a possibility to analyze the learners' answers in greater detail because both tools keep and process data. This, indeed, can be useful for the teacher in planning further lessons.

While the lesson in *Nearpod* is controlled by the teacher, the lesson in *Formative* is controlled by the learner. The

student chooses tempo at which s/he will read the lesson and complete the tasks. This tool also offers tasks of the following type – true/false, multiple choice questions, free answer questions, short answer question, and the lessons are additionally enriched with interesting language games. On his/her own screen, the teacher here also follows all the students (pic. 8) and s/he can immediately reply to the learner and give him/her feedback on the completed task in the form of a personal message. Moreover, it can also make students' work a base for the further discussion.

Since a lesson on Imperfect is the most difficult one, we chose this program so that the students could determine for how long s/he would work on some task and study the lesson. To make the material a

Школа Available at: <https://onedrive.live.com/?authkey=%21AGeSTaZBCauL4n0&id=DF1648C229F0640B%211125&cid=DF1648C229F0640B> (accessed: 01.11.2019).

Pic. 9–10. Language games

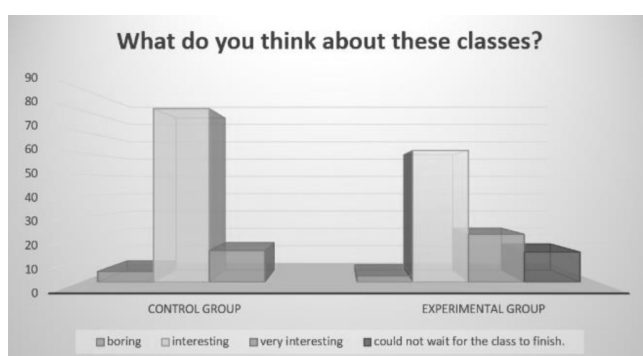

Chart 1. The answers to Question 1

little easier, we created a lot of useful and meaningful language games (pic. 9–10).

When all the classes had been over, the results of the research were analysed and the effects of the project were summarized.

Research results

Surveying

After conducting the same classes in the experimental and control groups, we surveyed the students to learn about their views on the application of ICT in classes.

1. The first question was concerned with students' impressions and feelings about these classes, so they were offered the answers: «boring», «interesting», «very interesting» and «could not wait for the class to finish». As it can be seen in

the diagram (Chart 1), the majority of students answered that the classes were interesting to them (90%), 10% said that they were very interesting. Based on the overall results of the survey, we conclude that the majority of both groups was satisfied with the classes.

2. To the second question: «How do you best study grammar?» the highest percentage of students in both groups (61% in the control group and 56% in the experimental group) gave a response that they had learned best when the teacher was teaching and explaining; 25% of the students in the experimental group circled the answer «when the teacher shows tables, pictures, graphs, illustrations», while in the control group this answer was chosen by 17% of learners; 22% of the students in the con-

Chart 2. The answers to Question 2

trol group and 19% in the experimental group chose the option «when the teacher asks and the pupils answer» (Chart 2). We assume that this result can be attributed to the way the majority of teachers work with first graders: students get used to learning by carefully listening to the teacher and then repeating the material.

3. The third question was: «Would you like to study grammar with the help of computer programs and why?». The affirmative answer was given by 92% of the students from the experimental group and by 73.2 % of the control group, while the negative answer was given by 19.5% of the control group and 8% of the experimental group. This difference can be considered almost insignificant, given that the control group did not use computers in class during the research.

4. To the following question: «Is it easier for you to learn grammar through games?» the affirmative answer was given by 77.8% of the students from the experimental group and by 44% of the control group (which worked traditionally, without the use of the game method). Interestingly enough that 19.4% of the students from the experimental group and as much as 41.5% of the students from the control group gave the answer that it was irrelevant to them.

5. To the fifth question: «Do you remember the materials more easily and

longer with the help of a computer?» the positive answer was given by 66.7% of the students from the experimental group and by 51.2% of the students from the control group; the answer «no preference» was given by 19.4% of the students from the experimental group and 31.7% of the students from the control group, while the negative answers were given by 13.9% of the students from the experimental group and 17% of the students from the control group.

6. To the sixth question: «Do pictures, colors, shapes facilitate grammar classes?». The majority of learners answered affirmatively: 88.9% of the students from the experimental group and 78% of the students from the control group. Negative answers were given by 11% of the students from the experimental group and 22% of the students from the control group.

7. The question: «Do you like it when you use computers in language classes?» was answered affirmatively by as much as 88.9% of the students from the experimental group and 92.3% of the students from the control group (Chart 3).

8. The last question in the survey was: «Which form of work suits you best – frontal, individual, group or pair work?». The obtained results show that 63.9% of the experimental group preferred individual work (19.4% liked group work and 16.7% frontal work), and the control

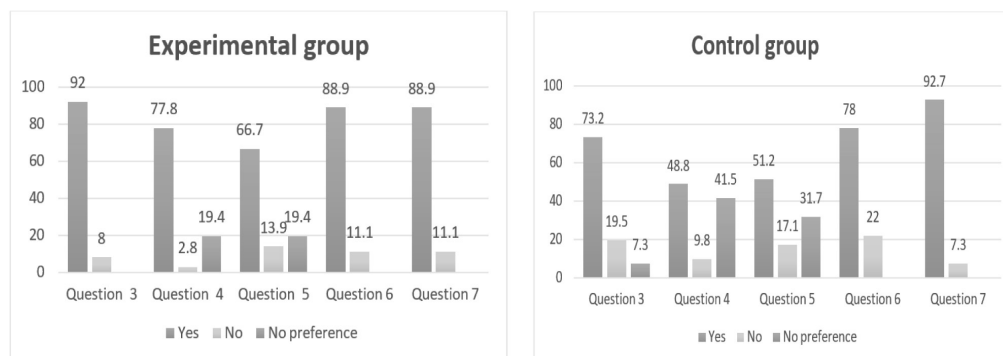

Chart 3. The answers to Questions 3-7

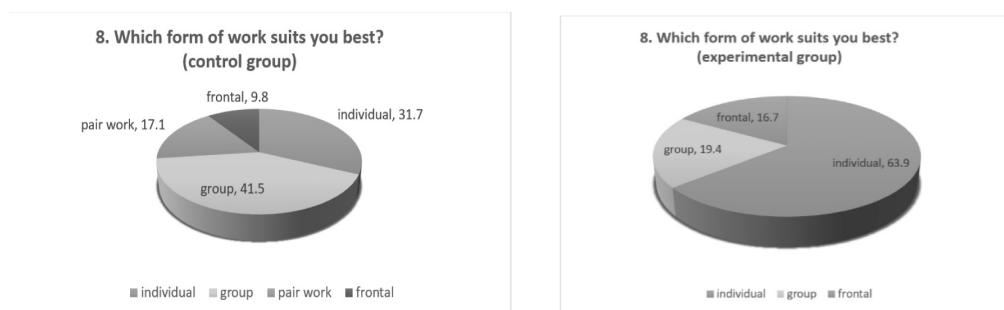

Chart 4. The answers to Question 8

group favored group work by 41.5%, followed by individual (31.7%), and pair work (17.1%) (Chart 4).

Therefore, generally speaking, both groups agreed that they would like grammar to be taught with the help of computers and software, because it is more understandable, more interesting, they memorize it more easily, and with more fun. On the other hand, both groups stated that they liked it most when their teacher taught and explained, which was, expectedly, the outcome of the dominant experience in primary classes. Of course, it is not surprising that almost two times more students from the experimental group were in favor of learning through games in comparison with the control group students who did not have game-like classes. When it came to durability of knowledge, the majority of the students from both groups stated that

their knowledge was more permanent when acquired with the help of a computer. In addition to that, the opinion was identical in relation to creative teaching and the application of the diversity of colors, shapes and teaching materials in grammar classes which almost all students chose. It is also important that in none of the groups the students opted for the frontal form of work as their favorite, but they favored the group (in the control group) and individual (in the experimental group) forms of work, which reveals the need to modernize the teaching in which the frontal form of work predominates.

Testing

The effects of the use of online programs were checked by testing at the end of the sixth grade and re-testing at the beginning of the seventh one. By comparing the re-

<i>Control group</i>			<i>Experimental group</i>		
	Sixth grade	Seventh grade		Sixth grade	Seventh grade
V1	72,4%	58,75 %	V12	67%	55,5%
V14	63%	63,5 %	V13	50,2%	48,25%

Chart 5. The results of testing

sults of the tests (*Chart 5*), we can conclude that the experimental classes did not show much worse results in comparison to the control group, which is a big improvement for them given that their earlier results were much lower. The results are even almost equal: while in the control group the positive results were achieved by 72% of students in one class and 63% of students in the other class in the experimental group, the positive result was shown in as much as 67% in one class and 50% in the other class. It is important to point out that the students in the experimental group achieved better results in comparison with the previous testing in that school year. In this way, the remarkable effectiveness of the application of ICT (programs: *Nearpod* and *Formative*) in grammar classes was confirmed. The re-test in the seventh grade proved durability of knowledge and retention of the level of students' achievement even after several months (both groups showed positive results in about 50–60% of the students).

Conclusion

Morphology classes that are headache for primary students can be much more interesting and efficient if modern online programs, such as *Nearpod* and *Formative* are integrated into them. Not only are the classes organized in an interesting and interactive way, but the accomplishments of learners and the sustainability of their knowledge are much higher than usual. With such resources, motivation for study

is increased, students' knowledge is deepened and various competencies are developed. A special contribution of these tools is in encouraging those pupils who are slow and shy, providing them with an opportunity to express themselves. By endowing students with responsibility to manage their learning process, we raise their self-esteem and develop their interest in grammar. The survey showed that the experimental group was more satisfied with the application of modern technologies and methods in comparison with the control group, and the former outdid themselves in terms of knowledge. Moreover the students of both groups were in favour of modern teaching, the one that is based on using computers, group and individual forms of work, game-like and creative teaching. Testing confirmed the durability of students' knowledge and achievement under innovative teaching.

From the teacher's standpoint, computer-based classes proved to be purposeful in multiple ways: they are able to timely reveal what students comprehend and what is unclear to them, so that teachers could react immediately in order to help their students learn and understand even more. The control over the whole class and the insight into individual achievements are special advantages of individualized teaching aided by contemporary software.

*Статья поступила
в редакцию 11.11.2019*

REFERENCES

1. Bowers C. The Cultural Dimension of Educational Computing. Available at: <http://faculty.washington.edu/stkerr/585read.html> (accessed: 01.11.2019).
2. Carnall C. Managing Change in Organisations. Canada, 2007. 394 p.
3. Cornu B., Danon C. Didactics, ICT and the teacher of the future. In: *Information and Communication Technologies in Education*. 2000. P. 95–102.
4. Sutherland R., Robertson S., John P. Interactive education: teaching and learning in the information age. In: *Journal of Computer Assisted Learning*, 2004, vol. 20, iss. 6, pp. 410–412.
5. Watson D. M. Pedagogy before Technology: Re-thinking the Relationship between ICT and Teaching. In: *Education and Information Technologies*, 2001, vol. 6, iss. 4, pp. 251–266.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина С. Янич – доктор филологических наук, профессор факультета философии Нишского университета, Республика Сербия;
e-mail: marina.janjic@filfak.ni.ac.rs

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Janjić – Doctor of Philological sciences, professor at the Department of Serbian Language, Faculty of Philosophy, University of Niš;
e-mail: marina.janjic@filfak.ni.ac.rs

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Янич М. С. Применение веб-технологий в познавательном процессе (на примере изучения морфологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 158–167.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-158-167

FOR CITATION

Janjić M. S. The use of web technologies in the cognitive process (illustrated by the study of morphology). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 158–167.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-158-167

УДК 378.16:37.025.7–057.875

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-168-177

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ТЕКСТА УЧЕБНИКОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация. В статье уточнены определения понятий «текст», «смысл», «смысл текста», раскрыта их роль как факторов формирования у студентов профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления. Авторами произведён анализ взглядов исследователей на природу и сущность смысла и смысла текстов. Посредством использования методов сравнения и сопоставления выделены существенные признаки феноменов «смысл» и «смысл текста». Раскрыта мировоззренческая и методологическая роль смысла как фактора. Введены авторские редакции понятий «текст», «смысл», «смысл текста», а также раскрыт алгоритм влияния смысла текста на формирование у студентов профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления.

Ключевые слова: *текст, смысл, значение, фактор, культура, роль, мышление и мировоззрение*

THE MEANING AND SENSE OF THE STUDY TEXT AS FACTORS OF BUILDING STUDENTS' PROFESSIONAL OUTLOOK AND METHODOLOGICAL CULTURE OF THINKING

N. Mikhalkin, A. Averushkin

*Moscow State University of Psychology and Education
29, Sretenka st., Moscow, 127051, Russian Federation*

Abstract. The article considers the definitions of the concepts «text», «sense», «text meaning», their role as formation factors of students' professional outlook and methodological culture of thinking. The authors analyzed the views of researchers on the nature and essence of meaning in general and meaning of texts in particular. Through the use of comparative methods significant signs of the phenomena «meaning» and «text meaning» have been identified. The worldview and methodological role of meaning as a factor has been revealed. The authors presented their understanding of the concepts «text», «sense», «text meaning of» and revealed the algorithm of text meaning influence on students' professional outlook and methodological culture of thinking.

Keywords: *text, sense, meaning, factor, culture, role, thinking and worldview*

Для подготовки выпускника вуза, соответствующего тем задачам, которые он должен решать и тем проблемам, которые он должен разрешать, необходимы не только профессиональные знания, умения и навыки, не только профессиональные компетенции, как его способность и готовность социально прогрессивно воссоздавать конкретную сферу его практически-преобразовательной деятельности, необходим ему также «духовный стержень», прогрессивная идеология, смысл его бытия.

Очевидно, без *идеи* «нового» человека-специалиста, без идеи социального прогресса, смысла профессиональной деятельности никакой проект обучения (научения) и воспитания студентов существовать не сможет, никакого достижения «гармоничного завтра» никогда не произойдёт, никакого счастливого бытия людей, что является наиболее совершенным критерием развития человеческого в любом человеке, не получится.

Выходит, что развитие, совершенствование высшего образования объективно предполагает «включение» смысла социального прогресса в текст учебников, другой учебной литературы, которые используются в образовании, и «извлечение» его студентами как с «помощью» преподавателей, так и самостоятельно. Другими словами, есть основание аксиоматичным считать следующее утверждение: текст учебников и других средств, используемых в образовании, обязан содержать не только смысл будущей профессии выпускника вуза, но этот смысл следует коррелировать со смыслом социально-прогрессивного развития страны и её народов. Только тогда у выпускни-

ков вузов будет формироваться соответствующее мировоззрение, культура мышления и культура практического действия.

И для успешного решения поставленной задачи авторы данной статьи намерены ещё раз обратиться к таким феноменам как «текст», «значение» и «смысл», чтобы сформулировать рекомендации для создателей учебной литературы.

Начнём с уточнения понятия «текст», ибо однозначности в его трактовании пока не достигнуто, хотя во второй половине XX в. этот феномен активно исследовался на стыке лингвистики, литературоведения, семиотики, поэтики. Для этого нам потребуется выделить существенные и отличительные признаки текста, сформулировать его «авторское» определение, чтобы потом раскрывать его значение, смысл и выявлять их возможности, как фактора формирования профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления и практического действия. Используем для этого словарные определения текста.

Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, текст определяется как «всякая записанная речь (литературное произведение, сочинение, документ и т. п., а также часть, отрывок из него)¹. Т. е. признаками текста, в соответствие с данным определением, являются его принадлежность к речи, а также фиксация этого феномена на каком-то носителе.

Во «Всемирной энциклопедии: Философия XX век» говорится, что «текст – в общем плане связанная и пол-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2017. С. 687.

ная последовательность знаков»¹. В этом определении текста выделяется такой признак текста как определённая «логика знаков», их согласованность.

В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» определение текста следующее: «текст (от лат. *textus* – ткань; сплетение, сочетание) – это зафиксированная на каком-либо материальном носителе человеческая мысль, выраженная посредством связанных, в некую последовательность, знаков-символов². Здесь мы видим, что в данном определении текста практически объединены ранее выделенные нами признаки.

В рамках лингвистического подхода, текст – это «словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершённого содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание»³. В этом определении выделяются следующие признаки текста: единство содержания и речи. Можно сказать, что в данном случае текст понимается как языковая составляющая коммуникативных связей между людьми, как определённое средство, выполняющее коммуникативную функцию. Другими словами, текст – это определённая грамматика человеческого бытия.

Авторы данной статьи полагают, что с позиций философского подхода, с позиций отражения и закрепления мыслящим человеком своего опыта,

какой-то информации, каких-то знаний, в каком-то материальном носителе, *текст* – это завершённая мысль, выражающая результаты познавательной и практически-преобразовательной деятельности людей о каком-то предмете (объекте), отражённая на каком-либо носителе какими-то знаками, посредством использования достигнутых ими средств и способов фиксации этой мысли.

Конечно, не следует утверждать, что приведённое определение феномена «текст» является завершённым. Это «открытое» определение текста, включающее в себя уже рассмотренные черты и свойства, присущие тексту, а также позволяющее выявить его значение и смысл.

Что касается такого феномена как «смысл», то мы, часто его используя, не задумываемся о его содержании и сущности. Более того, понятие, отражающее данный феномен, считается как бы общеизвестным, т. к. постоянно используется в коммуникативных взаимодействиях людей, в т. ч. и в научных исследованиях. На самом деле, понятие «смысл» не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения. Это относится и к такому сочетанию как «смысл текста».

Следует отметить и такой факт, что среди исследователей появляются мнения-высказывания, что не стоит акцентировать внимание на сущности феномена «смысл». Его следует принимать как некую «данность», включаемую в общение-взаимодействие человека с другим человеком, в процесс познания и передачи информации, т. е. в коммуникативный процесс.

Авторы данной работы не считают такое утверждение правильным. Для

¹ Всемирная энциклопедия: Философия XX век / глав. науч. ред. А. А. Грицанов. М.: АСТ, 2002. С.767.

² Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М., 2016. С. 957.

³ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2014. С. 394.

мыслеречевой и речёмыслительной деятельности, которые являются необходимыми компонентами становления и развития каждого человека, для развития его познавательных возможностей и осуществления преобразовательной, по сути творческой, деятельности необходимо знание этого феномена, ибо в любую мысль мы вкладываем определённый смысл. Мысль без смысла лишена своего качественного содержания, т. к. она тогда ни для чего не предназначена. Мысль всегда для кого-то и для чего-то формируется и формулируется. В дальнейшем она в каких-то предметах, будь то вещь, явление, процесс, социальное образование, материализуется. Ибо в каждом созданном человеком «предмете» заключена какая-то мысль, и он, этот «предмет», содержит в себе определённый смысл для того, кто этим предметом пользуется.

Соотнося смысл и мысль, мы имеем возможность утверждать, что смысл по своей природе есть духовный феномен. При этом авторы статьи, связывая смысл с духовным феноменом, понимают *духовное* как «продукт», являющийся по своему происхождению творением мышления человека, рационального или иррационального, приобретающим «очертания» реального объекта в процессе мыслеречевой и речёмыслительной деятельности.

С учётом того факта, что *мышление* – это «продукт» социализированного человека, возникающее у представителя рода человеческого только после «прохождения» им соответствующего этапа социализации, то *духовное*, в т. ч. и *смысл*, есть «*вторичное социальное*». Т. е. можно утверждать, что *смысл* по своему происхождению

есть *идеально-социальное* творение, ибо *духовное* преимущественно идеально, т. к. не вся полнота творений мышления приобретает осязаемые очертания, которые воспринимаясь человеком, детерминируют его мышление, мировоззрение, формируют у него определённую картину мира.

Важно подчеркнуть, что между материальными и духовными образованиями не существует каких-то раз и навсегда установленных непреодолимых барьеров. Так, любой вид деятельности человека имеет духовные (идеальные) побудительные мотивы в виде интересов, и одновременно духовная деятельность не может не использовать материальных средств. Более того, духовное творчество человека, как мы уже отметили, материализуется в реальных, вещных объектах.

Художник воплощает свои *духовные образы* в живописном полотне, а композитор «материализует» свои музыкальные образы в реальных звуках, «звучащих» мелодиях.

Духовное органически включается абсолютно во все сферы жизни общества, во все виды деятельности, посредством которых социальные институты и общности воспроизводят то, что называется обществом.

Духовное, идеальное, «сливаясь» с материальным, становится зримым, слышимым, осязаемым, ощутимым в материальных вещах, предметах, действиях. Поэтому, изучая духовную жизнь в целом или её отдельные аспекты, важно оценивать не только содержание идей, теорий, концепций, художественных образов, но и их смысловое «наполнение».

Выходит, что вся совокупность взглядов, воззрений, убеждений, ценностных

и нравственных ориентаций, текстов как результаты материализованного выражения духовного, процессов абстрактной мыслительной деятельности личностей в обществе содержат разные, но конкретные *смыслы*.

Однако прежде чем сформулировать авторское определение понятия «смысл», рассмотрим какие существенные и отличительные признаки, черты этого феномена отражены и закреплены в его определениях. Исследователи, изучающие феномен «смысл», непременно выделяют, в соответствии с их подходами, конкретные черты и свойства этого феномена, что позволяет определить сущность и содержание этого духовного образования.

Например, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» *смысл* (от англ. *sense, meaning*; нем. *Sinn, Bedeutung*) рассматривается как феномен, обозначающий отнесённость знака, явления, события к человеку или некоторому высшему существу (широкое употребление); это понятие, характеризующее содержание языковых выражений (узкое употребление)¹. Т. е. смысл – это нечто, которое не дано в повседневном созерцании человека, т. к. требует проникновения в скрытую сущность слов, высказываний, предметов реального мира и отношений. Смысл – это обращение мышления человека к природе и предназначению как предметов реального мира, так и к результатам человеческого преобразования им мира на основе его же целеполаганий.

А. Ю. Бабайцев отмечает, что в логической семантике «смыслом называют

то мысленное содержание, которое выражается и усваивается при понимании языкового выражения»². Другими словами, смысл возникает тогда, когда человек как бы «переводит» в свой «духовный мир» мысль другого человека.

Е. В. Алёхина, выделяя смысл жизни и смысл истории, отмечает в этом понятии следующие черты: «Смысл жизни – это главная цель, целостность, желанный идеал, соответствующий представлениям о том, как должно быть» [1, с. 133]. Выделяя смысл истории с позиций религиозного подхода, она отмечает, что «смысл истории – это идея богочеловечества и всеединства» [1, с. 433].

Хотелось бы обратить внимание, в каком виде приводится данное понятие в Советском энциклопедическом словаре: «Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни), целостное содержание какого-либо высказывания, несводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения..., в логике, в ряде случаев в языкознании – то же самое, что значение»³.

Как видим, каждый исследователь, в т. ч. и те, кто формулирует определения в словарях, раскрывает те черты и свойства «конкретного смысла», которые он выделяет в контексте использования им реального подхода к определению этого феномена, оценок общественного мнения и т. д.

¹ Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М., 2016. С. 957.

² Всемирная энциклопедия: Философия XX век / сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, 2002. С. 710.

³ Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1989–1990. С. 787.

Таким образом, напрашивается вывод, что у феномена «смысл» существует столько признаков и содержаний, сколько человек к нему обращается. Однако такой вывод противоречит сущности материалистического познания. В соответствии с его положениями, созданный природой или самим человеком феномен, в т. ч. и «смысл», имеют свою сущность. Она одна, хотя может быть раскрыта на уровне относительной истины, не в «рамках» «полной» сущности.

Чтобы выделить сущностные черты и свойства этого феномена, его происхождение и природу, попытаемся выделить те познавательные-практические моменты, когда мы используем понятие «смысл».

Во-первых, проведённое нами сопоставление феномена «смысл» с мыслью (с мыслью социального человека) позволяет утверждать, что по своему происхождению «смысл» является продуктом мышления, и он есть духовное образование.

Во-вторых, феномен «смысл» становится фактом действительности в ряде случаев, возникающих и проявляющихся в процессе нашего познания и практико-преобразовательной деятельности. Конкретно он возникает в следующих условиях:

- когда мы соотносим, «соприкасаем» информацию, сведения, поступающие к нам со своим мировоззрением. Т. е. возникает это духовное образование тогда, когда мы начинаем определять *предназначение* этой информации для нас, точнее, для конкретного субъекта в конкретной для него познавательно-преобразовательной ситуации;
- когда мы «передаём», пересылаем кому-то своё послание, свои мысли,

как бы добавляя к содержанию своего высказывания его какое-то дополнительное *предназначение*, неявно выраженную в высказывании модальность;

- когда верующие «постигают» заключённое в молитвах «нечто», *предназначенное* для них, когда они достигают понимания *предназначения* конкретного содержания текста или высказывания, но обрамляющего их ожидание, их стремление «проникнуть» в содержание тех намерений, которые возможны только с достижением *откровения* тех намерений Высшей Сущности, которые даруются им и которые становятся доступными для них через уста служителей церкви;

- когда мы оцениваем конкретные действия разумных субъектов, которые или «выходят» за границы установленной в сообществе меры проявления активности людей, или которые являются собой результат, акт творчества и, может быть, выражены средствами (способами), которые качественно отличаются от используемых в данном сообществе;

- когда кто-то намерен «разобраться» в предназначении своей жизни и жизни человека, человечества, мира, в котором мы живём.

Выходит, *сущностным признаком* смысла выступает мыслимое *предназначение* чего-то для кого-то или кого-то для чего-то!

Обобщая рассмотренное, можно дать следующее авторское определение феномену «смысл»: «Смысл» – это духовное образование, результат «взаимопроникновения» информации, направленной на социализированного человека, и его мировоззрения, воплощённое в оценке *предназначения* полученных человеком сведений как

для него самого, так и для выявления направленности социального процесса, в рамках которого он живёт и развивается.

Смысл как духовное образование «входит» непротиворечиво в содержание процесса понимания предмета познания или преобразования его человеком.

Что касается текста как предмета понимания, то смысл его обусловлен рядом особенностей. С одной стороны, сам текст есть результат творчества людей, в котором заключены знания, умения, навыки и опыт людей. Например, при изучении исторического прошлого конкретным исследователем создаётся «история», которая не есть некая «природная» реальность, независимая от данного исследователя. Это реальность есть реконструкция «прошлого», воссозданная познающим субъектом, которая может трактоваться *тройко*:

- история как ушедшие в не-бытие реальные события;
- история как восстановленная людьми реконструкция реальных событий прошлого;
- история как совокупность ныне существующих «исторических фактов», которые являются потенциальными знаками реального исторического дискурса.

Из этого следует, что «субъективное творение» не может реально существовать как «чистый объект», ибо в нём заключена мысль субъекта познания и им оставленный в тексте смысл.

Так вот, хотя уже в XX в. *текст* как объект познания стал исследоваться многими философскими школами и направлениями в контексте выявления включённых в него смыслов, но и

до сегодняшнего дня многие аспекты этой исследовательской задачи не решены.

Так, сегодня осталась нераскрытой методологическая проблема социально-гуманитарного познания «материализованного выражения духовной культуры», что собой и представляет текст. Нет ответов на вопросы об алгоритмах распределечивания субъективных смыслов творцов текстов, объективированных в их творениях, что позволяет «услышать через текст разные человеческие голоса» и с их помощью проникнуть в «дух» минувших эпох, чужих культур.

Именно в этом состоит сама множественность смыслов текстов. Поэтому осмысление текста студентом, преподавателем не может ограничиться лишь тем смыслом, который вложил в него автор текста, произведения искусства и т. п., но и его «читатель». А это значит, что осмысление восполняет текст, носит активный творческий характер. Вместе с тем осмысление текста, зависимость этого процесса от конкретных исторических условий не являет собой чисто психологический и субъективный процесс, хотя личные пристрастия и опыт «читателя-потребителя» играют здесь далеко не последнюю роль.

Более того, множественность смыслов текстов раскрывается не вдруг и не сразу, ибо смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого развития смысловых культурных контекстах последующих эпох.

Надо также учитывать тот факт, что смысл текста в историческом контексте изменяется. Каждая эпоха открывает,

особенно в гениальных произведениях, что-то новое, своё. Новое прочтение «снимает» старый смысл, переоценивает его. Следовательно, осмысление текста – это диалектический процесс, диалог разных культурных миров, результат столкновения разных мировоззрений, способов и форм создания текстов, диалог личностей и культур.

Следует также учитывать и то, что осмысление текста другой по отношению к конкретному читателю культурой – это и нахождение ответов на вопросы, которые возникают в нашей современной культуре.

Авторы данной статьи согласны с мнением ряда исследователей, которые считают, что *выявление смысла текста – это идеальный интегральный акт сознания*, сопровождающийся определённым ментальным состоянием и переживанием, в котором происходит единовременное постижение сущности мысли, извлечение её содержания в тексте, определение ценности какого-либо явления, на основе которого происходит изменение содержания мировоззрения читателя, совершенствование его культуры мышления и практического действия [5, с. 163–164].

Постигание смысла текста – это и естественный процесс выявления сущности исследуемого предмета, отражённого в тексте, его места в мире, его функций в социальном пространстве. Реально данный процесс позволяет раскрыть бесконечные смысловые глубины бытия, места и роли человека в этом мире, его предназначение.

Не случайно А. И. Новиков, один из известных исследователей, отмечал, что исследование текста, использование текста в образовании должно быть связано с выявлением его смысла, по-

зволяющего изменить интеллект человека, раскрыть направление совершенствования его научения и воспитания. Всё дело в том, что текст как речемыслительная единица естественно включается в более широкий коммуникативный контекст, где смысл выполняет существенную роль в его формировании, выступает как фактор, развивающий человека во всех его качествах и свойствах [4, с. 23–30].

Ученица А. И. Новикова Нестерова Н. отмечает, что содержание и смысл – это различные ментальные образования, отличающиеся по способу своего проецирования на сферу сознания: содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст. Из этого ею делается вывод, что текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысл является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст [3, с. 213–219].

И. Р. Гальперин предлагает считать смыслом только то, что сообщается в отдельном фрагменте, а применительно к целому тексту, по его мнению, следует говорить о содержании [2, с. 20].

По мнению авторов статьи, смысл текста как духовное образование возникает и формируется на «стыке» «потока» информации от познаваемого феномена и мировоззренческого потенциала конкретного субъекта. При этом смысл непременно изменяет духовный мир читателя. И если студенту предоставлять текст с необходимым для его социализации и воспитания смыслом, то данные духовные изменения в нём непременно произойдут.

В связи с этим следует исключить из положений об ориентации подготовки выпускников вузов объявление их «ев-

ропейски образованными». Следует пересмотреть «шкалу» приоритетов в оценке наших выпускников в сторону большего самоуважения и отказа от «холопства». Всё это должно заключаться в соответствии смысла текста со смыслом жизни.

*Статья поступила
в редакцию 19.11.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина Е. В. Актуальные проблемы философии: природа человека и смысл его существования. Человек в системе философского знания. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 436 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2006. 144 с.
3. Нестерова Н. М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 213–219.
4. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 223 с.
5. Бугров В. А. Аналитическая философия как методология // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений. Т. 2. М., 2005. С. 62–63.

REFERENCES

1. Alekhina E. V. *Aktualnye problemy filosofii: priroda cheloveka i smysl ego sushchestvovaniya. Chelovek v sisteme filosofskogo znaniya* [Current Problems of Philosophy: Human Nature and the Meaning of Existence. Human in the System of Philosophical Knowledge]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2018. 436 p.
2. Galperin I. R. *Tekst kak oekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object Of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 144 p.
3. Nesterova N. M. [Psycholinguistics of the text, or is text meaningful?]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009, no. 9, pp. 213–219.
4. Novikov A. I. *Tekst i ego smyslovyie dominanty* [Text and Its Semantic Dominants]. Moscow, Institute of Linguistics of Russian Academy of Science Publ., 2017. 223 p.
5. Bugrov V. A. [Analytic philosophy as methodology]. In: *Filosofiya i budushchee tsivilizatsii: tezisy dokladov i vystuplenii* [The Philosophy and Future of Civilization: Theses of Reports and Speeches]. Vol. 2. Moscow, 2005, pp. 62–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михалкин Николай Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

Аверюшкин Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: paperitetics@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology and Education;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

Aleksandr N. Averyushkin – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy and Humanities, Moscow State University of Psychology and Education;
e-mail: paperitetics@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Михалкин Н. В., Аверюшкин А. Н. Значение и смысл текста учебников как фактор формирования профессионального мировоззрения и методологической культуры мышления у студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 168–177.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-168-177

FOR CITATION

Mikhalkin N. V, Averushkin A. N. The Meaning and Sense of the Study Text as Factors of Building Students' Professional Outlook and Methodological Culture Of Thinking. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 168–177.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-168-177

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2019. N 4

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик Е. А. Кытманова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 11,25, уч.-изд. л. 11,5.

Подписано в печать: 24.12.2019. Дата выхода в свет: 30.12.2019. Заказ № 2019/12-07.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.